

ЗАПИСКА

по дѣлу сосланныхъ въ Вилюйскъ
Чистоплюевыхъ и Головачевой.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ моей родины,

Человѣкъ, признанный судебнымъ порядкомъ за врага Вашей Особы, осмѣливается думать, что люди, которыхъ называетъ онъ своими друзьями, могутъ, по его моленію къ Вамъ за нихъ, быть помилованы Вашимъ Величествомъ.

Эти люди: бывшіе жители посада Дубовки Ѳома Чистоплюевъ, жена его Катерина, и тетка его Матрена Головачева.

Они сосланы по судебному приговору на поселеніе, какъ преступники противъ Особы Вашего Величества.

Приговоръ, произнесенный надъ ними, безспорно правиленъ. Они употребляли, говоря объ Особѣ Вашего Величества, выраженія, преступныя по закону, или признавали себя за людей одинаковаго съ говорившими такъ образа мыслей.

Но они соединяли съ этими выраженіями смыслъ, бывший понятнымъ только для нихъ, и сдѣлавшійся извѣстнымъ мнѣ единственно благодаря тому, что они исполнѣ откровенны со мною, какъ не могутъ быть откровенны ни съ кѣмъ, кромѣ людей, считаемыхъ ими за родныхъ. Они считаютъ меня за своего родного.

Смыслъ этихъ выраженій тотъ, что они почитаютъ Ваше Величество святымъ человѣкомъ, приносящимъ въ жертву влеченію души Вашей къ возвышеннѣйшей добродѣтели всѣ блага, которыми могли бы Вы пользоваться.

Каковы бы ни были мои политическія мнѣнія, но смѣю сказать о себѣ, что я не обманщикъ.

Ваше Величество, по глубокому убѣжденію этихъ людей, самый лучшій человѣкъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ. И всего благаго для Россіи они ждутъ исключительно отъ Васъ. Вы желаете, чтобы въ Россіи не было бѣдности; Вы желаете, чтобы всѣ люди въ Россіи стали добры и честны. И Вы достигнете осуществленія этихъ Вашихъ желаній. Они въ томъ убѣждены непоколебимо.

Умоляю Ваше Величество помиловать людей, думающихъ о Васъ такъ.

И если Ваше Величество найдете возможным исполнить мое моленіе къ Вамъ за нихъ, то я буду знать, что доставилъ Вашему сердцу нѣсколько счастливыхъ минутъ.

Человѣкъ, который, каковы бы ни были его политическія мнѣнія, благословляетъ Ваше Величество за то, что на-перекоръ неистовымъ воплямъ невѣждъ, Вы спасли Вашу Имперію отъ напрасныхъ тяжкихъ страданій, не поколебавшись ратификовать Берлинскій Трактатъ,

Николай Чернышевскій.

Милостивѣйшій Государь,
Яковъ Ильичъ,

Мои хорошіе знакомые, живушіе здѣсь по состоявшемуся надъ ними судебному приговору, Оома Павловичъ и Катерина Николаевна Чистоплюевы и Марфа Никифоровна Головачева поручили мнѣ передать Вамъ ихъ письмо къ ихъ роднымъ и знакомымъ, съ тѣмъ, чтобы письмо это было отправлено Вами Вашему начальству, а Ваше начальство просятъ они отправить это письмо по адресу.

Прошу и отъ своего собственного имени Ваше начальство объ исполненіи этой просьбы моихъ хорошихъ знакомыхъ.

Присоединяю къ этой моей просьбѣ слѣдующія свѣдѣнія о лицахъ, за которыхъ прошу.

Чистоплюевы и Головачева — люди безграмотные. А издавна очень много размышляли о богословскихъ вопросахъ. Я въ молодости готовился быть ученымъ богословомъ. Потому, могу съ основательнымъ знаніемъ предмета свидѣтельствовать, что люди безъ обширнаго научнаго образованія не въ состояніи правильно понимать богословскія тонкости. И натурально, что люди совершенно безграмотные, какъ Чистоплюевы и Головачева, сколько ни ломали свои головы надъ этими вещами, не могли ничего понять скольконибудь ясно. Въ томъ и вся причина странностей, увлеченіе которыми привело Чистоплюевыхъ и Головачеву сюда, въ Вилуйскъ.

Только въ томъ. Они безграмотны. Ихъ мысли — сбивчивыя мысли безграмотныхъ людей. И при сбивчивости ихъ мыслей, ихъ способъ выраженія туманенъ, неудобопонятенъ никому, кромѣ людей, подобно мнѣ спеціально занимавшихся изученіемъ тонкостей богословія.

Даже и богослову по профессіи, какимъ былъ я нѣкогда, и, благодаря моей довольно сильной памяти, остаюсь до сихъ поръ, мудрено понимать дѣйствительный смыслъ туманныхъ выраженій Чистоплюевыхъ и Головачевой, безъ помощи длинныхъ разспрашиваній и рассужденій.

Они считаютъ меня искреннимъ другомъ ихъ. И вполне откровенны со мной.

Вамъ извѣстно, Яковъ Ильичъ, что, познакомившись съ ними недавно, я ужъ нѣсколько разъ проводилъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ ними по два, по три часа. И я буду продолжать мою дружбу съ ними.

По обстоятельству, не имѣвшему никакого отношенія къ какимъ бы то ни было распоряженіямъ Вашего начальства обо мнѣ, я рѣшилъ прекратить на нѣкоторое время всякія сношенія съ моими родными. Натурально, что пока я не

пишу къ моимъ роднымъ, я не веду и никакой переписки ни съ кѣмъ другимъ (кромя Васъ). Черезъ полтора или два мѣсяца я возобновлю переписку съ моими родными. Тогда я напишу и для Вашего начальства записку о Чистоплюевыхъ и Головачевой. Съ тѣмъ вмѣстѣ, я напишу и просьбу о ихъ помилованіи. Отъ моего ли имени будетъ эта просьба, или отъ ихъ имени, я еще не умѣю сказать; я подумаю, которая изъ этихъ двухъ формъ просьбы будетъ болѣе соотвѣтствовать содержанію своему. Если я найду удобнымъ писать просьбу отъ ихъ имени, то, разумѣется, я присоединю къ ней другую, краткую, просьбу о нихъ отъ моего имени. Къ кому будетъ обращена просьба, къ Его Величеству, или къ Ея Величеству, я еще не умѣю сказать. Дѣло въ томъ, что старикъ Чистоплюевъ теперь очень хилъ; изъ трехъ моихъ друзей, только Катерина Николаевна Чистоплюева еще пользуется хорошимъ здоровьемъ; она одна кормитъ свою работою тѣхъ двухъ, больного мужа и очень престарѣлую тетку (Головачеву); потому, главное лицо въ семьѣ — она. А когда такъ, то — просьба не должна ли быть обращена къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Подумаю объ этомъ. Смѣю увѣрить, что буду писать по чистой совѣсти. Въ чемъ не буду твердо убѣжденъ самъ, того не буду писать Его Величеству или Ея Величеству.

Одно могу съ полной увѣренностью написать теперь:

Если бы правительство нашло возможнымъ помиловать Чистоплюевыхъ и Головачеву, то они стали бы жить на родинѣ совершенно смирно.

Прошу Васъ, Яковъ Ильичъ, передайте Вашему начальству то, что я теперь пишу Вамъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

26 марта
1879.

Н. Чернышевскій.

Ваше Высокопревосходительство,

Въ концѣ марта я написалъ, съ цѣлью сообщенія моихъ словъ Вамъ, что мѣсяца черезъ два я отдамъ находящемуся при мнѣ Вашему подчиненному, для отправленія къ Вамъ, прошенія на имя Его Величества или Ея Величества о помилованіи трехъ ссыльных Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ и Матрены Головачевой.

Для того, чтобы Ваше Высокопревосходительство могли видѣть, позволяеть ли Вамъ Ваша совѣсть и Вашъ служебный долгъ ходатайствовать о помилованіи этихъ людей, Вамъ, конечно, необходимо имѣть отъ меня подробную дѣловую записку о нихъ.

Она еще не готова у меня. Тѣ люди, за которыхъ прошу я, ровно ничего не понимали въ своемъ процессѣ. Потому надобно было мнѣ очень много времени, чтобы доискаться до смысла въ ихъ безтолковыхъ разсказахъ.

Безъ дѣловой записки, еще не готовой у меня, Ваше Высокопревосходитель-

ство не можете ничего сдѣлать въ пользу бѣдняковъ, за которыхъ прошу я. Я понимаю это. Но еслибъ я не отправилъ въ назначенное мною же самимъ время мое прошеніе за нихъ, это могло бы имѣть видъ, что я по какимъ нибудь мотивамъ пустой щепетильности колеблюсь написать прошеніе.

Потому посылаю его теперь же.

Я нашелъ нужнымъ, по особенностямъ моихъ обстоятельствъ, написать къ приготовляемой мною для Вашего Высокопревосходительства дѣловой запискѣ предисловіе, со всѣми подробностями излагающее мои отношенія къ людямъ, за которыхъ я прошу.

Это предисловіе готово у меня и я посылаю его при этомъ письмѣ. Оно имѣетъ форму простаго разсказа, въ родѣ того, какъ если-бъ это была глава изъ моей автобіографіи. Оно все состоитъ изъ фактовъ мелочныхъ, очень мелочныхъ. Не смѣю надѣяться, что Ваше Высокопревосходительство будете имѣть досугъ прочесть его. Но если Вашему Высокопревосходительству случится самому хотъ взглянуть на него, то впередъ прошу Васъ простить мнѣ безобразный видъ рукописи. Переписка на-бѣло у меня идетъ черепашинымъ ходомъ: чтобы оказался сносно переписаннымъ на-бѣло одинъ листъ, мнѣ приходится бросить десять, двадцать до половины или почти до конца переписанныхъ и попорченныхъ описками листовъ. Впрочемъ, и то сказать: если судить не съ каллиграфической, а съ дѣловой точки зрѣнія, то черновая рукопись имѣетъ надъ бѣловою преимущество непосредственной экспансивности.

Два мѣсяца тому назадъ я писалъ, что еще не умѣю рѣшить, на чье имя будетъ мое прошеніе, и отъ чьего имени будетъ оно: на имя Его Величества Государя Императора, отъ моего собственнаго имени, или на имя Ея Величества Государыни императрицы, отъ имени женщины, которая имѣетъ преобладающее значеніе въ группѣ моихъ друзей, за которыхъ прошу я.—Когда выяснилось содержаніе дѣловой записки, которая необходима Вашему Высокопревосходительству для оцѣнки основательности прошенія, то я увидѣлъ, что прошеніе должно быть отъ моего имени; слѣдовательно, на имя Его Величества Государя Императора.

Оно имѣетъ форму письма.

Смѣю надѣяться, Ваше Высокопревосходительство, что Вы не сдѣлаете мнѣ въ Вашихъ мысляхъ незаслуженнаго мною оскорбленія, не усомнитесь въ моей честности, повѣрите мнѣ, что я не желаю обманывать ни Его Величество Государя Императора, ни Ваше Высокопревосходительство.

И вполне убѣжденъ я, Ваше Высокопревосходительство, что Вамъ не покажется страннымъ мое увѣреніе, что преступныя—и съ тѣмъ вмѣстѣ, по буквальному своему смыслу, до крайности нелѣпныя выраженія объ Особѣ Его Величества, за которыя подверглись законному—безспорно законному наказанію мои бѣдные друзья, имѣли и продолжаютъ имѣть для нихъ самихъ совершенно иной смыслъ, противоположный преступному и глупому буквальному. Вашему Высокопревосходительству, я убѣжденъ, хорошо извѣстно, какіе мыслители и стилисты наши русскіе безграмотные люди. Темные безграмотные простолюдины, мои бѣдные друзья наболтали преступныхъ глупостей, думая говорить премудрыя изреченія о святомъ царѣ, который желаетъ, правда, всего того, чего желали и желаютъ они, но который имѣетъ по ихъ убѣжденію и чудотворную силу осуществить нѣкогда—и, вѣроятно, скоро—все то, чего желаетъ. На то они и темные люди, чтобы,

фантазируя о сверхъ-естественномъ, говорить нелѣпости, въ качествѣ премудростей.

Въ предисловіи къ дѣловой запискѣ, которое посылаю Вашему Высокопревосходительству, есть эпизодъ о выраженіи моихъ бѣдныхъ, безграмотныхъ друзей, что у нихъ „нѣтъ вѣры“.—Вѣры нѣтъ и у меня, Ваше Высокопревосходительство: я принадлежу къ тѣмъ мыслителямъ, которые атеисты. А у нихъ, какимъ же бѣ это образомъ могло въ самомъ дѣлѣ „не быть вѣры“?—Они хотятъ сказать, что еще не осуществилась та совершенно благонамѣренная идиллія, которая, по ихъ вѣрѣ, непременно осуществится, и даже скоро; осуществится силою святаго Царя,—того самаго, который царствуетъ теперь. Они хотятъ сказать, что эта ихъ надежда еще не осуществилась;—и для выраженія этой своей мысли говорятъ, бѣдные, что у нихъ „нѣтъ вѣры“.—Точно такимъ же способомъ объясняются и дикія выраженія, за которыя они осуждены.

Не осмѣливаюсь утруждать Ваше Высокопревосходительство болѣе длиннымъ письмомъ.

Прошу извинить меня, что это, написанное слишкомъ длинно, отняло у Васъ слишкомъ много времени.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою,

25 мая 1879.

Н. Чернышевскій.

Разсказъ о моемъ знакомствѣ съ моими здѣшними друзьями. Катериною Николаевною, Ѳомою Павловичемъ и Матреною Никифоровною, служащій предисловіемъ къ дѣловой запискѣ о нихъ, надъ составленіемъ которой начну работать, дописавши этотъ разсказъ.

Года два или два съ половиною тому назадъ, пріѣхалъ исправникомъ въ Вилюйскъ Аполлинарій Григорьевичъ Протопоповъ. Около этого же времени, мнѣ надобѣли здѣшнія знакомства, и я рѣшилъ прекратить ихъ до той поры, пока отдохну отъ скуки, наводимой ими на меня. Такъ прошло года полтора. Прошлой осенью я почувствовалъ въ себѣ силу снова начать переносить скуку, доставляемую мнѣ здѣшними, большею частью добрыми, но не имѣющими ничего общаго съ моими умственными интересами людьми. Только, чтобы они не надоедали мнѣ больше, нежели сносно для меня, я объявилъ имъ, что самъ я буду заходить къ нимъ, когда бываетъ у меня досугъ, но къ себѣ не буду принимать никого изъ нихъ: я человѣкъ постоянно работающій, и отнимать у меня больше времени, чѣмъ могу я отдавать на знакомства, я отнынѣ допускать не намѣренъ. Исключеній не хочу дѣлать никакихъ. Оградивъ себя этимъ отъ ихъ надоеданій, я возобновилъ знакомство съ ними.

Начавъ снова бывать у другихъ моихъ прежнихъ знакомыхъ, я сталъ снова бывать и у г. Протопопова.

Онъ человекъ семейный.

Когда я пришелъ въ первый разъ по возобновленіи моихъ знакомствъ къ нему и его супругѣ посидѣть у нихъ часть вечера, они приняли меня, разумѣется, очень радушно и совершенно запросто. Полѣзли на колѣна мнѣ всѣ тѣ ихъ дѣти, которыя ужъ умѣли ходить и взлѣзать на стулья, со стульевъ на колѣна людямъ. Я, разумѣется, ласкалъ этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Натурально, мать была въ восхищеніи отъ этого; и нашла непремѣннымъ своимъ долгомъ доставить мнѣ пріятность полюбоваться и на младшее ея дитя, еще не умѣвшее ходить. Самой ей нельзя было пойти принести его: она была занята разливаньемъ чаю, потому она послала старшаго ребенка сказать „нянѣ“, чтобы „няня“ принесла малютку. Пришла „няня“ съ малюткою. Я увидѣлъ, что „няня“ „Россійская женщина“, а не сибирячка. (Людей изъ Европейской Россіи здѣсь называютъ „Русскими“, по здѣшнему выговору произнося это слово въ старинной его формѣ: „Россійскій“. Не замѣтить, что „няня“ — „Россійская женщина“ было невозможно: высокая, стройная пожилая женщина съ правильными чертами лица, какихъ у сибирячекъ не бываетъ: выраженіе лица скромное, честное, благородное; манеры простонародныя, но деликатныя, какихъ у сибирячекъ не бываетъ. — Простолудины изъ Европейской Россіи попадаютъ здѣсь только ссыльные. Я не могъ не понять, что няня Протопоповыхъ — ссыльная.

Я приласкалъ малютку. Няня ушла съ нимъ опять въ дѣтскую.

Г-жа Протопопова стала хвалить свою няню. Эта женщина — сокровище. Другой такой заботливой о дѣтяхъ няньки она (г-жа Протопопова) не только сама не имѣла, не только здѣсь не знаетъ, но и въ цѣломъ Иркутскѣ не знавала (г-жа Протопопова была изъ Иркутской губерніи), вообще не встрѣчала ни у кого изъ знакомыхъ ей дамъ во всю свою жизнь. И это — женщина безусловной честности. Она (г-жа Протопопова) сдала на руки ей все хозяйство, и съ той поры домашніе расходы сократились вотъ насколько (хлѣбъ — на третью долю, мясо — почти на половину и т. д.). А между тѣмъ число людей въ домѣ увеличилось двумя: правда, она (г-жа Протопопова) отпустила прежнюю кухарку, потому что поручила нянѣ быть и кухаркою, — и какая хорошая это кухарка. Готовить кушанье лучше иркутскихъ поваровъ; такимъ образомъ, правда, число прислуги теперь не больше прежняго; но въ домѣ живутъ лишніе противъ прежняго два человѣка: мужъ няни, хилой мужчина лѣтъ пятидесяти пяти, не имѣющій силы работать, и тетка этого больного, вовсе старуха, очень слабая. Вотъ, что значить хорошая экономка, честная женщина: въ домѣ живетъ двумя людьми больше прежняго, а расходы такъ много уменьшились. — Г-жа Протопопова долго изливала передо мною эти свои чувства. Мужъ подтверждалъ всѣ ея слова и прибавлялъ, что онъ теперь счастливъ за жену: прежде она была измучена хлопотами съ дѣтьми; теперь, она отдыхаетъ, благодаря нянѣ; здоровье ея восстанавливается. Это было видно и мнѣ, по сравненію съ тѣмъ, каковъ былъ цвѣтъ лица г-жи Протопоповой полтора года тому назадъ.

Старшія дѣти, играя около насъ, немножко растрепали на себѣ башмачишки, рубашонки, платишки. Г-жа Протопопова призвала опять няню, помочь ей поправить на нихъ обувь, одежду. Я нашелъ обязанностью учтивости предъ г-жею

Протопоповой обмѣняться нѣсколькими словами съ служанкою, которой она такъ благодарна. Я заговорилъ съ нянею. — „Позвольте спросить, какъ насъ совутъ?“ (Я давно приобрѣлъ привычку говорить въ такомъ тонѣ выраженій со всѣми, я говорю такъ даже и съ тѣми якутами, которые знаютъ по русски на-столько, чтобы понимать разницу между „ты“ и „вы“, — „скажи мнѣ“ и „прошу васъ сказать мнѣ“, и т. д.). — И такъ, я говорю нянѣ: — „Позвольте спросить, какъ васъ зовутъ?“ — „Прежде, звали Катериною“. — „А по батюшкѣ?“ — „Прежде звали Николаевною“. — Станные слова: „прежде, звали“, подумалъ я, изъ нихъ понятно, что эта женщина держится какихъ-то очень оригинальныхъ мнѣній, вѣроятно, религіознаго рода, какъ обыкновенно простолюдины размышляютъ усерднѣе всего о религіозныхъ вопросахъ. — „Позвольте спросить, Катерина Николаевна, какой вы вѣры?“ — „Насъ здѣсь зовутъ старовѣрами“, — „Не по дѣламъ ли вашей вѣры привелось вамъ быть здѣсь?“ — „Да, по нимъ“. — „Вы говорите, васъ зовутъ здѣсь старовѣрами, дѣль о старовѣрахъ нынѣ заводятъ мало. Быть можетъ, здѣшніе люди не умѣютъ называть вашу вѣру правильно?“ — „Да, не умѣтъ“. — Я когда-то готовился быть ученымъ богословомъ, зналъ тогда, въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія мнѣнія преобладаютъ между людьми, не принадлежащими къ православной церкви. — „Позвольте полюбопытствовать, Катерина Николаевна, откуда вы родомъ?“ — „Изъ Дубовки“. — Я помнилъ, что Дубовка — одинъ изъ центровъ молоканства или, по названію, которое даютъ этому ученію сами послѣдователи его, духовнаго христіанства. „Не будетъ ли правильнѣе называть васъ и вашихъ здѣшнихъ родныхъ, Катерина Николаевна, духовными христіанами?“ — „Если хотите, зовите насъ хоть такъ“. — „Вы сказали: если я хочу, пусть зову васъ хоть такъ, стало быть, и это названіе не правильное?“ — „Да, и это названіе будетъ не правильное“. — „Какъ же называть васъ правильно?“ — „Не умѣю вамъ сказать“. — „Какъ же это, не умѣете? Быть можетъ, не расположены сказать, Катерина Николаевна? То я не хочу дѣлать непріятныхъ вамъ вопросовъ. Оставимъ это, поговоримъ о чемъ другомъ“. — „Нѣтъ, почему жъ бы не сказать вамъ, если бъ умѣла, вамъ, я сказала бы, но не знаемъ мы сами, какъ намъ называть себя“. — Ко мнѣ, она почему-то имѣетъ, кажется, полное довѣріе. Передъ г-номъ и г-жею Протопоповыми она, разумѣется, не стѣснялась бы говорить о своей вѣрѣ все, что сама знаетъ: они такъ любятъ ее. Стало быть, она, дѣйствительно, сама не знаетъ, какъ называть свою вѣру. — „Что жъ, Катерина Николаевна, у вашей вѣры должно быть еще нѣтъ названія?“ — „Должно быть, что нѣтъ“. — „Значить, когда еще не найдено для нея названія, она вовсе еще новая?“ — „Не знаю, можетъ быть и такъ“. — „Но, напримѣръ, вы сама такъ и выросли въ ней?“ — „Нѣтъ, мы съ моимъ старикомъ лѣтъ двадцать прожили послѣ свадьбы нашей все еще въ прежней нашей вѣрѣ“. — „А прежняя ваша вѣра была какая же?“ — „Соловьевская“. — Ни о какой „Соловьевской вѣрѣ“ не читывалъ я, когда занимался, въ моемъ юношествѣ, богословіемъ. — „Какая-жъ это вѣра, Соловьевская? Мнѣ не случалось читывать о такой, Катерина Николаевна“. — „Если не знаете этого названія, то называется она тоже Иргизской вѣрою“. — „А, объ Иргизской вѣрѣ я когда-то зналъ порядочно таки. Это вѣра бывшихъ Иргизскихъ монастырей, это старообрядчество, какъ его зовутъ въ книгахъ, или, по простонародному, старая вѣра“. — „Да“. — „Почему жъ вы называли ее тоже и Соловьевскою?“ — „Потому что, когда я была

въ ней, она была ужъ не совсѣмъ-то прежняя Иргизская“. — „Въ чемъ же вышла разница отъ прежней Иргизской?“ — „А у насъ ужъ ни церкви, ни часовни не было, и негдѣ намъ было собираться вмѣстѣ молиться. Молились только каждый у себя дома, и службы никакой не было, только молились“. — „И значитъ, судя по названію: Соловьевская вѣра, это, чтобы молиться по домамъ, каждому у себя, завелъ Соловьевъ?“ — „Нѣтъ, этому учили прежде въ Соловьевскомъ монастырѣ. а не то, что научилъ насъ этому кто, чья фамилія была Соловьевъ“. — „Этому учили прежде въ Соловьевскомъ монастырѣ, сказали вы, Катерина Николаевна, что жъ это за монастырь? Я о такомъ не читывалъ. Гдѣ онъ былъ?“ — „Онъ и теперь остается, только теперь въ немъ, должно быть, прежняго ученія ужъ нѣтъ, а впрочемъ не знаю, такъ мы думаемъ, что нѣтъ. а правда ли мы, не знаемъ. Да оно теперь для насъ ужъ и все равно, чему учать тамъ, потому что мы перешли въ другую вѣру“. — „Какъ же это вы не знали хорошенько, что теперь дѣлается въ Соловьевскомъ монастырѣ, когда еще держались прежней Соловьевской вѣры? — Тогда, вамъ было, я думаю, любопытно знать достовѣрнымъ манеромъ, остается ли тамъ все еще прежняя вѣра“. — „Точно, тогда намъ было бы очень любопытно знать это, только: мы люди простые, книгъ не читали, а Соловьевскій монастырь очень далеко отъ Дубовки, и вѣрныхъ слуховъ оттуда до насъ не доходило. Очень далеко это отъ Дубовки, не умѣю вамъ хорошенько сказать, гдѣ именно, только гдѣ-то далеко за Москвою, на морѣ“. — „А, вотъ что, Катерина Николаевна. Теперь, я разобралъ, о какомъ монастырѣ вы говорите. Вы не умѣли правильно выговорить его названіе. Этотъ вашъ Соловьевскій монастырь называется по настоящему Соловецкій, а не Соловьевскій“. — „Вотъ какъ оно вышло. Стало быть, это самый тотъ монастырь и есть, куда, кто обыкновенной вѣры держится, у которой и соборныя церкви, и архіереи есть, на поклоненіе ходятъ?“ — „Тотъ самый, Катерина Николаевна“. — „Когда вы такъ о немъ знаете, то значитъ, знаете, прежняя ли остается въ немъ вѣра, которой мы прежде держались? Должно быть, оно точно, ужъ не остается въ немъ той прежней вѣры, когда люди обыкновенной вѣры ходятъ туда на поклоненіе?“ — „Совершенно такъ, Катерина Николаевна: тамъ теперь обыкновенная вѣра. Впрочемъ, теперь для васъ это все равно“. — „Да, все равно“. — „Вотъ о прежней вашей вѣрѣ, я теперь понялъ, Катерина Николаевна. А о той вѣрѣ, которой вы держитесь теперь, вамъ не будетъ непріятно говорить со мною?“ — „Почему жъ не говорить?“ — „Хорошо, Катерина Николаевна. Отъ кого вы научились вашей нынѣшней вѣрѣ?“ — „По настоящему говоря, ни отъ кого мы ей не научались, сами дошли въ своихъ мысляхъ до того, что она хорошая. А первый перешелъ въ нее Богатенковъ: вмѣстѣ съ нимъ, и другіе нѣкоторые. А мы перешли въ нее нѣсколько послѣ Богатенкова и тѣхъ другихъ“. — „Это все Дубовскіе тоже люди?“ — „Богатенковъ и тѣ всѣ были изъ самой Дубовки. А изъ тѣхъ, которые перешли въ эту вѣру вмѣстѣ съ нами, нѣкоторые жили въ Песковаткѣ, а не то, что въ самой Дубовкѣ“. — „О Песковаткѣ, я не знаю, Катерина Николаевна, гдѣ это и что это, большое ли село или деревня маленькая. Это далеко отъ Дубовки? Вѣрно, не далеко?“ — „Вовсе подлѣ: въ старину, считали между Дубовкою и Песковаткою семь верстъ. Но тогда Дубовка была еще маленькая. А теперь, она очень широко раскинулась. Да и Песковатка-то растетъ. Теперь, только прежняя привычка считать между ними семь верстъ. А краями-то

теперь онъ ужъ вовсе близко сошлись“. — „Вы сказали о Богатенковѣ: онъ перешелъ первый въ ту вѣру, въ которую перешли вы нѣсколько послѣ. Кто такой онъ?“ — „Былъ онъ купецъ, человѣкъ очень достаточный, не изъ первыхъ богачей въ Дубовкѣ, но съ большимъ состояніемъ“. — „Вы по дѣламъ вашей вѣры сосланы, а онъ, остался цѣлъ? Должно быть, тоже не уцѣлѣлъ?“ — „Того же сосланы, онъ, и тѣ, которые перешли въ одно время съ нимъ. Только, сослали ихъ не въ Сибирь, а за Кавказъ“. — „Бѣдно они тамъ живутъ, или не терпятъ нужды?“ — „Не умѣю вамъ сказать навѣрное. Но, сколько можемъ мы судить, живутъ они тамъ не то, чтобы въ тяжелой бѣдности: можетъ быть, и съ нѣкоторымъ, хоть небольшимъ, достаткомъ“. — „Много ихъ было отдано подъ судъ, Катерина Николаевна, и сколько было сослано?“ — „Но въ эту минуту заплакалъ въ дѣтской малютокъ, Катерина Николаевна извинилась, что должна идти къ нему, убаюкивать его, и пошла.

Я давно приобрѣлъ привычку подавать руку всѣмъ, съ кѣмъ говорю: подаю руку и всякому Якуту, который, повстрѣчавшись со мною на улицѣ, остановится сказать мнѣ: — „здорово“. Когда я началъ разговоръ съ Катериною Николаевною, она стояла нагнувшись, оправляя одежку на дѣтишкахъ; я разсудилъ тогда, что не отрывать же мнѣ ея рукъ отъ этого дѣла, подавая ей руку. Я только подошелъ къ ней, чтобы расговаривать. Теперь, когда ступила она съ мѣста, идти въ дѣтскую, руки у нея были сложены, по обычаю пожилыхъ русскихъ простолюдинокъ. на груди. Я подаль ей руку. Она не развела своихъ сложенныхъ на груди рукъ. Я подумалъ: она считаетъ неучтивостью передъ „господами“, у которыхъ она служить, подавать руку для пожатія мнѣ, ихъ гостю. Я протянулъ свою руку къ ея сложеннымъ на груди рукамъ, пожалъ одну изъ нихъ, гдѣ пришлось, между кистью и локтемъ. Она не отвернула руку отъ этого моего пожатія, хоть легко успѣла бъ это сдѣлать, потому что движеніе моей руки къ пожатію было, разумѣется, очень тихое. И ничего особеннаго въ томъ, что сама она не пожала мнѣ руку, я не предположилъ: это, просто соблюденіе служительской учтивости передъ господами, подумалъ я, какъ ужъ сказалъ.

Въ разговорѣ съ нею я безпрестанно называлъ по имени и отчеству, какъ требуетъ учтивость по разговору въ русскомъ простонародномъ вкусѣ. Она ни разу не назвала меня по имени и отчеству. Я предполагалъ: это потому, что она не знаетъ ихъ, слышала лишь мою фамилію, а называть человѣка по фамиліи, это, по простонародному, невѣжливо, когда говоришь не съ другими о немъ, а съ нимъ самимъ. (Это вычеркиваю потому, что можно тутъ обойтись и безъ этого. Письмо выходитъ слишкомъ длинно, и безъ лишнихъ въ немъ подробностей. Въ запискѣ, предисловіемъ къ которой служить это письмо, повторю и объясню то, что вычеркнулъ теперь здѣсь).

Она ушла и не представилось случая, чтобъ она снова пришла въ залъ изъ дѣтской. Но г-нъ и г-жа Протопоповы продолжали толковать мнѣ о ней, какалъ она хорошая, и какъ они благодарны ей. Я не поддерживалъ этого разговора: онъ не интересовалъ меня; но и не перерывалъ я его: пусть говорятъ, о комъ хотятъ, и что хотятъ. мнѣ одинаково занимательны всякіе разговоры Протопоповыхъ ли, другихъ ли здѣшнихъ чиновниковъ, священниковъ, купцовъ, мой умственные интересы совсѣмъ иные, чуждые всѣмъ этимъ людямъ. Мнѣ всегда одинаковая скука со всѣми ними, о чемъ бы они ни бесѣдовали со мною. (Потому-то я и далъ себѣ

передъ тѣмъ полуторо-годовой отдыхъ отъ пріятности бесѣдовать съ ними, и теперь, чтобъ не пользоваться этою пріятностью сверхъ размѣра, какой сносятъ для меня, объявилъ имъ, возобновляя мои знакомства съ ними, что хоть самъ я и буду навѣщать ихъ, но ко мнѣ пусть они не ходятъ: я не приму никого, и распорядился, чтобы моя прислуга недопускала никого ко мнѣ: я постоянно читаю и пишу, кто пришелъ бы ко мнѣ, помѣшалъ бы мнѣ. — Это мое распоряженіе будто сурово, но, какъ быть, — иначе, эти люди, не знающіе куда дѣвать время, приходили бъ надѣждать мнѣ своею монотонною и пустою болтовнею каждый день съ утра до ночи).

И такъ, по индифферентности всякихъ разговоровъ здѣшнихъ чиновниковъ, священниковъ или купцовъ для меня, я оставлялъ теперь г-на и г-жу Протопоповыхъ толковать мнѣ о комъ и о чемъ хотятъ. И очень, очень долго толковали они все о своей нянѣ, „за которою“, по выраженію, употребленному много разъ ими обоими, г-жа Протопопова „живетъ теперь, какъ у Христа за пазухою“ (извѣстное народное выраженіе, обозначающее спокойную жизнь).

Изъ разсказовъ г-на Протопопова я узналъ, что онъ, съ годъ тому назадъ, объѣзжая по долгу службы свой округъ, нашелъ Катерину Николаевну, ея мужа и тетку ея мужа живущими въ одномъ изъ „ночлеговъ“ округа. („Ночлеги“ или, по здѣшнему выговору, „наслѣги“ — нѣчто соотвѣтствующее тому, что въ Европейской Россіи называется волостью). Они были признаны по медицинскому свидѣтельству неспособными добывать себѣ пропитаніе земледѣльческою или какою другою сельско-хозяйственною работою. Потому, какъ велитъ законъ относительно подобныхъ случаевъ, имъ была дана отъ ночлега, гдѣ начальство поселило ихъ, „юрта“ (якутская избушка) и даваемо было отъ ночлега содержаніе. Само собою понятно, это была жизнь очень бѣдная, тяжелая, полу-голодная. Протопоповы очень нуждались въ порядочной нянѣ. Г-ну Протопопову показалось, что младшая изъ двухъ женщинъ была бы хорошею нянькою. Онъ спросилъ ее, согласится-ль она на это, если онъ выпроситъ у областного начальства разрѣшеніе ей жить въ городѣ Вилюйскѣ. Ея мужа и его тетку онъ не хочетъ брать жить у него: они оба ужъ такъ хилы, что вовсе не годятся быть прислугою, а кормить ихъ даромъ, это, при здѣшней дороговизнѣ хлѣба (да и всего, кромѣ мяса), слишкомъ большой расходъ для него, имѣющаго въ Иркутской губерніи кусокъ земли и порядочный домикъ на томъ кускѣ, потому не вовсе бѣднаго, но очень не богатаго, и обремененнаго довольно большимъ семействомъ. И такъ, — объяснилъ онъ младшей изъ двухъ женщинъ, — если она согласится жить у него въ Вилюйскѣ, то придется ей жить врозь отъ мужа и его тетки: они пусть остаются въ ночлегѣ. Но ихъ юрта всего въ тридцати верстахъ отъ города, они могутъ часто приходиться къ ней въ гости, эти посѣщенія не раззорятъ же его (г-на Протопопова). Она согласилась: — „Горько мнѣ будетъ оставить ихъ, такихъ дряхлыхъ, безъ моего ухаживанья за ними. Но должна-жъ я, пока могу, работать для нихъ. Какія нибудь деньги, буду получать, служа у васъ. Тогда, хоть не будутъ голодать мои мужъ и тетка“. — (Она зоветъ тетку мужа своею теткою, потому что съ молодости привыкла любить ее такъ). Г-нъ Протопоповъ спросилъ, сколько жъ хочетъ она получать жалованья. Она сказала: „У насъ вовсе нѣтъ денегъ; сколько дадите, столько и будетъ хорошо“. Онъ сказалъ, что будетъ платить ей три рубля въ мѣсяцъ. Она сказала: „И довольно этого“.

Получивъ разрѣшеніе областного начальства, г-нъ Протопоповъ перевелъ Ка-

терину Николаевну въ городъ, и она стала нянькой у него. Когда Протопоповы хорошенько присмотрѣлись, какъ превосходно исполняетъ она свою обязанность, они прибавили ей жалованья. Мужъ временами приходилъ въ городъ къ женѣ. Тетка его не имѣла силы приходить. Скоро, Протопоповы еще увеличили жалованье своей нянѣ, а еще черезъ нѣсколько времени, и не пожалѣли расходовъ на содержаніе хилыхъ, неспособныхъ служить имъ, мужа ея и тетку его, съ разрѣшенія начальства переселили ихъ въ городъ, и взяли жить къ себѣ. Расходъ на ихъ содержаніе я цѣню не менѣе 10 рублей въ мѣсяцъ (потому что, напримѣръ, пудъ ржаной муки стоитъ здѣсь отъ 2 р. 50 коп. до 3 рублей, а мука эта такая, что въ пудѣ ея оказывается отъ 8 до 10 фунтовъ мякины, не идущей въ пищу). Протопоповы, принимая старика и старуху на свое содержаніе, полагали, что будутъ кормить ихъ вовсе за-даромъ, дѣлали это лишь изъ за своей признательности къ нянѣ. И дѣйствительно, старикъ и старуха не имѣли силъ служить. Но къ удивленію Протопоповыхъ—принялись прислуживать на сколько могли при своихъ немощахъ. И, вышло правда, ничего не въ силахъ они дѣлать, могутъ только сидѣть съ дѣтьми и ласкать ихъ, но сидѣли съ дѣтьми и ласкали ихъ эти немощные люди такъ заботливо, что у Катерины Николаевны стало довольно много времени, свободнаго отъ надобности ухаживать за дѣтьми. Тогда г-жа Протопопова поручила ей быть тоже и кухаркою, тоже и ключницею, и совершенно ввѣрила ей, какъ я ужъ говорилъ, все домашнее хозяйство. Сбережений отъ экономности и безусловной честности было столько, что Протопоповы оставались, при всѣхъ своихъ расходахъ на Катерину Николаевну и двухъ ея семейныхъ, въ довольно большой выгодѣ, сравнительно съ тѣмъ, во сколько обходилась имъ жизнь здѣсь прежде того. Потому, они стали давать денежные подарки и мужу Катерины Николаевны, и теткѣ его, дѣлали всѣмъ троимъ много подарковъ одеждою и тому подобными вещами.—Заходя нѣсколько впередъ, къ порѣ отъѣзда Протопоповыхъ изъ Вилюйска, замѣчу, что въ десять мѣсяцевъ, которые прожила Катерина Николаевна у нихъ, она и ея мужъ и тетка получили отъ Протопоповыхъ болѣе ста рублей деньгами. Цѣнность подарковъ вещами, сдѣланныхъ имъ, я не умѣю опредѣлить. Но трое людей, у которыхъ оставалось ужъ очень мало одежды, теперь имѣютъ, какъ я вижу, не совершенно дурную для бѣдныхъ людей одежду. А одежда здѣсь очень дорога.

Г-нъ и г-жа Протопоповы считались всѣми въ городѣ за людей очень бережливыхъ на деньги и на всякіе расходы. И лично мнѣ, казались такими. Потому, очень большая щедрость ихъ относительно Катерины Николаевны не можетъ быть объясняема ничѣмъ, кромѣ чрезвычайно сильной благодарности ихъ ей.

Я продолжалъ посѣщать Протопоповыхъ. Видывалъ иной разъ въ залѣ Катерину Николаевну, приходившую присмотрѣть за дѣтьми, или сказать что нибудь г-жѣ Протопоповой. Я говорилъ Катеринѣ Николаевнѣ: „здравствуйте“, и только: вновь, ни разу не вступалъ ни въ самый маленькій разговоръ. Что за охота была мнѣ говорить съ нею?—Я давнымъ-давно не интересуюсь никакими религіозными вопросами. Когда былъ у Протопоповыхъ въ первый разъ, я заговорилъ съ ихъ нянею только изъ учтивости къ нимъ, чтобъ они видѣли: я слушаю ихъ рассказы о ихъ нянѣ, и вѣрю ихъ похваляю ей.—Случилось мнѣ увидѣть однажды и дряхлую старушку, тетку мужа Катерины Николаевны, съ нею, не обмѣнялся

и ни однимъ словомъ, кромѣ того же „здравствуйте“. Старика не видѣлъ и не думалъ увидѣть. Всѣ трое они были тогда ни мало не занимательны мнѣ.

Но, неожиданно для меня, произошло обстоятельство, сдѣлавшее меня другомъ Катерины Николаевны, ея мужа и ихъ тетки.

Возобновивши мои знакомства съ прежними знакомыми, я не могъ не познакомиться и съ тѣми людьми, которые пріѣхали въ Вилуйскъ послѣ того, какъ я сдѣлалъ себѣ полуторо-годовой отдыхъ отъ прежней скуки. Городъ крошечный, всѣ служащіе въ немъ безпрестанно бываютъ каждый у всѣхъ другихъ.

Въ тѣ полтора года, пріѣхали въ Вилуйскъ двое новыхъ должностныхъ людей: чиновникъ акцизнаго вѣдомства, Алиній Ѳомичъ Жуковъ, и медикъ Иванъ Евгеньевичъ Доброзраковъ. Оба они люди женатые. Я познакомился съ обоими семействами. Съ особеннымъ радушіемъ принимали меня г-нъ и г-жа Жуковы, потому чаще всего посѣщалъ я ихъ. Справедливо-ль, или нѣтъ, но мнѣ казалось, что г-нъ и г-жа Доброзраковы гораздо менѣе Жуковыхъ или Протопоповыхъ радужны относительно меня. Но никакой претензіи на нихъ за то, что я нравлюсь имъ менѣе, чѣмъ другимъ, я не могъ же имѣть. Посѣщалъ я ихъ, временами, лишь изрѣдка, временами, не рѣдко. Однажды, въ продолженіе дней пяти, когда г-нъ Доброзраковъ былъ, по дѣламъ службы, въ округѣ и одно изъ дѣтей его занемогло (у Доброзраковыхъ двое дѣтей, обое малютки), я бывалъ у огорченной и встревоженной до отчаянія г-жи Доброзраковой каждый день, по многу часовъ, какъ бывалъ недѣли три каждый день по очень, очень многу часовъ у занемогшей довольно опаснымъ недугомъ г-жи Жуковой, тоже оставшейся тогда одинокою за отлучкою мужа ея по дѣламъ службы. Не то, что я чудо филантропіи, ни мало, но—каковы бы ни были мои политическія мнѣнія или правила, я въ дѣлахъ частной жизни, человѣкъ не злой и не бездушный.

Я сказалъ, что у Доброзраковыхъ двое дѣтей, обое малютки. А сносной няньки не имѣли они. Не могли найти, не только здѣсь, но и въ Якутскѣ. Здѣсь, кромѣ такого случая, какой по совершенно исключительному обстоятельству, подвернулся Протопоповымъ, ни у кого,—совершенно ни у кого,—нѣтъ и во всѣ годы, проведенные мною здѣсь, не было—ни одного слуги, ни одной служанки, которые были бы сколько нибудь похожи на то, что называется порядочною прислугою. Здѣшніе Русскіе—козаки, они считаютъ себя „благородными“, чуть не дворянами, и лучше хотять голодать, чѣмъ унижить себя поступленіемъ „въ дворовые“. А Якуты—дикари, ведущіе безтолковый и чрезвычайно грязный образъ жизни. И такъ, о Вилуйскѣ, по отношенію къ прислугѣ, нечего и толковать. Но и въ Якутскѣ, это не многимъ иначе. Найти тамъ порядочнаго слугу или порядочную служанку необыкновенная рѣдкость.

Г-жа Доброзракова сама готовила кушанье, сама пекла хлѣбъ, сама прибирала въ комнатахъ, это еще не важно бы: такъ приходится здѣсь дѣлать почти всѣмъ чиновницамъ, и всѣмъ купчихамъ или женамъ священниковъ; и само по себѣ это не дѣйствовало бы особенно тяжело на ея здоровье; но это брало у нея, разумѣется, очень много времени. А она была сама жъ нянькою при своихъ двухъ малюткахъ (старшему было тогда—въ началѣ нынѣшняго года—мѣсяцевъ семнадцать, младшему мѣсяцевъ шесть или пять). Не говоря о непрерывныхъ хлопотахъ во время дня, ей не удавалось хорошенько уснуть ни одну ночь. Жаль было смотрѣть на бѣдняжку. Жаль было смотрѣть и на ея мужа. Каковы бы ни были

мои личныя отношенія къ г-ну Доброзракову, я долженъ сказать въ похвалу ему, что онъ хорошій медикъ, и серьезно желаетъ расширять свои медицинскія знанія; онъ привезъ съ собою много медицинскихъ книгъ, — всё онъ выбраны имъ съ прекраснымъ умѣньемъ оцѣнивать ихъ значеніе въ медицинской литературѣ, и онъ усердно изучаетъ ихъ, — или собственно говоря, усердствуетъ изучать, когда имѣетъ на то досугъ. Но досуга не приходилось ему имѣть въ тѣ первые мѣсяцы его службы здѣсь (не приводится и теперь). Жена его была постоянно измучена нянченіемъ малютокъ; изнемогала и по нѣсколько разъ въ день валилась какъ снопъ куда попало: на кровать, на диванъ, на полъ. Что жъ ему было дѣлать, какъ не помогать ей нянчиться съ дѣтьми? — Безпрестанно приходилось ему то забавлять старшаго малютку, то убаюкивать младшаго. Я не видѣлъ, чтобы проходилъ у него хоть одинъ часъ безъ этого, когда онъ былъ не въ больницахъ (здѣсь двѣ маленькія больницы) и не у больныхъ — по домамъ.

Выхода изъ этого жалкаго положенія не предвидѣлось для Доброзраковыхъ, пока Протопоповы не стали говорить, что собираются уѣхать изъ Вилюйска. По разнымъ надобностямъ, изъ которыхъ наиболѣе важными, если не ошибаюсь, были частныя надобности г-жи Протопоповой (она была беременна; удобной обстановки для труднаго разрѣшенія отъ бремени здѣсь невозможно имѣть: ни порядочной постели, ни хорошей температуры въ комнатѣ, ничего подобнаго; а г-жѣ Протопоповой было предсказано врачами въ Иркутскѣ, что слѣдующіе роды ея будутъ трудны), — и такъ, сказалъ я, по разнымъ надобностямъ, въ особенности, кажется, по личной надобности г-жи Протопоповой, г-нъ Протопоповъ подалъ прошеніе, чтобъ ему былъ данъ четырехъ-мѣсячный отпускъ для поѣздки въ Иркутскъ, и надѣялся, что ему не будетъ отказано въ томъ. Когда Протопоповы заговорили объ этомъ, Доброзраковы ожили духомъ: няня Протопоповыхъ не можетъ выѣхать изъ Вилюйскаго округа; она останется въ Вилюйскѣ; они возьмутъ ее къ себѣ. И она ужъ не отойдетъ отъ нихъ, если-бы даже и возвратились Протопоповы изъ Иркутска: они (Доброзраковы) позаботятся обращаться съ нею и ея хилыми старшими такъ, что эти люди ужъ не захотятъ разстаться съ ними. Правда, въ денежномъ отношеніи это будетъ довольно тяжело для нихъ (Доброзраковыхъ): лишніе расходы по домашнему хозяйству нѣтъ у нихъ и теперь; экономность няни Протопоповыхъ, которая будетъ завѣдывать хозяйствомъ и у нихъ (Доброзраковыхъ) сдѣлаетъ въ этомъ мало разницы. А жалованье нянѣ и содержаніе ея съ двумя старшими ея сдѣлаетъ прибавку къ нынѣшнимъ расходамъ ихъ (Доброзраковыхъ) рублей до двадцати въ мѣсяцъ. А денегъ у нихъ очень мало. Но лучше они сами будутъ терпѣть нужду, лишь бы избавиться отъ мучительной нынѣшней своей жизни, имѣя такую превосходную няню.

Дѣйствительно, жалованье здѣшняго медика очень невелико. А доходы отъ практики, какіе жъ могутъ быть въ Вилюйскѣ, который меньше и бѣднѣе русской деревни средней величины, не сравнивая ужъ его съ русскимъ селомъ. Притомъ же г-нъ Доброзраковъ не торгуется о платѣ съ больными, которыхъ пользуется; это я долженъ сказать въ честь ему; я не позволяю моимъ отзывамъ о качествахъ людей быть въ зависимости отъ того обстоятельства, кто нравится, кто не нравится мнѣ, кто хорошо расположенъ ко мнѣ, кто нѣтъ. Мои личныя чувства къ человѣку, пріятныя или нѣтъ сами по себѣ, мои мнѣнія о качествахъ человѣка не зависятъ отъ того. — И такъ, я сказалъ: Доброзраковы, дѣйствительно, живутъ

довольно скудно. Но—хоть и дѣйствительно тяжеловаты будутъ имъ тѣ лишніе двадцать, по ихъ счету,—пятнадцать, по моему соображенію, рублей расхода въ мѣсяцъ,—денегъ на это у нихъ всетаки достанетъ,—думалъ я, и, разумѣется, не ошибался: въ крошечномъ городишкѣ всѣ жители знаютъ до мелочности аккуратно сколько у кого изъ нихъ дохода и расхода. Я, натурально, не интересуюсь помнить эти ихъ разсужденія о чужихъ карманахъ,—но невозможно жъ совершенно ничего изъ этихъ—самыхъ изобильныхъ—сюжетовъ ихъ бесѣдъ не припомнить въ случаѣ надобности. И я сообразилъ: да, расходъ на няню Протопоповыхъ съ ея хилыми старшими не превышаетъ денежныхъ средствъ Доброзраковыхъ; а что онъ будетъ нѣсколько тяжеловатъ для нихъ, правда; но тѣмъ больше и дѣлаетъ чести ихъ здравому смыслу, что они рѣшаются на него.

И, услышавши отъ нихъ объ этомъ ихъ намѣреніи, я сказалъ, что очень радъ за нихъ; это они вздумали умно, и это будетъ очень хорошо для нихъ.

Г-нъ Протопоповъ получилъ отпускъ; ждалъ пріѣзда чиновника, который будетъ присланъ исправлять его должность во время отлучки его.—Это было въ началѣ февраля нынѣшняго года.

Доброзраковы сказали мнѣ: дѣло съ нянею Протопоповыхъ улажено. Они просили ее поступить къ нимъ; Протопоповы посовѣтовали ей принять ихъ предложеніе, (послѣ это оказалось пустой фантазіей Доброзраковыхъ: Г-жа Протопопова дала своей нянѣ совершенно противоположный совѣтъ; она совѣтовала ей не принимать предложенія Доброзраковыхъ); няня согласилась. Она поѣдетъ проводить Протопоповыхъ до границы Вилюйскаго округа, передвиженіе по которому свободно для нея по закону; возвратится и перейдетъ со своими хилыми старшими къ нимъ (Доброзраковымъ). Я сказалъ, что очень радуюсь этому за нихъ.

Около 20 февраля г. Протопоповъ покончилъ сдачу должности присланному исправлять ее вмѣсто него чиновнику. Я пришелъ проститься съ Протопоповыми вечеромъ передъ утромъ, когда былъ назначенъ ихъ отъѣздъ. Утромъ будетъ у нихъ толпа, я не бываю въ толпѣ; въ толпѣ здѣшніе люди чрезмѣрно непріятно для меня держать себя. Протопоповы—это надобно ставить въ большую честь имъ—не дѣлали пооекъ для своихъ гостей;—зато здѣшніе люди и не любили бывать у нихъ толпой. Но при такомъ торжественномъ случаѣ, какъ проводы, Протопоповы не въ силахъ будутъ не покориться требованію здѣшняго приличія, и дадутъ вино прощающимся съ ними гостямъ. Потому на проводахъ у нихъ быть я не захотѣлъ и пришелъ проститься съ ними вечеромъ предъ тѣмъ, когда у нихъ—разсчитывалъ я—не будетъ никого. У нихъ и дѣйствительно не было никого. Они не ждали, что я приду проститься съ ними (вообще, я этого не дѣлаю, потому что не соблюдаю никакихъ церемоній здѣшняго—изумительнаго, разумѣется—бонтона). Они были рады мнѣ. Я былъ очень расположенъ къ г-жѣ Протопоповой, простой и очень добродушной женщинѣ; она была въ совершенномъ упадкѣ духа отъ боязни, что она не перенесетъ трудностей дороги (она была въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности). Я сталъ развлекать ее, ободрять ее. Просидѣлъ у нихъ очень долго.—О томъ, что ихъ няня перейдетъ къ Доброзраковымъ, они не упомянули ни однимъ словомъ. Я тогда не обратилъ на это вниманія. Я не имѣлъ интереса вспоминать о ихъ нянѣ; зналъ отъ Доброзраковыхъ, что дѣло это рѣшено; радъ былъ тому за Доброзраковыхъ; а сама няня со своими старшими ни-

мало не интересовала меня. И выйти въ залъ не случалось ей тогда. Такъ и не замѣтилъ я, что у Протопоповыхъ нѣтъ рѣчи о переходѣ ея къ Доброзраковымъ.

Прошло не помню сколько дней по отъѣздѣ Протопоповыхъ, — недѣли полторы, быть можетъ. Я зашелъ къ Доброзраковымъ. Его не было въ городѣ: онъ опять отправился, по своей должностной обязанности, осматривать больныхъ по округу. Г-жа Доброзракова сказала мнѣ, что няня Протопоповыхъ, провожавшая ихъ, какъ было условлено, и какъ я зналъ, возвратилась въ городъ и завтра перейдетъ со своими хилыми старшими жить къ ней. Она была въ восторгѣ отъ этого. Прекрасно. Только не догадался я сообразить, что въ словахъ г-жи Доброзраковой нѣтъ упоминанія о томъ, что няня Протопоповыхъ, по своемъ возвращеніи, видѣлась съ нею, или хоть бы прислала кого къ ней извѣстить о своемъ приѣздѣ. Не догадался я даже и спросить, когда же возвратилась няня. Я подумалъ: няня только что вотъ вернулась въ этотъ вечеръ; женщина пожилая — и не совѣмъ, казалось мнѣ по ея лицу, здоровая, она утомлена поѣздкою и хочетъ хоть одну эту ночь полежать спокойно, соснуть хорошенько, прежде чѣмъ опять по десяти разъ въ ночь вставать для ублаживанія дѣтей. Этимъ своимъ соображеніемъ я и удовлетворился. Съ тѣмъ и ушелъ отъ г-жи Доброзраковой.

Захожу къ ней на другой ли, на третій ли, на четвертый ли день. Она встрѣчаетъ меня словами: „я не знаю, что это такое присылаетъ въ отвѣтъ мнѣ няня Протопоповыхъ. Я посылала спросить ее, когда она перейдетъ ко мнѣ; она отвѣчала: можетъ быть, зайду завтра повидаться съ нею, только не знаю, досугъ ли мнѣ будетъ зайти къ ней: я чиню рубашки мужу и теткѣ; это много работы, едва ли кончу завтра. — Прошелъ тотъ день, когда она общалась прійти ко мнѣ“ — это говоритъ г-жа Доброзракова, а я думаю: — „О-го, это она, по вашему, общалась; она, очень ясно, только въ учтивой формѣ отвѣчала вамъ, что не придетъ и повидаться съ вами.“ — Г-жа Доброзракова продолжаетъ: — „когда прошелъ тотъ день, я опять послала къ ней. Она прислала въ отвѣтъ: я теперь мою свое бѣлье, завтра буду мыть бѣлье для одного чужаго семейства. Если будетъ мнѣ досужно, зайду къ ней завтра, только едва ли успѣю“. Это сообщаетъ мнѣ г-жа Доброзракова. Я говорю ей: „Напрасно вы не понимаете этого. Это ясно. Она не хочетъ поступать въ услуженіе къ вамъ“. — „Да какъ же нѣтъ? она тогда согласилась, у насъ дѣло было рѣшено“. — Я говорю: „Такъ ли? Точно ли она согласилась тогда?“ — „Ахъ, да, да“.

Я припоминалъ: Протопоповы, когда я видѣлся съ ними въ послѣдній разъ, не упоминали, что ихъ няня перейдетъ къ Доброзраковымъ. А если бы они полагали, что будетъ такъ, то по ходу разговора было много такихъ случаевъ, что не могли бы они забыть упомянуть объ этомъ. Ясно: ихъ няня говорила имъ, что не пойдетъ въ услуженіе къ Доброзраковымъ, и они не говорили мнѣ объ этомъ потому, что если бы говорить, то пришлось бы сказать въ объясненіе тому что нибудь дурное о Доброзраковыхъ. А когда такъ, то я знаю, что такое дурное о Доброзраковыхъ пришлось бы имъ сообщить мнѣ. Отъ другихъ я слышалъ не разъ, что г-жа Доброзракова капризна и безтолкова въ обращеніи съ прислугой. Я думалъ прежде, что это одна изъ безчисленныхъ пустыхъ сплетень, которыми увеселяетъ себя, какъ всякая подобная Виліюску небольшая деревушка, этотъ миньютюрный городъ. Но ужъ довольно за долго до отъѣзда Протопоповыхъ, мнѣ стало видно, что это не совѣмъ-то сплетня.

Г-жа Доброзракова была, когда я пришелъ, ужъ въ большемъ уныніи отъ странныхъ для нея отвѣтовъ няни Протопоповыхъ на ея приглашеніе перейти къ ней. Когда я растолковалъ ей, что напрасно старается она не понимать яснаго смысла отвѣтовъ няни, она впала въ совершенное отчаяніе. Плакала, говорила всяческую скорбную безсвязицу. Собравшись съ мыслями, заговорила: „Пожалуйста, сходите къ ней, уговорите ее“ — Почему это, уговаривать няню долженъ именно я, — думалъ я, слушая эту ея долго тянувшуюся безъ паузъ просьбу. Если безтолковая амбиція бѣдняжки такъ велика, что не позволяеть ей самой зайти къ той женщинѣ, то она имѣетъ знакомыхъ, гораздо болѣе близкихъ, чѣмъ я, и они — люди болѣе вліятельнаго положенія, нежели я: чиновники, купцы, почетные люди, слова которыхъ важнѣе для простолюдинки, нежели мои. Ихъ убѣжденія скорѣе подѣйствуютъ на нее. Улучивъ наконецъ паузу въ упрощиваніи г-жи Доброзраковой, я сказалъ: „Попросите Жукова, или кого другаго изъ вашихъ близкихъ друзей переговорить съ нянею. Каждый изъ нихъ важнѣе для нея, чѣмъ я: cadaго, она скорѣе послушаетъ, нежели меня“. — Она стала говорить, что меня считаютъ въ городѣ человѣкомъ честнымъ, и моимъ словамъ вѣрятъ. — Что жъ, это правда: въ городѣ знаютъ, что если я даю кому какой совѣтъ, то даю его безхитростно. — Я сказалъ бѣдняжкѣ: — „извольте, пойду къ нянѣ Протопоповыхъ. Гдѣ живетъ она?“ — „Въ кухнѣ дома гдѣ жили Протопоповы“. — Это казенный домъ, слушащій квартирою для исправника. Чиновникъ, принявшій должность отъ Протопопова, человѣкъ одинокій, ѣхавшій въ Вилюйскъ лишь на четыре мѣсяца, не привезъ хозяйственнаго обзаведенія съ собою, потому еще не могъ поселиться въ этомъ домѣ; домъ стоялъ пустой, и тотъ чиновникъ позволилъ бывшей нянѣ Протопоповыхъ съ ея старшими оставаться жить тамъ въ кухнѣ, пока онъ устроится хозяйствомъ и переселится съ другой квартиры въ исправническій домъ.

Я пошелъ отъ г-жи Доброзраковой къ нянѣ Протопоповыхъ. Растворяю двери кухни, Катерина Николаевна, стоявшая у печи, лицомъ къ двери, увидѣвъ, что входящій — это я, радостно вскрикиваетъ: „Родной ты мой, ужъ какъ мы желали, чтобъ ты пришелъ къ намъ“. Маленькая старушка, тетка ея мужа, сидѣвшая на лавкѣ, вскакиваетъ, произноситъ восклицаніе въ томъ же смыслѣ, съ такимъ же задушевнымъ, только менѣе порывистымъ, чувствомъ (она ужъ очень хила, да и отъ природы характеръ ея, какъ я увидѣлъ послѣ, менѣе живой, чѣмъ у Катерины Николаевны). Такого приѣма я не могъ ожидать; что эти люди любятъ меня, какъ родного, — съ какой же стати могъ бы я предполагать? Однажды, я, учтиво, какъ со всѣми, поговорилъ съ Катериною Николаевною, только и всего было до этой минуты между мною и ними. Я былъ до глубины души тронутъ этой ихъ любовью, но понять ея не умѣлъ. Постепенно это разъяснилось мнѣ, и тогда я увидѣлъ въ своихъ соображеніяхъ, что иначе и нельзя было быть тому. Они всѣхъ людей своей вѣры любятъ, какъ родныхъ, и натурально: всѣхъ людей ихъ вѣры — четыре семейства, или родственныя, или съ дѣтства очень дружныя между собою; да двѣ, три старушки, которыя десятки лѣтъ прожили „черезъ улицу“ отъ домовъ тѣхъ семействъ, и десятки лѣтъ были дружны съ тѣми семействами. Невозможно жъ было не быть между всѣми людьми ихъ вѣры совершенно родственному чувству. А я — оказался человѣкомъ тоже ихъ вѣры; они убѣдились въ этомъ совершенно достовѣрно, какъ только стали жить въ одномъ со мною городѣ. Правда, я до посѣщенія моего къ Протопоповымъ, не видывалъ ихъ въ глаза, да и они

видывали меня развѣ лишь изъ-дали. Но, они слышали, что я ни разу не заглядывалъ въ здѣшнюю церковь; вѣроятно, слыхивали, что я и у себя въ комнатѣ не молюсь ни по православной вѣрѣ, ни по какой расколыщической или молоканской, какъ же я не человѣкъ ихъ вѣры?—Дѣло простое и несомнѣнное. А я долго не могъ вбить въ голову себѣ такой, по моему, абсурдъ, что ихъ слова „ты изъ нашихъ“ не просто выраженіе дружбы и довѣрія,—чего я дѣйствительно сталъ достоинъ съ ихъ стороны, съ минуты того радостнаго приѣма ихъ мнѣ, входящему къ нимъ, не просто выраженіе нѣжнаго чувства, а слова, которыя надобно понимать въ смыслѣ: „ты человѣкъ нашей вѣры“. Разобравъ наконецъ, что смыслъ ихъ словъ дѣйствительно этотъ, наивный до неимовѣрности, я сталъ объяснять имъ, какъ только умѣлъ объяснять, не огорчая ихъ религіознаго чувства, что они ошиблись, я человѣкъ не ихъ вѣры, я — человѣкъ невѣрующій. Они теперь, въ свою очередь, долго не могли понять дѣйствительнаго смысла моихъ словъ, что я человѣкъ невѣрующій. Они сами безпрестанно говорятъ о себѣ, что у нихъ „нѣтъ никакой вѣры“, это значитъ: тѣ надежды, которыя питають они, еще не осуществились. Эти ихъ надежды—обыкновенныя желанія всякаго не глупаго и не гадкаго человѣка, не вора, не разбойника: доброе согласіе между людьми, честная, мирная жизнь всѣхъ людей. Но мы, обыкновенные люди, православные ли, католики ли, протестанты ли, или, какъ я, атеисты, — мы всѣ только думаемъ, что жить людямъ въ добромъ согласіи, честно, мирно — было бы хорошо. А они надѣются, что это очень скоро и осуществится: всѣ люди станутъ добры, дружелюбны каждый со всѣми. Словомъ, это простодушные мечтатели идиллическаго настроянія мыслей. Собственно—въ этомъ ихъ „вѣра“. Просто на просто, буколика во вкусѣ Фенелона или автора повѣсти „Поль и Виргинія“, милѣйшаго и скучнѣйшаго для всѣхъ насъ, обыкновенныхъ людей, Вернадена де-Сенъ-Пьера. Но они простолюдины, и эта сущность ихъ „вѣры“ имѣетъ дѣйствительно религіозный колоритъ, какъ всякія теоретическія мысли русскихъ простолюдиновъ, и окружена, какъ и нельзя иначе быть тому у нихъ, бывшихъ прежде старовѣрами Иргизскаго „толка“, остатками кое-какихъ старовѣрскихъ обычаевъ и кое-какими собственными ихъ изобрѣтеніями во вкусѣ тѣхъ же обычаевъ,—напримѣръ хоть оригинальнымъ ихъ правиломъ, относящимся къ обычаю пожатія рукъ при взаимномъ привѣтствіи всяческихъ обыкновенныхъ людей. Это ребяческія изобрѣтенія. Но, о нихъ послѣ. Возвращаясь къ объясненію ихъ словъ, что — у нихъ нѣтъ „вѣры“. Сущность ихъ вѣры — та идиллія всеобщаго мира, доброжелательства, честнаго душевнаго спокойствія. Эта идиллія еще не осуществилась. То есть, выражаясь нашимъ языкомъ, языкомъ образованныхъ людей, мы можемъ правильно сказать: „ихъ вѣра еще не осуществилась“. Они, простолюдины, не умѣютъ выразиться такъ, и говорятъ, что у нихъ „нѣтъ вѣры“. И вотъ они долго понимали въ этомъ же смыслѣ мои слова имъ, что я человѣкъ невѣрующій. А когда поняли наконецъ дѣйствительный смыслъ моихъ словъ о моемъ невѣріи, они, полюбивши меня ужъ не по фантастической только причинѣ, какъ было прежде, но и какъ дѣйствительно любящаго ихъ человѣка, все таки остались при своей мысли: „ты изъ нашихъ“. Катерина Николаевна, наиболѣе даровитая изъ нихъ, и при всемъ своемъ безграмотнѣйшемъ невѣжествѣ, женщина дѣйствительно большаго природнаго ума, нашлась, какъ примирить мое невѣріе съ ихъ вѣрою. — „Ну, что ты говоришь пустяки-то, что ты не изъ нашихъ? Не вѣринь въ Бога, — ну, коли не вѣришь,

то не вѣришь, а насъ ты все-таки любишь, стало быть ты все-таки, по настоящему говоря, нашей вѣры, братъ ты мнѣ, такъ и остаюсь при этомъ, сколько ни говори, что не родной ты мнѣ“. И ея хилые старшіе согласились, что такъ.

Но это было ужъ въ апрѣлѣ. Здѣсь, надобно было разсказать объ этомъ, чтобы ясно было, съ какими людьми началъ я бесѣдовать, пришедши въ первый разъ къ нимъ, какія съ той же минуты, какъ я вошелъ, установились отношенія между нами, и почему эти отношенія остаются и теперь прежнія съ ихъ стороны, хоть иллюзія ихъ относительно мнимыхъ моихъ религіозныхъ убѣжденій разсѣялась.

Когда я и обѣ женщины, мы подошли другъ къ другу, я протянулъ руку Катеринѣ Николаевнѣ, она сложила свои руки на груди такъ, что обѣ кисти ея рукъ оказались прикрыты. Я подумалъ, это шутиливое прятанье рукъ,—въ порывѣ радости, она хочетъ подшутить надо мною: не поймаю я ея руку. Я пожалъ ей руку, какая подвернулась, между локтемъ и кистью. Обернулся пожать руку теткѣ ея мужа. Та же исторія и со стороны старушки. Я понялъ такимъ же способомъ, и пожалъ ей руку тоже между локтемъ и кистью. Мы сѣли, начали разговаривать, я завелъ рѣчь прямо о дѣлѣ, по которому пришелъ, и не успѣлъ еще изложить моихъ соображеній о немъ, какъ вошелъ мужъ Катерины Николаевны, крихтя отъ ничтожной тяжести маленькой охапки щепокъ, которыя принесъ, топить печь. Онъ положилъ охапку, я подошелъ къ нему пожать руку. Онъ снряталъ руки за спину, и сказалъ: „мы рукъ не даемъ“. Такъ вотъ что. По ихъ правилу, обычай пожатія рукъ грѣшенъ, или по крайней мѣрѣ предосудителенъ,—понялъ теперь я, и сказалъ: „по вашему, вы не можете пожать мнѣ руку, а я вашу все таки могу пожать“, и пожалъ ему руку между кистью и локтемъ. Такъ это у насъ и до сихъ поръ. Они не огорчаются, что я жму ихъ руки гдѣ нибудь повыше или пониже локтя, но кисти рукъ усердно прячутъ отъ моего пожатія.—Что это за правило у нихъ, „мы не даемъ рукъ“?—То самое, что могъ бы придумать пятилѣтній ребенокъ, принявшійся мудрствовать надъ выраженіемъ „дать руку“. Ома Павловичъ,—такъ зовутъ мужа Катерины Николаевны, очень солидно и пространно растолковалъ мнѣ въ одно изъ послѣдующихъ моихъ посѣщеній, почему они „не даютъ руки“. — „Видишь ли, дамъ я тебѣ что нибудь, то у меня этого ужъ не будетъ: оно отдано. А рука мнѣ самому нужна, и никому не могу дать мою руку. Ему, на что моя рука? У него есть свои руки. А моя, нужна мнѣ самому“.

Умно?—Да, умно. Только—какъ смѣяться надъ такими ребяческими премудростями? Это безграмотные, совершенно темные безграмотные люди. Не смѣяться, нельзя. Но, смѣясь, думаешь: „бѣдные, бѣдные люди. Эткими-то премудростями своими устроили вы то, что вотъ вы—ссылные въ Вилуйскомъ округѣ“.

Да, въ такихъ ребячествахъ ихъ вся причина ихъ бѣды. Правительство не причастно тому, что они подверглись этой бѣдѣ. Правительство, сколько могъ я разобрать изъ ихъ разсказовъ, вовсе и не знало о ихъ процессѣ и ссылкѣ. То былъ маловажный процессъ, который возникъ, и шелъ, и кончился обычнымъ порядкомъ всяческихъ дюжинныхъ процессовъ. Правительство тутъ было не при чемъ.—То хоть судъ не порицаю ль я за ихъ ссылку? Нѣтъ, какъ скоро возникъ этотъ процессъ, судъ не могъ вести его иначе. Судъ былъ правъ по закону въ своемъ приговорѣ надъ этими людьми. Такъ я думаю. И едва ли я ошибаюсь,

думая, на основаніи ихъ же собственныхъ разсказовъ, что Правительство было ни мало не причастно ихъ процессу, а судъ велъ этотъ процессъ правильно, добросовѣстно, и вполне сообразно закону. Но, чѣмъ больше я бесѣдовалъ съ этими бѣдными, темными людьми, тѣмъ сильнѣе мнѣ думалось: „Если бы Правительство знало этихъ людей, оно не допустило бы возникнуть административному дѣлу о нихъ, или если бъ узнало ихъ ужъ только по возникновеніи этого дѣла, повелѣло бы администраціи изорвать эти бумаги, освободить изъ подъ стражи этихъ людей, и впредь не тревожить ихъ, или если бъ узнало ихъ только ужъ когда начался судебный процессъ о ихъ дѣлѣ, повелѣло бы суду прекратить этотъ процессъ и отпустить домой этихъ людей“. И у меня явилась надежда: „Если Правительствомъ будетъ узнано теперь, какіе это люди, оно отмѣнитъ судебный приговоръ о нихъ, совершенно правильный по закону этотъ приговоръ, оно отмѣнитъ его; помилуется этихъ бѣдныхъ, темныхъ людей; помилуется ихъ, хоть и виновныхъ по закону, — безспорно, виновныхъ, помилуется ихъ“.

Помилуется ихъ, если будетъ имъ узнано о нихъ. Но — отъ кого можетъ узнать оно о нихъ? — Только отъ меня. А оно должно считать меня врагомъ своимъ, человѣкомъ, имѣющимъ личную ненависть къ Государю моей родины. Такъ оно должно думать обо мнѣ, думать обо мнѣ иначе, не имѣетъ оно права, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣетъ оно обо мнѣ.

Но, что жъ, пусть такъ, пусть я человѣкъ ненавидящій Государя моей родины. Но, я не обманщикъ. Быть можетъ, Правительству извѣстно обо мнѣ, что я не обманщикъ. И если это извѣстно ему, то мое ходатайство о нихъ можетъ послужить ему основаніемъ для помилованія ихъ.

И, я рѣшился бесѣдовать съ ними часто, по многу часовъ, пока пріобрѣту отъ нихъ свѣдѣнія о нихъ настолько отчетливыя и полныя, на-сколько это необходимо для того, чтобы Правительство могло хорошо ознакомиться черезъ меня съ этими, имѣющими безусловное довѣріе ко мнѣ, потому вполне откровенными со мною, людьми.

Для того, чтобы мнѣ бывать у нихъ часто и по-долгу, мнѣ было все равно, въ чистой ли комнатѣ у Доброзраковыхъ будутъ жить они, или въ этой грязной кухнѣ, куда я пришелъ, грязной лишь потому, что отчистить эти ветхія стѣны, этотъ ветхій полъ отъ грязи многихъ десятковъ лѣтъ не могли они, не могли бы сотни людей, хоть бы при помощи машинъ, иначе они привели бы ее въ прекрасную чистоту. Но если это было все равно для меня, то — я долженъ былъ исполнять, какъ могу усерднѣе, порученіе г-жи Доброзраковой, принять которое на себя согласился ей.

Я уговорилъ ихъ въ нѣсколько пріемовъ, давая имъ отдохнуть отъ этой тѣмы разговора бесѣдою со мною о чемъ имъ угодно другомъ, обо всемъ на свѣтѣ, о чемъ имъ пріятно говорить. Я провелъ такимъ образомъ у нихъ часа четыре, если не больше, и добился въ концѣ этого продолжительнаго посѣщенія моего только того успѣха, что Катерина Николаевна сказала мнѣ: „Вы немножко поколебали мои мысли, но не хочу жить у нея, все таки не хочу“. — „То я прійду къ вамъ завтра уговаривать васъ, Катерина Николаевна, еще и еще“. — „Не хочется мнѣ и слышать объ этомъ“ — „А все таки прійду“. — „Приходи, мой родной“. — Они перепугываютъ въ словахъ своихъ, обращенныхъ ко мнѣ, „вы“ и „ты“: при обыкновенномъ тонѣ рѣчи, говорятъ мнѣ „вы“, при задушевной ин-

тонации словъ, говорятъ „ты“. Это вообще такъ у простолюдиновъ ихъ лѣтъ и ихъ сословія, зажиточнаго мѣщанскаго или крестьянскаго сословія.

Я пришелъ на другой день, опять пробесѣдовалъ съ ними очень долго, обо всемъ на свѣтъ, о чемъ пріятно было имъ говорить, постоянно возвращая разговоръ съ этихъ всяческихъ эпизодовъ на уговариваніе Катерины Николаевны поступить въ няньки къ Доброзраковымъ.

Мои аргументы были:

„Васъ, Катерина Николаевна, я не промѣняю на нихъ. Жаль мнѣ ихъ, но не въ этомъ теперь дѣло. У васъ очень мало теперь денегъ, въ этомъ теперь дѣло, все дѣло для меня. Я хочу теперь ужъ только того, что полезно вамъ. Вамъ необходимо перейти жить къ ней. Вамъ нечѣмъ жить“.

Я говорилъ искренно. Что значили теперь для меня надобности Доброзраковыхъ, сравнительно съ моимъ желаніемъ полезнаго этимъ моимъ, дѣйствительно, друзьямъ?

У нихъ сбережено было нѣсколько изъ денегъ, полученныхъ ими отъ Протопоповыхъ. Рублей пятьдесятъ. Но на долго ли станетъ пятидесяти рублей, кормиться ими тремъ людямъ, при цѣнѣ ржаной муки съ мякиною 2 р. 50 копѣекъ пудъ?—А никакого другаго мѣста, кромѣ какъ у Доброзраковыхъ, не предвидѣлось. Возвратятся ли Протопоповы, было неизвѣстно,—это вообще, а лично, мнѣ было извѣстно: не возвратятся. Они говорили это мнѣ по исключительному довѣрію ко мнѣ. Не знай я этого отъ нихъ, я не былъ бы такъ настойчивъ.

Катерина Николаевна, какъ и всѣ, не знала, возвратятся ль они, и желала надѣяться, что возвратятся. Если бы я ждалъ того же, я съ первыхъ же ея словъ при этомъ второмъ моемъ посѣщеніи пересталъ бы уговаривать ее.

— Здѣсь, жить намъ нечѣмъ. То, проживемъ четыре мѣсяца до пріѣзда Протопоповыхъ въ ночлегъ.—Тамъ будутъ давать намъ содержаніе. Будемъ на-половину голодать, но четыре мѣсяца, перетерпѣть это мы еще въ силахъ. Лучше это, чѣмъ жить у Доброзраковыхъ. Обидчица она. Сама переносила бѣ обиды, чтобы сыты были мои старикъ со старухою. Но она будетъ обижать и ихъ, а ихъ я въ обиду не дамъ.

Но г-жа Доброзракова молода, дурное въ ней отъ ея молодаго неразумія. Она будетъ, вѣроятно, становиться разсудительнѣе, пріобрѣтая житейскую опытность. Я хотѣлъ помогать ей образумливаться отъ ея фанаберіи. Да ужъ и привелось ей много мучиться. Она рыдала. Можетъ быть, ужъ и готова исправляться.

Такъ я думалъ, такъ и говорилъ Катеринѣ Николаевнѣ, и наконецъ, въ это второе посѣщеніе, добился таки, она сказала: „хорошо: для тебя, пойду завтра поговорить съ нею, можетъ быть, и сговоримся съ нею“.

— Когда прійдете къ ней, пришлите ихъ слугу за мною, сказалъ я:—буду помогать ей держать себя съ вами умно.

На другое утро, онѣ прислали за мною. Когда я пришелъ, онѣ ужъ сговорились. Г-жа Доброзракова держала себя передъ Катериною Николаевною, не какъ госпожа передъ нянькою, а какъ младшая пріятельница передъ старшею. Катерина Николаевна ушла собирать свои вещи, чтобы перейти съ своимъ мужемъ и теткою къ Доброзраковымъ.

Нѣсколько дней, г-жа Доброзракова показывала уваженіе къ Катеринѣ Николаевнѣ. Пріѣхалъ г-нъ Доброзраковъ, долженъ былъ, какъ отдохнуль съ дороги, ѣхать снова въ другую часть округа. Жена поѣхала съ нимъ, въ восторгѣ,

что теперь она свободна. Хотѣла отдать всѣ ключи отъ кладовой и чулановъ съ провизіею Катеринѣ Николаевнѣ. Катерина Николаевна остереглась взять, и сказала мнѣ: „она, пока еще, хорошо держитъ себя. Но, не надѣюсь на ея разсудительность. Онажешься у нея, пожалуй, воровкой“. — Поѣздка длилась недѣли двѣ. Возвратились Доброзраковы. Г-жа Доброзракова была исполнена благодарности къ Катеринѣ Николаевнѣ. Такъ прошло еще нѣсколько дней. Все вмѣстѣ, съ того дня, какъ поселились мои друзья у Доброзраковыхъ, это составило мѣсяцъ.

Младшій сынъ Доброзраковыхъ, бывшій такимъ хилымъ, что они полагали: малютка умретъ, — онъ поправился въ этотъ мѣсяцъ такъ, что они успокоились за его жизнь.

Катерина Николаевна пожелтѣла и похудѣла: такъ ухаживала она за этимъ малюткою. Какъ не спускала съ рукъ она его, такъ старшій сынъ Доброзраковыхъ находился постоянно при мужѣ и теткѣ Катерины Николаевны. Подлѣ матери, я вовсе не видывалъ его, кромѣ какъ за обѣдомъ. (Я, приходя къ нимъ послѣ моего обѣда, иногда заставлялъ ихъ обѣдающими).

Г-жа Доброзракова нѣжилась теперь, совершенно свободная располагать какъ угодно своимъ временемъ. Ея здоровье становилось цвѣтущимъ.

Одно было у нея опасеніе. Пришло извѣстіе, что г-жа Протопопова умерла на дорогѣ. Въ городѣ стали говорить: Протопоповъ только по желанію жены хотѣлъ искать себѣ службы въ Иркутскѣ, теперь ему хлопотать объ этомъ не для чего, самъ онъ, не скучалъ въ Вилюйскѣ и былъ доволенъ своею здѣшнею службою, онъ возвратится сюда. Г-жа Доброзракова встревожилась: — „Протопоповъ возвратится, няня съ мужемъ и теткою перейдутъ къ нему. Несчастная буду я“. — Теперь я видѣлъ, что г-нъ Протопоповъ можетъ покинуть свое прежнее, тогда рѣшительное, какъ онъ по довѣрію говорилъ мнѣ, намѣреніе искать службы въ Иркутскѣ, не возвращаться сюда, дѣйствительно это было главнымъ образомъ желаніе его супруги, а теперь онъ, быть можетъ, и думаетъ, что для него самого все равно, гдѣ служить. Я спросилъ г-жу Доброзракову, почему она полагаетъ, что няня, въ случаѣ возвращенія Протопопова, перейдетъ къ нему. Няня говорила ей это? — „Нѣтъ, няня говоритъ не такъ, няня говоритъ, что согласившись служить у меня, не перемѣнитъ этого ни изъ за какихъ денегъ, пусть Протопоповъ будетъ предлагать ей сколько хочетъ, она ни на какія деньги не польстится“. — „Напрасно жъ вы тревожитесь, когда она сказала такъ“. — „Ахъ, она обманетъ“. — „Нѣтъ, это не такіе люди, она и ея родные, чтобы давать обѣщанія и не исполнять ихъ“. — „А тогда, обманула жъ меня: согласилась, а послѣ отказывалась перейти ко мнѣ“. — Я сталъ снова толковать ей, что дѣло было вовсе не такъ. Няня слышала о ней, что она дурно обращается съ прислугою, потому съ перваго же раза отвергла ея приглашеніе, учтивыми, но совершенно ясными словами. — „Ахъ, это напрасно вѣрите вы ей, что я дурно обращалась съ прислугою“. — Извините, не отъ нея первой услышалъ я это. Раньше, чѣмъ я въ первый разъ увидѣлъ ее, я слышалъ это отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, объ этомъ говорилъ весь городъ. Сначала, я защищалъ васъ, думая, что это преувеличеніе. Но помните вотъ такіе-то случаи, — я перечислилъ нѣсколько: — „послѣ этихъ случаевъ, я принужденъ былъ согласиться, что мои знакомые говорили мнѣ правду. И помните: я предупреджалъ васъ, что если вы будете поступать такъ съ прислугою, никакой якутъ,

никакая якутка не будетъ уживаться у васъ и впередъ, какъ не уживались прежніе якуты и якутки. Помните, все было раньше отъѣзда Протопоповыхъ. Уговаривать няню вы поручили мнѣ ужъ послѣ того. Я уговорилъ ее тѣмъ, что сказалъ ей: это женщина молодая, она еще можетъ исправиться, и я надѣюсь, что она исправится. И я полагаю, вы дѣйствительно исправились. Правда, исправились? — „Ахъ, я такъ благодарна нянѣ, могу ль я обращаться съ нею дурно? — Иль они говорили вамъ, что я обращаюсь съ ними дурно? — О-го, подумаль я: она должно быть, ужъ принялась за прежнее. — „Ничего такого отъ нихъ я не слышалъ. А когда вы сама замѣчаете, что подаете имъ причины къ неудовольствію, то я думаю, не состоятъ ли одна изъ этихъ причинъ вотъ въ чемъ: вы заставляете хилаго старика ѣздить за водою, это работа слишкомъ тяжелая для него“. — „Вотъ прекрасно, да развѣ онъ больной? — „А развѣ не говорили мы съ вами объ этомъ? — И неужели вы сама не видите этого? — „Мужъ не замѣчалъ“. — „Ему вдвойнѣ непростительно не видѣть этого. Онъ медикъ“. — „Что жъ онъ не проситъ мужа лечить его? — „Это люди деликатные. Какъ станетъ онъ просить, когда не можетъ платить за леченіе? Вашъ мужъ видитъ, что онъ боленъ, но не интересуется лечить его“. — „Но все таки ужъ, онъ можетъ работать“. — „Можетъ, или не можетъ, но вы помните: вы сама говорили, что нанимаете въ услуженіе только няню, а ея мужъ и тетка будутъ только жить на вашемъ содержаніи, и услугъ отъ нихъ вы совершенно никакихъ не будете требовать“. — „Какъ же я кормила бъ ихъ за-даромъ? — „Уговоръ былъ таковъ“. — „Ахъ, нѣтъ“. — „Извините. Этотъ уговоръ былъ у васъ со мною“. — „А няня не условливалась объ этомъ со мною“. — „Раньше, чѣмъ условливаться съ нею, вы условились объ этомъ со мною. Вы помните? — „Ахъ, да“. — „Я съ тѣмъ и пошелъ къ ней въ первый разъ, правда? — „Ахъ, да“. — „Вамъ приходилось условливаться съ нею только о томъ, пять или шесть руб. вы будете ей платить“. — „Да“. — „И такъ, вы, по условію не имѣете права требовать никакихъ услугъ отъ старика и его тетки. Правда? — „Да; но они сами стали ухаживать за дѣтьми“. — „Они сами, потому что они люди добрые“. — „Ахъ, да“. — „Принуждать старика ѣздить за водою вы не должны. Это слишкомъ тяжелая для него работа“. — Она замолчала. — „Обращайтесь съ ними хорошо, и они не уйдутъ отъ васъ, если даже и возвратится Протопоповъ“. — „Они жаловались вамъ на насъ? — „Нѣтъ“. — Я дѣйствительно не слышалъ отъ нихъ ни дного слова жалобы. — „Ахъ, они, я думаю, много нажаловались вамъ на меня“. — „Слушайте: вы знаете, или нѣтъ, чѣмъ я интересуюсь, учеными вещами, или разспросами о томъ, какъ живутъ здѣсь люди? — „Нѣтъ, о томъ, что дѣлается здѣсь, вы не любите слушать, вы ученый, вамъ это скучно“. — „О чемъ же я говорю съ нянею, ея мужемъ и теткою? — „О ихъ вѣрѣ“. — „А о васъ, было бы скучно мнѣ говорить съ ними, правда? — „Правда“. — „Наймите какого нибудь якута возить вамъ воду, это будетъ стоить 50 копѣекъ въ мѣсяцъ“. — „Даже меньше“. — „Тѣмъ лучше. Старика не посылайте за водою. Не требуйте отъ него и тетки никакой работы. Сколько могутъ, они и добровольно дѣлаютъ“. — „Ахъ, да. Я благодарна имъ“. — „Не обижайте ихъ и няню, и они не уйдутъ отъ васъ къ Протопопову, если онъ возвратится“. — Она успокоилась.

Прошло нѣсколько времени. Исполнился мѣсяцъ, какъ няня и ея старшіе стали жить у Доброзраковыхъ. Въ этотъ мѣсяцъ, я бывалъ въ квартирѣ Добро-

зраковыхъ обыкновенно черезъ день, иногда по два, по три дня сряду. Небольшую часть времени я просиживалъ съ Доброзраковымъ, для соблюденія учтивости, большую часть времени просиживалъ въ кухнѣ съ моими друзьями.

Итакъ, прошелъ мѣсяцъ. Прихожу въ первый день второго мѣсяца, — это было воскресенье послѣ дня Пасхи, 8-ое число апрѣля. Вхожу въ комнату г-жи Доброзраковой; вижу: подлѣ нея старшій ея сынъ. Этого не бывало во весь тотъ мѣсяцъ. Я подумалъ: „Прекрасно. Отдохнувши, занялась дѣтьми“. Здороваюсь съ нею; вижу: г-на Доброзракова нѣтъ дома; вижу: въ сосѣдней дѣтской Катерина Николаевна нянчится съ младшимъ малюткою. Пошелъ, поздоровался съ нею; поговоривши о чемъ-то пустячномъ минуто, двѣ съ г-жею Доброзраковою, встаю, чтобъ идти въ кухню къ старику и его теткѣ. Г-жа Доброзракова останавливаетъ меня словами: „Не ходите въ кухню; родныхъ няни тамъ ужъ нѣтъ. Вчера кончился мѣсяцъ, какъ они стали жить у насъ, и вчера же няня отослала ихъ жить не знаю куда-то, должно быть опять въ кухнѣ исправническаго дома“. — Я былъ изумленъ. — „Должно быть, новый исправникъ, то есть, тотъ одинокій чиновникъ, исправляющій должность за Протопопова во время его отгулка, — переманиваетъ няню быть у него экономкою. Это будетъ ей выгодноѣ. Онъ получаетъ больше жалованья, чѣмъ мужъ, и онъ не имѣетъ семейства. Онъ можетъ платить ей больше, чѣмъ мы. Вотъ, она ужъ и отослала тѣхъ жить тамъ. А сама пока еще остается. Но уйдетъ и сама“. — Катерина Николаевна отвѣчаетъ изъ дѣтской на эти слова: „Напрасно вы говорите, барыня. Исправникъ насъ не приглашаетъ. Вы знаете, у него нѣтъ такого хозяйства, чтобъ кухарка была нужна ему. Онъ здѣсь на короткое время и не обзаводится своимъ хозяйствомъ. Я сказала вамъ, что остаюсь у васъ и останусь. Содержать моихъ стариковъ было убыточно вамъ, я и отослала ихъ. Только поэтому отослала ихъ“. — Я заговорилъ о чемъ-то другомъ, постороннемъ, чтобъ не дать г-жѣ Доброзраковой продолжать говорить очевидный вздоръ, которымъ она окончательно испортитъ дѣло. Говорить съ нею объ этомъ дѣлѣ, въ которомъ она явнымъ образомъ виновата, я хотѣлъ наединѣ съ нею. Тепоръ няня слышала бы мои назиданія г-жѣ Доброзраковой и слушать ихъ, зная, что они слышны для няни, было бы слишкомъ тяжело для ея фанаберіи. И такъ, я твердо велъ разговоръ о постороннихъ, пустячныхъ вещахъ, никакъ не давая г-жѣ Доброзраковой свернуть на разглагольствованія о ея поступкѣ, изумившемъ меня: безтолкова она, но такой быстрой порчи ея домашняго удобства я все таки не ждалъ отъ нея. И я думалъ: мои назиданія ей наединѣ еще могутъ поправить дѣло. Вернулся домой г-нъ Доброзраковъ. Пришелъ посторонній человекъ, пріятель Доброзраковыхъ. Я все велъ разговоръ о вещахъ постороннихъ, чтобъ не дать г-жѣ Доброзраковой пуститься въ разглагольствованія о нянѣ. Но сплосалъ; начавши закуривать папиросу, замолкъ на нѣсколько секундъ. Г-жа Доброзракова воспользовалась паузою и пустилась опять въ свои разсужденія, что Шахурдинъ (фамилія того чиновника) переманиваетъ няню, и т. д. безъ конца. Катерина Николаевна слушала, слушала, вышла изъ дѣтской въ залъ, гдѣ сидѣли мы, и сказала г-жѣ Доброзраковой: „Я молчала о томъ, какъ вы обижали моихъ старика и старуху, а сама хотѣла терпѣть все отъ васъ, только просила васъ не злословить о насъ при постороннихъ; вы общались. А вотъ ужъ и забыли общаніе. Прощайте. Я припшу мужа за моими вещами“. — Поклонилась и ушла.

Я не слышалъ послѣ отъ г-на Доброзракова ни одного слова, сколько нибудь

похожаго на то, что онъ и его жена были хоть сколько-нибудь неправы передъ моими друзьями.

Каково было жить имъ у Доброзраковыхъ, можно судить по одному изъ результатовъ моего знакомства съ Доброзраковыми. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ бывать у нихъ, я замѣтилъ, что имъ пріятно, когда я, выпивъ стаканъ чаю, говорю, что втораго стакана пить не буду, прошу не наливать. Если такъ, разсудилъ я, то лучше не пить у нихъ и перваго стакана. Но пить чай у другихъ знакомыхъ, а у Доброзраковыхъ не пить, то будетъ понято всѣми, видящими это, почему я не пью чаю у Доброзраковыхъ. И я пересталъ пить чай у всѣхъ, у кого бываю, кромѣ людей, у которыхъ бываю такъ рѣдко, что не выпить чаю у нихъ было бы обидою имъ.

Я не говорю, что Доброзраковы—дурные люди. Но въ нихъ слишкомъ много безтолковости.

Натурально, что съ того дня, какъ ушла отъ нихъ Катерина Николаевна, я совершенно охладѣлъ къ нимъ.

Мои друзья переселились въ баню того, все еще стоявшаго пустымъ дома, на кухню котораго жили прежде. Кухня была теперь занята бѣднымъ семействомъ, жившимъ прежде въ банѣ. Люди того семейства были больны, когда жили въ банѣ: воздухъ въ ней слишкомъ тяжелый. И мои друзья стали изнемогать въ ней. Потому переселились въ якутскую юрту, за которую платятъ 30 копѣекъ въ мѣсяцъ. Воздухъ въ ней, какъ во всякой юртѣ, нехорошъ; это зависитъ отъ самаго способа постройки юртъ; но мѣзмовъ, какъ въ банѣ, въ этой юртѣ нѣтъ.

Я бываю у моихъ друзей два-три раза въ недѣлю; а иногда и два-три дня сряду.

Но теперь, когда они рассказали мнѣ ужъ почти все то, что надобно было узнать для составленія записки о ихъ процессѣ, я буду, можетъ быть, лѣниться посѣщать ихъ такъ часто, какъ дѣлалъ это до сихъ поръ.

Ознакомиться по ихъ рассказамъ съ характеромъ и ходомъ дѣла, кончившагося ссылкой ихъ по судебному приговору въ Сибирь, было задачею очень хлопотливою, взявшею очень много времени у меня.

Всѣ трое они люди умные. Катерина Николаевна — женщина даже очень умная. Но всѣ трое они люди темные, темные. Мало того, что они безграмотные. Они не знаютъ многого такого, что извѣстно большинству безграмотныхъ горожанъ. Напримѣръ, они не знаютъ, что „коллежскій ассессоръ“ чинъ менѣе выстѣй, нежели „генералъ“. Къ нимъ въ тюрьму пріѣзжалъ какой-то „коллежскій ассессоръ“, начальствовавшій надъ „генералами“ и бывшій, кромѣ того, „начальникомъ надъ двѣнадцатю губерніями“. Много ли могли понимать въ своемъ процессѣ такіе темные люди?

Вотъ какъ прекрасно понимали они, за что судили ихъ: ихъ судили за то, что они „таковые“. Въ бумагахъ, которыя были читаны на судѣ, разумѣется, часто попадалось мѣстоименіе „таковые“, канцелярская форма разговорнаго мѣстоимѣнія „такой“; и должно быть, это мѣстоименіе часто относилось къ нимъ; они и узнали изъ этого, что ихъ судятъ за то, что они „таковые“.

Богатенкова и бывшихъ съ нимъ судили раньше, нежели моихъ друзей и бывшихъ съ ними. — За что судили тѣхъ? — За то же самое: за то, что они „таковые“.

Получивъ такіа свѣдѣнія, разумѣется, долженъ былъ я постараться разъяснить

для себя эти удивительныя свѣдѣнія. И много разъ шель у меня съ моими друзьями разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

„Таковые“ это книжное слово, которое значить то же самое, что по просту говорится „такіе“. — „Такъ, теперь знаемъ; вы растолковали“. — „Васъ судили за то, что вы „таковые““. „Чтобы выходилъ какой-нибудь смыслъ, надобно было въ тѣхъ бумагахъ прибавлять къ этому слову какое нибудь другое“. — „Правда, теперь понимаемъ. Тамъ говорилось о насъ „таковые жъ““. — „И этого мало; надобно было тамъ прибавлять еще что нибудь. О васъ тамъ говорилось, что вы „таковые жъ“, какъ кто еще?“ — „А, правда. Тамъ говорилось, что мы „таковые жъ, какъ Богатенковъ““. — „Хорошо. А Богатенковъ былъ какой же?“ — „Стало быть таковой же, какъ мы“. — „И дѣйствительно, мысли и поступки Богатенкова были одинакіе съ вашими?“ — „Надо полагать одинакіе“. „Полагаете, стало быть не знаете, а только полагаете?“ — „Да намъ объ этомъ не приходилось до сихъ поръ подумать хорошенько. Слѣдователь тогда сказалъ намъ: вы, должно быть, такіе-жъ, какъ Богатенковъ? — мы и сказали: такіе-жъ. Сказали и только. О чемъ тутъ думать. А вотъ теперь и поняли мы: изъ этихъ-то нашихъ словъ и вышло, что насъ судили за то, что мы таковые“. — „Хорошо. Вы сказали слѣдователю, что вы такіе-жъ, какъ Богатенковъ. О чемъ именно вы думали, когда согласились съ тѣмъ слѣдователемъ, что вы такіе же, какъ Богатенковъ?“ — „Мы думали о томъ, что его всѣ считали добрымъ человѣкомъ. Ну, и насъ всѣ въ Дубовкѣ считали за добрыхъ людей. Да кто жъ и не добрый-то у насъ въ Дубовкѣ? Добродушный у насъ тамъ народъ. Случись бурлаку захворать на суднѣ, стащить его на берегъ, бросать. Въ другихъ мѣстахъ онъ такъ и лежить, покуда прійдетъ полиція, подберетъ его. Въ Царицынѣ это такъ“. — „О Царицынѣ не слышалъ, я когда ребенкомъ гулялъ по берегу въ Саратовѣ, видѣлъ, что въ Саратовѣ тогда это было такъ“. — „Ну, и въ Царицынѣ такъ. А у насъ въ Дубовкѣ это не такъ. У насъ, кто первый увидитъ его, тотъ и возьметъ къ себѣ, и ухаживаетъ за нимъ. У насъ въ Дубовкѣ весь народъ добрый“. — „И православные тамъ добрые?“ — „А то какъ-же?“ — „О молоканахъ-воскресенникахъ я прежде, давно, отъ всѣхъ слышалъ, что они добрые люди. Правда и по вашему?“ — „А то какъ-же? Субботники, вотъ тѣ скупы“. — „Хорошо. Воротимся опять къ вашему дѣлу. Слѣдователь спросилъ васъ, такіе ли вы, какъ Богатенковъ. Богатенковъ былъ добрый человѣкъ, васъ тоже называли добрыми людьми; вы и сказали, что вы такіе жъ“. — „Ну, да; кому жъ охота отказываться отъ того, что его называли добрымъ человѣкомъ?“ — „Хорошо; вы думали объ этомъ, а слѣдователь объ этомъ ли думалъ, когда спрашивалъ васъ?“ — „Мои друзья задумываются. Катерина Николаевна черезъ двѣтри секунды говорить: — „Ну, да чего тутъ. Видно, теперь не объ этомъ онъ думалъ, когда мы ужъ разобрали теперь, что изъ этого вышло, что насъ судили за то, что мы таковые. Теперь-то видно; а тогда-то мы не поняли, что такое выйдетъ о насъ изъ тѣхъ нашихъ словъ“. — „Грустно мнѣ за васъ, Катерина Николаевна; да что грустить-то? Лучше посмѣюсь надъ вами“. — „Посмѣйтесь. И я посмѣюсь“.

Это я привелъ только для примѣра, какъ приходилось мнѣ толковать съ моими друзьями, чтобы доискиваться смысла въ ихъ разсказахъ о вещахъ, совершенно чуждыхъ кругу ихъ знаній. Само собою понятно, что не во всякомъ ихъ

разсказъ было такъ легко отыскать дѣйствительное его значеніе, какъ въ ихъ словахъ, что ихъ судили за то, что они „таковые“. И само собою разумѣется, ихъ приговорили жъ ссылкѣ въ Сибирь вовсе не за то, что они подтвердили слѣдователю его мысль, что они такіе жъ, какъ Богатенковъ. Нѣтъ. Судъ былъ правъ, постановляя свой приговоръ о нихъ. Мои бѣдные друзья говорили въ самомъ судѣ такія вещи, за которыя судъ не могъ не признать ихъ виновными въ преступленіи, наказываемомъ по закону ссылкой. Судебный приговоръ надъ ними былъ правиленъ, я ужъ говорилъ, что вполне признаю это, и что ходатайство мое за нихъ—лишь ходатайство о помилованіи людей, нимало не опасныхъ правительству, миролюбивыхъ и добрыхъ людей, бѣдныхъ темныхъ людей, достойныхъ состраданія и помилованія.

Н. Чернышевскій.

Вилъйскъ.
25 мая 1879.

Записка для Его Высочайшего Императорства г-на Шефа Жандармовъ, составленная Н. Чернышевскимъ.

Когда я задумалъ умолять Его Величество Государя Императора о помилованіи моихъ друзей Оомы и Катерины Чистоплюевыхъ и Матрены Головачевой, и сдѣлалось потому надобностью мнѣ составить записку о нихъ для представленія Правительству, я сталъ готовить матеріалы для нея слѣдующимъ способомъ:

Я записалъ то, что помнилъ изъ разсказовъ, которыми мои друзья въ прежнихъ нашихъ разговорахъ знакомили меня съ причинами постигшей ихъ судьбы. Все существенное для предположенной мною работы было ужь тутъ, потому что мои друзья съ первой же минуты нашего знакомства были совершенно откровенны со мною. Оставалось проверить точность моихъ воспоминаній и пополнить ихъ подробностями, необходимыми для связности изложенія. Это потребовало много времени.

При началѣ нашего знакомства, я разспрашивалъ моихъ друзей о ихъ процессѣ, послѣ гораздо дольше, о предметѣ болѣе интересномъ для ученаго, о догматикѣ ихъ вѣры; удовлетворивъ и этому моему любопытству, я пересталъ давать направленіе разговору, предоставляя моимъ друзьямъ вести его о томъ, о чемъ занимательно имъ самимъ говорить. А это, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ ихъ процессомъ. Любимыя тѣмы ихъ разговоровъ — обыкновенныя тѣмы разговоровъ рабочихъ людей, необразованныхъ людей, пожилыхъ людей. Какъ всѣ рабочіе люди, они любятъ говорить о своихъ рабочихъ занятіяхъ: Чистоплюевъ толкуетъ о своихъ прежнихъ промыслахъ, рыбной ловлѣ, лоцманствѣ по Волгѣ, женщины разсказываютъ о своемъ прежнемъ домашнемъ хозяйствѣ. Какъ всѣ люди необразованные, они неистощимо толкуютъ о своихъ недавнихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, о своихъ текущихъ личныхъ дѣлахъ: безконечны ихъ разсказы о томъ, какъ жили они у Протопоповыхъ, и о томъ, что дѣлали вчера, нынѣ. Подобно всѣмъ пожилымъ людямъ, любятъ они припоминать, какъ шло ихъ дѣтство, какъ веселились они въ молодости. — Когда я сдѣлалъ мои основныя замѣтки и долженъ былъ проверять и пополнять ихъ, мои друзья ужь привыкли, что разговоръ идетъ все лишь о такихъ вещахъ, и лишь изрѣдка, по моимъ случайнымъ вопросамъ, мимоходомъ касается чегонибудь инаго, иногда въ числѣ всего инаго, и ихъ процесса.

Я не хотѣлъ дѣлать никакой замѣтной перемѣны въ этомъ. Иначе, мнѣ пришлось бы сказать моимъ друзьямъ о моемъ намѣреніи. А я не хотѣлъ говорить имъ о немъ преждевременно. Конечно, я не опасался уменьшить черезъ это сообщеніе

имъ ихъ откровенность съ мною. Если бъ они и захотѣли скрытничать, имъ ужъ нечего было скрывать отъ меня. Но они и не захотѣли бы, я имѣлъ достаточныя основанія быть увѣренъ въ томъ. Я хотѣлъ, пока можно, молчать имъ о моемъ намѣреніи просто потому, что не хотѣлъ преждевременно тревожить ихъ. Они безпокоились бы и за себя, и еще больше за меня: воображали бы, что задуманное мною можетъ подвергнуть ихъ непріятностямъ, а меня великимъ бѣдамъ. И я думалъ: скажу имъ, когда будетъ надобно. А черезъ нѣсколько времени разсудилъ: надобности въ томъ и не будетъ. При моемъ прошеніи о нихъ—Правительству не нужно прошеніе отъ имени этихъ темныхъ безграмотныхъ людей. А когда не за чѣмъ мнѣ писать прошеніе отъ ихъ имени, то и не зачѣмъ говорить имъ о моемъ намѣреніи.

Потому я навелъ ихъ на надобные мнѣ рассказы лишь изрѣдка. Когда дѣлалъ это, записывалъ по возвращеніи домой то, что относилось къ моей работѣ.

Само собою разумѣется, я съ одинаковою заботливостью вносилъ въ мои матеріалы какъ тѣ мѣста изъ рассказовъ моихъ друзей, которыя могутъ служить въ ихъ пользу, такъ и тѣ, которыя показывали мнѣ законность произнесеннаго надъ ними приговора и равно заботливо переносу изъ моихъ замѣтокъ въ эту записку данныя того и другаго рода. Я не могъ не понимать, что Правительство найдетъ надобнымъ сличить мою записку съ подлинными актами процесса, въ числѣ подсудимыхъ по которому были мои друзья, и другаго процесса, послѣдствіемъ котораго былъ ихъ процессъ, и найдетъ заслуживающимъ своей поддержки мое мненіе къ Его Величеству Государю Императору за моихъ друзей только нашедши, что преступное въ ихъ прошломъ выставлено мною на видъ все сполна.

Это, о моихъ правилахъ при составленіи настоящей записки. Что же касается моихъ друзей, Правительство, конечно, видитъ по предисловію къ этой запискѣ, посланному мною раньше, и будетъ видѣть по ея содержанію, что мои друзья дѣйствительно не имѣли — прибавлю: и остаются нежелающими имѣть — никакихъ тайнъ отъ меня, никакихъ умолчаній передо мною. Да они, какъ я говорилъ, и не знали—прибавлю и остаются и, насколько отъ меня зависитъ, останутся незнающими—ни о чемъ, относящемся къ моему намѣренію умолять Его Величество Государя Императора о дарованіи помилованія имъ. Люди сокрушенные своими страданіями, они преувеличиваютъ въ своихъ скорбныхъ мысляхъ свои вины, воображаютъ себя заслуживавшими за нихъ смертной казни, и поймутъ, что могутъ быть помилованы, только когда будетъ имъ объявлено, что они помилованы.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

Процессъ, въ числѣ подсудимыхъ по которому находились Ѳома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева, былъ послѣдствіемъ процесса Акима Богатенкова и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ нимъ. Потому, прежде нежели говорить о Ѳомѣ и Катеринѣ Чистоплюевыхъ, Матренѣ Головачевой и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ ними, надобно сказать объ Акимѣ Богатенковѣ и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ нимъ.

Число лицъ, содержавшихся подъ стражею по дѣлу Акима Богатенкова было пятнадцать человѣкъ. Всѣ они были жители посада Дубовки.

Это были два родственныя между собою семейства, оба принадлежавшія къ разряду богатыхъ Дубовскихъ промышленниковъ.

Вотъ списокъ этихъ пятнадцати лицъ:

Акимъ Романовъ Богатенковъ;

жена его Прасковья Григорьева;

дѣти ихъ: Авдотья;

второе дитя, дочь, имени которой я не стараюсь удержать въ моей памяти;

третье дитя, дочь, имени которой не умѣли припомнить мои друзья;

Ульяна;

Поликарпъ;

Катерина;

Василій Пареновъ Киселевъ;

жена его Анна Гаврилова;

дѣти ихъ, четыре человѣка: три дѣвочки и одинъ мальчикъ. Именъ двухъ изъ дѣвочекъ не умѣли припомнить мои друзья; два другія имени не стараюсь я удержать въ моей памяти;

младшій братъ Василія Киселева, Давидъ Пареновъ Киселевъ.

Изъ этихъ пятнадцати человѣкъ, самостоятельныхъ людей было пятеро; именно:

Акимъ и Прасковья Богатенковы.

Василій и Анна Киселевы, Давидъ Киселевъ.

Я полагаю, только они пятеро и были подсудимы.

Изъ дѣтей Богатенковыхъ и Василія и Анны Киселевыхъ никто, я полагаю, не былъ причисляемъ къ подсудимымъ ни администраціею, ни судомъ. Всѣ они были только, съ разрѣшенія начальства, оставляемы по желанію своихъ родителей, при своихъ родителяхъ, въ мѣстахъ заключенія родителей,—такъ я полагаю. Сомнѣніе, по моему, возможно лишь относительно старшей дочери Богатенковыхъ, Авдотьи. При началѣ процесса она была ужъ взрослою дѣвушкою; потому, администрація и судъ могли ее причислить къ подсудимымъ, безспорно, имѣли право. Но, я полагаю не причисляли, потому что я убѣжденъ, имѣли справедливость принимать въ соображеніе, что молоденькая, хотъ и взрослая дѣвушка при родителяхъ, въ семействѣ, хотъ и богатомъ, но совершенно простонародныхъ яравовъ, не самостоятельный человѣкъ.—Впрочемъ съ практической стороны, вопросъ объ Авдотѣ Богатенковой индифферентенъ: дѣвушка умерла во время процесса.

Соображенія о числѣ подсудимыхъ лишь мои собственныя соображенія. Причислялся или нечислялся къ подсудимымъ кто изъ дѣтей Богатенковыхъ или Киселевыхъ, моимъ друзьямъ не случалось слышать. А имъ самимъ, людямъ безграмотнымъ, никакихъ вопросовъ о числѣ подсудимыхъ по дѣлу Богатенкова не приходило въ голову. Конечно, они знаютъ, что очень маленькихъ мальчиковъ и

дѣвочекъ не судятъ. Дальше того ихъ юридическія свѣдѣнія не идутъ, и если бы спросить ихъ, какъ они думаютъ о томъ, причислялись ли къ подсудимымъ по дѣлу Богатенкова двѣнадцатилѣтнія или четырнадцатилѣтнія дѣвочки, они не знали бы что отвѣчать. Ни о какихъ подобныхъ вопросахъ не случалось имъ думать.

И такъ, я полагаю подсудимыхъ по дѣлу Акима Богатенкова было пять человекъ, именно:

Акимъ и Прасковья Богатенковы; Василій и Анна Киселевы; Давидъ Киселевъ.

Перехожу къ подробностямъ о нихъ.

Акимъ Богатенковъ былъ кожевенный заводчикъ, человекъ съ большимъ состояніемъ. Къ первокласснымъ богачамъ Дубовки онъ не принадлежалъ. Но все таки, его состояніе было такое, что его знала вся Дубовка.

Состояніе свое приобрѣлъ онъ самъ. Онъ былъ изъ семейства простолюдиновъ, жившаго, для простолюдиновъ, безбѣдно, какъ жило тогда и послѣ — вѣроятно, живеть и теперь — большинство простолюдиновъ, даже и простыхъ „рабочихъ на берегу“ (чернорабочихъ на пристани) въ Дубовкѣ, но не имѣвшего денежныхъ записовъ. Женился на дѣвушкѣ изъ такого же семейства. И началъ въ молодости свой кожевенный промыселъ съ очень маленькаго размѣра. Но былъ человекъ способный, дѣятельный, заслужилъ своею честностью общее довѣріе всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, быстро сталъ становиться зажиточнѣе и зажиточнѣе, и скоро достигъ возможности жить, не разстраивая своего состоянія, на широкую ногу.

Ему самому жизнь на широкую ногу не была бы нужна. Онъ былъ тихаго темперамента, и „разговоръ у него“, по выраженію моихъ друзей, „былъ тихій“. До вина, въ которомъ состояла для мужчинъ въ Дубовкѣ главная пріятность многочисленныхъ собраний, онъ былъ не охотникъ, такой не охотникъ, что почти вовсе не пилъ ни простаго вина, ни винограднаго.

Но онъ очень любилъ жену. А она была живаго характера, охотница наряжаться, принимать гостей, ѣздить по гостямъ, охотница до всякаго честнаго веселья. — „Онъ и угождалъ ей во всемъ“, по выраженію моихъ друзей: — „И у себя давалъ частыя угощенія въ угожденіе ей, и на угощеніяхъ у другихъ безпрестанно бывалъ съ нею въ угожденіе ей. Все это было отъ нея, отъ Прасковьи Григорьевны, вся ихъ широкая жизнь“.

Впрочемъ, хоть и „богатая“, по выраженію моихъ друзей, были у нихъ угощенія, хоть часто пировали у нихъ многочисленныя собранія гостей, это обходилось имъ не-Богъ-знаетъ-въ-какія большія деньги: это была дешевая жизнь на широкую ногу, чисто мужицкая. Только немногіе первоклассные богачи въ Дубовкѣ жили тогда „по господскому“ въ домахъ съ „клѣтчатými“ полами (паркетными) и тому подобными обыкновенными принадлежностями жизни не бѣдныхъ людей цивилизованныхъ классовъ. У этихъ первоклассныхъ богачей и обѣды или ужины были „съ поварскими кушаньями“. Но первоклассные богачи держались своимъ особымъ, довольно замкнутымъ кругомъ. Богатенковы къ этому кругу не принадлежали. Ихъ многочисленный кругъ пріятельства имѣлъ обычай зажиточныхъ мужиковъ. И изобиліе ихъ пирушекъ было мужицкое: ѣшь и пей въ волю, но кушанья простой стряпни, вино главнымъ образомъ, просто на просто водка въ не-

большомъ количествѣ, какія нибудь дешевыя виноградныя вина и тоже, какъ водки, сколько хочешь рома, самаго дешеваго при итьѣ чая.

Мужицкая эта была жизнь на широкую ногу. Но, по мужицкому это была жизнь на широку ногу, изобильная шумомъ и весельями.

Иной жизни, кромѣ мужицкой, никто въ Дубовкѣ, кромѣ тѣхъ немногихъ первоклассныхъ богачей, да двухъ-трехъ дворянскихъ семействъ, державшихся особо отъ остальнаго зажиточнаго или богатаго общества, и не знавалъ близко, и не желалъ. Дубовка въ тѣ времена еще оставалась тѣмъ же самымъ, чѣмъ была, — какъ зналъ я по слухамъ, когда жилъ въ Саратовѣ, — въ годы моей молодости оставалась, какъ прежде была, огромною деревнею, съ чисто мужицкими обычаями и понятіями. По всѣмъ улицамъ были хороводы, круглый годъ, были кулачные бои, не зимою только, какъ въ подгородныхъ слободахъ городовъ, но и лѣтомъ, и на бояхъ этихъ шли „стѣна на стѣну“ не какіе нибудь люди презиаемые массою населенія, какъ въ подгородныхъ слободахъ, нѣтъ, почтенные, солидные люди добропорядочной жизни, именитые купцы съ сѣдыми бородами, въ компаніи своихъ сыновей. А полиція? — Полиція въ Дубовкѣ была тоже патриархальная. Какъ бывало въ годы моего дѣтства въ отдаленныхъ концахъ Саратова, такъ оставалось въ Дубовкѣ двадцатью, тридцатью годами позже того: полицейскіе были по своимъ обычаямъ и понятіямъ тѣ же самые деревенскіе люди, съ восторгомъ любовавшіеся на кулачный бой, а кому изъ нихъ Богъ далъ силу и ловкость, становившіеся въ „стѣну“ калашниковъ противъ „стѣны“ тулупниковъ, или семинаристовъ противъ мясниковъ. Это было въ дальнихъ улицахъ слободы „на горахъ“ въ Саратовѣ, лѣтъ сорокъ и тридцать пять тому назадъ. Я самъ видѣлъ это, ходивши раза два-три посмотрѣть, какъ дерутся на кулачныхъ бояхъ мои товарищи семинаристы. А въ Дубовкѣ, полиція была очень малочисленна. И тамъ пятнадцать, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ вся жизнь шла все еще чисто по деревенскому.

Тѣмъ, что обычаи въ Дубовкѣ были мужицкіе, объясняется и возможность людямъ съ какими нибудь тридцатью, много пятидесятью тысячами оборотнаго капитала, какъ Богатенковъ, давать частыя „богатыя“ угощенія многочисленнымъ гостямъ, не разстраивая своего состоянія. Нѣсколько пудовъ мяса, нѣсколько ведеръ водки, полъ-дюжины бутылокъ дешеваго рома — вотъ и всѣ расходы на „богатый пиръ“.

Понятно, что за всѣми расходами на пирушки, на „щегольскіе наряды“ Богатенковой — три, четыре шелковыя платья въ годъ, рублей по тридцати платью, вѣроятно, вотъ было и все ея „щегольство“, — за всѣми расходами на „роскошную“ жизнь у Богатенковыхъ оставалось много свободныхъ денегъ изъ годичнаго дохода. Они употребляли эти деньги хорошо.

Они были очень добрые люди. Не скучали по-долгу говорить съ приходившими къ нимъ бѣдными, утѣшая ихъ, поддерживая ихъ благоразумными совѣтами, и щедро помогали имъ деньгами.

Такъ прожили они много лѣтъ. Люди ихъ состоянія всѣ были въ хорошемъ пріятельствѣ съ ними. Бѣдные любили ихъ. Вся Дубовка уважала Акима Романовича и Прасковью Григорьевну, умныхъ, честныхъ, добрыхъ людей.

Думается: такъ бы и жить имъ. Такъ бы и жили они, пока длилась бы ихъ жизнь, если бъ не были они, при искреннемъ и сильномъ религіозномъ чувствѣ, людьми невѣжественными.

Онъ умѣлъ читать, да и то, лишь съ большими запинками, умѣлъ писать, насколько это необходимо по торговымъ счетамъ богатаго промышленника. Тѣмъ и ограничивались его ученые знанія. Читать онъ, сколько мнѣ видно по фактамъ въ разсказахъ моихъ друзей, не читалъ ничего, кромѣ своихъ торговыхъ счетовъ. Достоверно видно мнѣ, что онъ человѣкъ очень религіозный, не имѣлъ даже и самой маленькой начитанности по религіозной части. А жена его вовсе не умѣла ни писать, ни читать.

Оба они родились и выросли какъ большинство жителей Дубовки, въ старообрядчествѣ:—собственно такъ называемомъ старообрядчествѣ, по точному употребленію этого слова у ученыхъ писателей Православной церкви; въ томъ старообрядчествѣ, которое на простомъ языкѣ у Православныхъ называется „поповской сектою“ или „поповщиною“.

Иргизскіе монастыри, бывшіе прежде главными источниками религіозныхъ свѣдѣній для старообрядцевъ того края, ужъ не существовали, когда Богатенковъ и его жена становились людьми на первой молодости. „Бѣглецы попы“, бывшіе священниками у старообрядцевъ, исчезли. И когда у Богатенковыхъ, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ веселостяхъ, стало развиваться влеченіе къ думамъ о религіозныхъ вопросахъ, ужъ довольно давно не было въ Дубовкѣ людей, у которыхъ могли бы хоть немножко научиться религіозному знанію Дубовскіе старообрядцы, въ массѣ своей люди почти или вовсе безграмотные. И не съ кѣмъ было посоветоваться о своихъ религіозныхъ думяхъ Богатенковымъ, когда они, доживши до немолодыхъ лѣтъ, стали задумываться въ религіозномъ направленіи.

Какъ въ прежнемъ ихъ хлѣбосольствѣ и веселомъ образѣ жизни, такъ и въ поворотѣ ихъ мыслей къ религіознымъ думамъ, инициатива принадлежала женѣ.

Когда была подростающею дѣвушкою, Прасковья, ставшая послѣ, по замужеству, Богатенковою, воображала, какъ это бываетъ со многими подроставшими, но еще не сформировавшимися дѣвушками, что никогда не будетъ у нея желанія слушать и говорить о любви, считала себя предназначенной отъ Бога къ дѣвственной жизни; мечтала, что ей хочется идти въ монахини, и готовилась въ своихъ мысляхъ къ тому. (Въ тѣ годы, еще существовалъ на Иргизѣ старообрядческій женскій монастырь).

Подроставшая дѣвушка сформировалась, полюбила хороводы, и позабыла о своемъ душевнспасительномъ планѣ. Веселилась; вышла замужъ, и продолжала веселиться, все лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ увеличивались у мужа средства доставлять удовольствіе страстно любимой женѣ.

Лѣтъ въ сорокъ, даже лѣтъ въ тридцать, женщины изъ простопародья начинаютъ считать себя уже старухами. Когда Богатенкова дожила до этихъ лѣтъ, въ ней стали воскресать давно забытыя мысли о суетности земной жизни и она стала постепенно охладѣвать къ веселостямъ, погружаясь въ думы о душевномъ спасеніи.

Развитію этой перемѣны въ ней нѣсколько содѣйствовало случайное обстоятельство.

Однажды она со старшею дочерью (Авдотьею), побывавши въ гостяхъ (вѣроятно, ѣздивши съ визитами), вздумала, прежде чѣмъ вернется домой, прокатиться. Она была одѣта очень нарядно. Она увидѣла, что на встрѣчу ей идетъ, очевидно направляясь къ ея экипажу, какой-то незнакомый старичекъ, одѣтый

бѣдно. Всѣ знали ее, какъ женщину очень сострадательную и щедрую къ бѣднымъ, и часто случалось, что бѣдные, увидѣвъ ее, проѣзжающую, подходили попросить денегъ. Она подумала, что этотъ бѣдно одѣтый старичекъ хочетъ попросить у нея пособія, и велѣла кучеру остановить лошадей. Старичекъ подошелъ, но вмѣсто того, чтобы попросить, какъ она ожидала, пособія у нея, сказалъ: „Будеть, Прасковья Григорьевна, довольно, оставь“, — то есть: будетъ тебѣ вести такую жизнь, какую ведешь ты; довольно; оставь наряды, роскошь и веселье; — сказалъ это и пошелъ прочь.

Съ-начала, назиданіе старичка не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія на Богатенкову. Она была даже настолько разсудительна, что не нашла надобнымъ признать незнакомаго старичка боговдохновеннымъ тайновѣдцемъ изъ-за того, что онъ, незнакомый ей, умѣлъ правильно назвать ее по имени и отчеству, и оказался знающимъ ея любовь къ нарядамъ, роскоши, веселью, и ко всякой такой грѣховной суетѣ, которая подразумѣвалась въ его увѣщаніи: „будеть; довольно; оставь“. Она понимала: старичку не мудрено было знать все это и безъ откровенія отъ Бога; всѣ въ Дубовкѣ знаютъ ея мужа и ее, и ея склонности, образъ жизни ея мужа и ея; да и встрѣтилъ-то ее старичекъ нарядную, катающуюся, въ хорошемъ экипажѣ, запряженномъ хорошими лошадьми. Не удивилась она и тому, что она не знала этого старичка: ея мужа и ее знаютъ всѣ въ Дубовкѣ; но ея мужу и ей возможно ли знать всѣхъ бѣдно одѣтыхъ старичковъ въ Дубовкѣ? Дубовка велика; и бѣдно одѣтымъ старичкамъ, бродящимъ по Дубовкѣ, счету нѣтъ.

Такъ разсудила было на первый разъ она, умная и честная женщина, не дѣлавшая въ своей жизни ничего дурнаго; разсудила было, какъ слѣдовало разсудить умной женщиной, которой не въ чемъ упрекать себя. И не приняла было къ сердцу наглаго назиданія стараго идіота или тартюфа. Не поинтересовалась даже узнать, кто онъ. Въ первые дни, ей легко было бы отыскать его, еслибъ захотѣла. Но она не захотѣла. И осталось неизвѣстно ей, кто былъ онъ.

Умно было разсудила она. Но жалкіе темные люди, такіе невѣжды, какъ она и ея мужъ, хоть и умѣвшій, чего не умѣла она, кое какъ писать и съ запинками прочитывать свои счета, сколько куплено невыдѣланныхъ кожъ, сколько продано выдѣланныхъ. Несчастная темная женщина, невѣжество пересилило таки ея природный умъ; и черезъ нѣсколько времени стали ея мысли поддаваться душеспасительному наставленію боговдохновеннаго — возможно ли сомнѣваться? Конечно, боговдохновеннаго — старца.

Много помогла этому дочь. Дочери могло быть, во время встрѣчи со старичкомъ, лѣтъ двѣнадцать, или и четырнадцать. Случай, противъ котораго хорошо было устоять съ-начала умъ матери, поразилъ мысли дѣвочки. Ребенокъ приставалъ къ матери съ вопросомъ: „Маменька, о чемъ это говорилъ тебѣ старичекъ, чтобы ты бросила это?“ — Когда мать объяснила, дѣвочка постигла премудрую справедливость душеспасительнаго назиданія, и при случаяхъ, частенько таки принимала на себя заботу о душевномъ спасеніи матери: — „Маменька, помнишь, что говорилъ тебѣ старичекъ?“.

Роскошь и веселье — суета и грѣхъ. Всѣ русскіе простолюдины воспитаны въ этомъ вѣроученіи, всѣ; старообрядцы или православные, не далаютъ разницы въ томъ: одинаково воспитаны въ этомъ вѣроученіи всѣ русскіе простолюдины, отъ мужиковъ до купцовъ. Что могла возразить дочери безграмотная мать? Что могъ

возразить отецъ? Что могли отвѣчать отцу и матери благочестивой дѣвочки ихъ знакомые, слышавшіе отъ нихъ, что говоритъ дѣвочка?—И старообрядцы, и православные, всѣ ихъ знакомые были такіе же темные люди, какъ они: одинаково съ ними считали эту премудрость о суетности и грѣховности роскоши и веселья безспорною, божественною истиною; и могли только подтверждать въ одинъ голосъ: „да, это такъ“: хотѣли ль, или не хотѣли, но должны были подтверждать: „да, это такъ“.

Въ чемъ была разница между ними, Православными ль, или старообрядцами, все равно, и Богатенковыми? Въ словахъ не могло быть никакой разницы, одно и то же, совершенно одно и то же, по необходимости было на устахъ и у нихъ у всѣхъ, какъ у Богатенковыхъ. Разница была только та, что къ толпѣ примѣняются слова Іеговы у пророка: — „Люди эти устами своими чтутъ меня, и устами своими приближаются ко мнѣ, сердце же ихъ далеко отъ меня“: — а Богатенковы не хотѣли заслуживать этого укора отъ Бога.

И начала развиваться перемѣна въ образѣ жизни Богатенковыхъ.— „Не то чтобъ это произошло отъ словъ того старичка“,—говорятъ мои друзья:— „Но нельзя сказать, чтобъ не было тутъ участія словъ старичка“.

Они люди умные, и понимаютъ, что самъ по себѣ, тотъ случай не достаточенъ для объясненія перемѣны въ мысляхъ и образѣ жизни Богатенковыхъ. Но они вовсе не такіе люди, чтобъ умѣть анализировать факты психической жизни. Имъ не приходило въ голову даже и то, что коренная причина всему—сильное религиозное чувство, лежавшее въ самомъ характерѣ Богатенковой. Они не догадывались припомнить для объясненія дѣла тотъ фактъ, что Богатенкова, когда была дѣвушкою, готовилась идти въ монахини. Это фактъ рассказываютъ они по совершенно иному поводу, для характеристики дружескихъ отношеній Богатенковой съ женщиною, о которой мнѣ придется говорить послѣ. Монашество имѣетъ въ глазахъ простолюдиновъ главнымъ своимъ качествомъ тотъ признакъ, что монашествующее лицо отрекается отъ семейныхъ узъ. А Богатенкова, любящая жена и мать, не имѣла ни малѣйшей охоты забывать свои семейныя обязанности, душевспасительная жизнь, въ которую завлеклась она и завлекла своего мужа, ни мало не нарушала, нисколько не видоизмѣняла ихъ семейныхъ отношеній: она и ея мужъ продолжали жить другъ съ другомъ, какъ жили прежде, какъ живутъ всѣ обыкновенныя, любяшія, супружескія четы; продолжали заботиться о прокормленіи, здоровьѣ, воспитаніи своихъ дѣтей, о хорошемъ устройствѣ ихъ житейской доли, какъ заботились прежде, какъ заботятся всѣ обыкновенные хорошіе отцы и матери. Потому мои друзья не видятъ, что душевспасительная жизнь, которую избрѣли себѣ Прасковья Богатенкова и ея мужъ—ни больше, ни меньше, какъ осуществленіе прежнихъ дѣвическихъ мыслей Прасковьи Богатенковой, лишь смягченныхъ ея чувствами хорошей жены и матери, и видоизмѣненныхъ лишь на столько, чтобъ онѣ не мѣшали ей оставаться обыкновенною женою и матерью, какія бываютъ обыкновенныя жены и матери въ хорошихъ любящихъ семьяхъ.

Не будучи, по своей умственной неразвитости, въ состояніи видѣть, что душевспасительныя мысли, начавшія овладѣвать Богатенковою послѣ той встрѣчи со старичкомъ, только возродившіяся прежнія, дѣвическія мысли ея, мои друзья не имѣютъ никакого объясненія существенному мотиву возникновеніи перемѣны въ образѣ жизни ея и мужа. И по своей неразвитости, не чувствуетъ никакой надоб-

ности объяснить себѣ это дѣло. — „Вышло такъ; стало быть, была воля Божія на то, чтобы вышло такъ“, — это готовое у всѣхъ простолюдиновъ Русской національности мотивированіе всего, что когда бы то ни было происходило съ кѣмъ бы то ни было изъ благочестивыхъ людей, совершенно удовлетворяетъ моихъ друзей по дѣлу о перемѣнѣ образа жизни Богатенковыхъ. „Такъ Богу было угодно“, — этимъ все сказано, все разъяснено вполне удовлетворительно для моихъ друзей. И думать тутъ, съ ихъ точки зрѣнія больше нечего, не о чемъ.

Имъ не любопытно размыслить даже и о томъ, въ какомъ же именно отношеніи къ волѣ Божіей о спасеніи души Богатенковыхъ находилась мысль того старичка сказать Богатенковой назиданіе: „Будетъ, довольно, оставь“. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ надобно полагать, что этотъ старичекъ былъ святой, пошедшій, по непосредственному повелѣнію къ нему отъ Бога, встрѣтить и изобличить нарядную, катающуюся въ щегольскомъ экипажѣ, Богатенкову? Или онъ былъ ханжа, тщеславящійся изобличеніемъ мірскихъ людей, не преклоняющихся передъ его святошескими шарлатанствами? Или онъ просто на просто старый дуракъ, наладившій твердить, ктати и некстати, всякому встрѣчному и поперечному одно и то же, по русской поговоркѣ о такихъ дуракахъ: наладила сорока Якова одно про всякаго, не такъ ли? — Мои друзья отвѣчали на эти мои вопросы, что не умѣютъ они рѣшить, какъ тутъ слѣдуетъ полагать; они объ этомъ не думали; да и нѣтъ надобности думать объ этомъ. Кто былъ старичекъ? — святой ли, или лицемеръ, или дуракъ; и почему онъ сказалъ свое назиданіе, по святости ли своей, по тщеславію ли, по глупости ли, все равно: воля Божія была на то, чтобы Богатенкова услышала это наставленіе, и чтобы находилась тутъ при ней дочка, которая бы послѣ напоминала ей объ услышанной спасительной истинѣ; воля Божія и исполнилась. Довольно знать это. — Отвѣтъ совершенно удовлетворительный для всякаго обыкновеннаго русскаго простолюдина. Мои друзья и довольствуются имъ.

Я попробовалъ ругать старичка, какъ вреднаго, гадкаго ханжу. Мои друзья соглашались, что такихъ святошъ много, и что эти святоши гадкіе люди; и не имѣли ничего противъ признанія старичка однимъ изъ этихъ гадкихъ людей, гадкихъ и по ихъ мнѣнію, какъ по-моему. Я пробовалъ, при другомъ разговорѣ, осмѣивать старичка, какъ бессмысленнаго дурака; мои друзья отъ души смѣялись моимъ варіаціямъ на тему поговорки о сорокѣ, наладившей Якова, одно про всякаго, и соглашались, что старичекъ могъ быть просто на просто бессмысленный старый дуракъ.

И правда: чему мѣшаетъ, съ ихъ точки зрѣнія, руганье этого старичка, какъ гадкаго ханжи, или смѣхъ надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ? — Всякій обыкновенный русскій простолюдинъ скажетъ: это все равно, кто былъ старичекъ и что думать о немъ. Воля Божія была, чтобы онъ сказалъ Богатенковой то, что онъ сказалъ ей, и чтобы его слова подѣйствовали на Богатенкову при помощи ея дочери такъ, какъ подѣйствовали. Только то и важно. А зналъ ли старичекъ, что онъ тутъ орудіе воли Божіей, и святое ли, или гадкое чувство было у него на душѣ, когда онъ говорилъ, или говорилъ онъ, какъ стрекочетъ сорока, — для сущности дѣла все равно. Сущность дѣла только въ томъ, что Богу было угодно такъ.

Мои друзья не только сами не имѣютъ никакого опредѣленнаго мнѣнія о томъ неизвѣстномъ старичкѣ, но и не знаютъ, какъ думали о немъ Богатенковы. Мое мнѣніе, что Богатенкова, поразмысливши, подъ вліяніемъ напоминанія отъ дочери,

о душеспасительныхъ словахъ старичка, пришла наконецъ къ мысли, что онъ былъ боговдохновенный тайновѣдецъ, — лишь мой собственный выводъ изъ фактовъ. И мое мнѣніе, что ея мужъ согласился съ нею въ этомъ ея убѣжденіи, тоже лишь мой собственный выводъ изъ фактовъ. — Мои друзья въ такіе анализы не вдаются. Они люди умные отъ природы и о знакомыхъ имъ хозяйственныхъ дѣлахъ любятъ размышлять, умѣютъ размышлять вообще правильно, часто и очень умно. Но, при ихъ темномъ невѣжествѣ, ихъ умъ изнемогаетъ передъ постановкою вопросовъ изъ сферъ мысли, чуждыхъ обыкновенному кругу знаній простолюдиновъ; имъ утомительно размышлять о такихъ вопросахъ и они не думаютъ разъяснять себѣ ихъ.

Такимъ образомъ они, по своей житейской опытности, понимаютъ, что одно маленькое приключеніе не можетъ перевернуть мысли и образа жизни человѣка, можетъ лишь послужить поводомъ къ проявленію перемѣны, независимо отъ этого повода производимой въ человѣкѣ дѣйствіемъ какой нибудь другой, болѣе сильной причины. Потому, очень справедливо полагаютъ, что перемѣна въ мысляхъ и жизни Богатенковыхъ не была произведена встрѣчею Богатенковой со старичкомъ, что этотъ случай лишь „былъ не безъ вліянія“ на ходъ перемѣны, а существенная причина перемѣны должна быть иная. Но въ чемъ же именно состояла эта существенная причина, мои друзья не думали никогда доискиваться сколько нибудь опредѣлительно и подробно, вполне довольствуясь общимъ готовымъ у всѣхъ простолюдиновъ рѣшеніемъ всякихъ вопросовъ обо всемъ въ жизни всякихъ людей: „Такъ было угодно Богу“.

Инициатива въ перемѣнѣ мысли и образа жизни Богатенковыхъ принадлежала женѣ. Мужъ только слѣдовалъ за женою по пути душевнаго спасенія, какъ прежде, подчиняясь ея вліянію, давалъ пиры и ѣздилъ по пирамъ. Была, впрочемъ, я полагаю, значительная разница въ характерѣ его подчиненія женѣ тогда и теперь. Разница состояла, я полагаю, въ томъ, что прежде, когда онъ пировалъ и веселился, онъ подчинялся женѣ наперекоръ влеченію его собственнаго темперамента къ „тихому образу жизни“; а новое настроеніе мысли жены совпадало съ его природною склонностью жить безъ роскоши и шума. Но это, опять, лишь мое предположеніе. Мои друзья ничего объ этомъ не знали отъ другихъ, а сами они не вдаются въ психологическія соображенія.

Я объясняю себѣ перемѣну въ мысляхъ Богатенковой такъ:

Дѣвушка живаго, бойкаго темперамента, имѣвшая сильное религіозное чувство, забыла думать о душевномъ спасеніи, увлекшись хороводами, весельями юности; дѣвушка изъ очень небогатаго семейства, она увлеклась новыми для нея удовольствіями щегольскихъ и дорогихъ нарядовъ, хорошихъ экипажей, блеска на пирахъ, когда, вышедши за-мужъ, болучала все больше и больше средствъ наслаждаться дорогими удовольствіями. Но долго наслаждавшись ими, насытилась ими и пресытилась. И когда они порядочно и препорядочно надѣли ей, стала овладѣвать ею ея природная склонность къ серьезнымъ раздумьямъ о жизни; а эти раздумья у нея, какъ и всѣхъ русскихъ простолюдиновъ и простолюдиновъ, имѣли религіозный колоритъ, потому что единственное воспитаніе русскихъ безграмотныхъ людей — вѣроученіе. А религіозное чувство у этой сильной и честной натуры было дѣйствительно живое, искреннее и пылкое. Она и не могла остаться „чуждою Бога“ лишь „устаами своими“ и лишь „устаами своими приближающею къ нему“,

какъ остается толпа людей, называющихъ себя набожными; не могла, какъ они, „остаться далека отъ Бога сердцемъ своимъ“.

„Блаженни непорочни въ путь ходящій въ законъ Господни; блаженни испытующи свидѣнія Его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ Его“.

И она взыскала Господа всѣмъ сердцемъ своимъ.

И погубила себя?—Да. И себя, и мужа, вѣрнаго спутника ея въ „хожденіи путемъ закона Господня“. Невѣжды были они; старообрядцы, не имѣли они никого, сколько нибудь образованнаго человѣка, съ кѣмъ бы посовѣтоваться; не то, что священника съ основательнымъ богословскимъ образованіемъ, ни даже какого нибудь „бѣлаго попа“, какіе прежде бывали у старообрядцевъ, не было тогда у людей старой вѣры въ Дубовкѣ; не было, вѣроятно, и нигдѣ подлѣ Дубовки.

Черезъ нѣсколько времени послѣ встрѣчи съ неизвѣстнымъ старичкомъ, — о которой, конечно, рассказывала Богатенкова всѣмъ своимъ знакомымъ, — она, при частыхъ напоминаніяхъ дочери о назидательномъ изреченіи старичка, стала по временамъ задумываться о своемъ душевномъ спасеніи. Эти раздумья конечно также были предметомъ ея разговоровъ съ набожными женщинами ея круга. Такихъ женщинъ было, по всей вѣроятности, много въ кругу ея знакомыхъ. Потому что она была теперь ужъ въ солидныхъ, — по простонародному, даже пожилыхъ лѣтахъ: ей было, по моему приблизительному разсчету, лѣтъ около тридцати пяти, когда она услышала отъ старичка мудрое назиданіе. А подобныя ей, вышедшія изъ бѣднаго сословія и безграмотныя купчихи ея лѣтъ, — конечно наиболѣе частыя ея собесѣдницы. — почти всѣ причисляютъ себя къ людямъ набожнымъ. И кто изъ этихъ набожныхъ женщинъ могли не поддакивать ея благочестивымъ разговорамъ о тлѣнности суеты мірской; о грѣховности веселыхъ, шумныхъ развлеченій?

На словахъ, вся толпа людей того класса, лѣтъ двадцать, пятнадцать тому назадъ, была очень благочестива: почти всѣ сплошь купцы и купчихи солидныхъ лѣтъ въ провинціяхъ были таковы.

На дѣлѣ, иное. И когда оказалось, что Богатенкова съ мужемъ не болтаютъ только для пустословнаго хвастовства своимъ благочестіемъ о своихъ набожныхъ влеченіяхъ, а въ самомъ дѣлѣ заботятся вести душеспасительную жизнь, тонъ хора Дубовскихъ благочестивыхъ людей быстро перемѣнился: хоръ одобреній благочестивымъ словамъ Богатенковыхъ сталъ хоромъ порицанія образу ихъ жизни, сообразному съ ихъ словами.

Въ Дубовкѣ начали замѣчать, что Богатенковы рѣже прежняго даютъ пиры, рѣже прежняго бываютъ сами на пирахъ у другихъ. Дубовка стала говорить, что это не хорошо.

Шло время и перемѣна въ ихъ образѣ жизни становилась все сильнѣе и сильнѣе. Все рѣже и рѣже давали они пиры, рѣже и рѣже посѣщали пиры другихъ. Вовсе перестали давать пиры. Сами стали бывать у другихъ лишь на такихъ пирахъ, отъ приглашеній на которые нельзя было отказаться, не нанося тяжкаго оскорбленія чести приглашающаго на свой пиръ семейства; по Дубовскимъ понятіямъ, такое качество имѣли въ особенности приглашенія на свадебные пиры: не пріѣхать по приглашенію на свадьбу, значило бросить тѣнь на честь приглашающаго семейства. Перемѣна все усиливалась. Наконецъ Богатенковы совершенно отстранились отъ всего круга своихъ прежнихъ знакомствъ. Сами не

ѣздили ни на чьи угощенія, и къ себѣ перестали принимать гостей. Они принимали теперь къ себѣ только бѣдныхъ, приходившихъ просить у нихъ денежной помощи, искать ласки и утѣшенія себѣ отъ нихъ. Много помогали они бѣднымъ и прежде. Теперь, помогали еще больше прежняго.

И вся Дубовка осуждала ихъ.

Вся Дубовка, говорили мои друзья. Я хотѣлъ съ точностью опредѣлить для моего пониманія смыслъ ихъ выраженія: „осуждала вся Дубовка“. Переписываю изъ моихъ замѣтокъ относящійся къ этому выраженію отрывокъ разговора. — Мой вопросъ: — „Вы говорите, ихъ осуждала вся Дубовка. Это, можетъ быть, значитъ: всѣ Греко-Россійскіе (Православные) осуждали ихъ?“ — Отвѣтъ: — „Нѣтъ, не то что всѣ Греко-Россійскіе; они тоже, всѣ, но ихъ въ Дубовкѣ было меньше; всего больше тамъ старовѣровъ“. — Мой вопросъ: — „Неужели жъ и всѣ старовѣры тоже осуждали, какъ Греко-Россійскіе?“ — Отвѣтъ: — „И старовѣры, и Греко-Россійскіе, и воскресенники (молокане), — всѣ, какъ есть всѣ“. — Мой вопросъ: „Позвольте, однако: вы были тогда старовѣры“. — Отвѣтъ: — „Ну, да: такъ что жъ? Мы, значитъ, не осуждали ихъ, ты думаешь?“ — Мой вопросъ: — „Да, вотъ вы, я думаю, не осуждали: то выходитъ: не всѣ же старовѣры осуждали. Развѣ не правда моя: стало быть, не всѣ“. — Отвѣтъ: — „Да нѣтъ же, всѣ“. — Мой вопросъ: — „Да какъ же? А вы то?“ — Отвѣтъ: — „Эхъ ты, какой, не понимаешь: да развѣ мы то не осуждали ихъ?“ — Мой вопросъ: — „Неужели жъ?“ — Отвѣтъ: — „А то какъ же?“ — Мой вопросъ: — „Осуждали и вы; теперь выходитъ такъ, всѣ. Только: за что жъ это всѣ ихъ осуждали?“ — Отвѣтъ: — „За то, что они живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ людямъ съ ихъ средствами; не даютъ угощеній, не бывають на угощеніяхъ, какъ всѣ богатые люди“. — Мой вопросъ: — „Позвольте, однако, бывають богатые и скупые. Эти не угощаютъ; а иные изъ нихъ и на чужія угощенія не ѣздятъ, потому что и это расходъ, хорошая одѣжа. То скупыхъ не всѣ же осуждаютъ. Иной осуждаетъ, а иной говоритъ: скупость не глупость“. — Отвѣтъ: — „То совѣмъ другое дѣло, когда богатые живутъ безъ роскоши по скупости. Такихъ многіе хвалятъ за умъ. А тутъ была не скупость причина, это было видно; помогать бѣднымъ не скупились же они“. — Мой вопросъ: — „Ну, такъ всѣ осуждали ихъ за то, что они сторонятся отъ веселостей; а вы за что осуждали ихъ?“ — Отвѣтъ: „За то же самое“.

Богатенковы не дѣлали угощеній, сами не бывали на угощеніяхъ у другихъ. Но все еще продолжали жить, какъ люди съ большимъ состояніемъ: оставались жить по прежнему, въ своемъ просторномъ, хорошемъ домѣ; имѣли прислугу. держали лошадей. Черезъ нѣсколько времени все это показалось имъ лишнею роскошью, они продали лошадей, отпустили прислугу, перешли жить въ кухню своего дома, а домъ заперли. Стали устраивать на дворѣ у себя землянку. Богатенковъ продалъ свое кожевенное заведеніе. Землянка была готова. Богатенковы перешли жить въ нее. Домъ сломали.

Богатенкова перестала носить щегольскіе наряды, стала одѣваться, какъ одѣвались тогда въ Дубовкѣ пожилыя женщины, не слѣдяція за модами. Она и ея мужъ, когда встрѣчались на улицахъ съ прежними своими знакомыми, протягивавшими имъ руку, не подавали свою руку для пожатія, даже не кланялись въ отвѣтъ на поклонъ. Люди, вступавшіе въ разговоръ съ Богатенковымъ при встрѣчахъ, замѣчали иногда, что онъ будто бы не слышитъ, когда они называ-

ють его по имени и отчеству. Онъ пересталъ стричь волоса; они у него отросли до плечъ. Здоровье его было отъ природы не очень крѣпкое; теперь онъ сталъ очень худощавъ, и судя по виду, былъ въ изнуреніи; поэтому надобно было полагать, что онъ много постится. Богатенкова имѣла отъ природы хорошае здоровье, и въ ея лицѣ не было замѣтно никакой перемѣны; она или не постилась, или постилась меньше, чѣмъ ея мужъ.

Люди съ хорошимъ состояніемъ живутъ въ землянкѣ; у нихъ явились необычные ни у кого въ Дубовкѣ обычаи: они не подаютъ руку для пожатія, они не отвѣчаютъ поклонами на поклоны знакомыхъ. Она, любительница щегольскихъ нарядовъ, перестала щеголять. Онъ не хочетъ слышать, когда его называютъ по имени и отчеству.

Вся Дубовка изумлялась. Ужъ и прежде она порицала Богатенковыхъ за ихъ отчужденіе отъ круга людей ихъ состоянія. Теперь вся она стала называть ихъ „сумасбродами“, „сумасшедшими“; хохотала надъ ними и полагала, что ихъ сумасбродство—сумасбродство, въ которомъ должно быть много дурного. Въ чемъ именно можетъ состоять это дурное ихъ сумасбродство, Дубовка не могла разобрать. Несомнѣнно было для Дубовки только то, что дурное сумасбродство Богатенковыхъ—какая-то дурная вѣра. Какая эта вѣра, никто не зналъ. Нѣкоторые, слышавшіе, что есть на свѣтѣ вѣра, называемая „хлыстовщиною“, и что эта хлыстовщина—вѣра очень дурная, говорили, что Богатенковы стали, можетъ быть, послѣдователями этой вѣры, „хлыстами“, какъ называются такіе люди по простонародному. Но и этимъ предположеніемъ вопросъ о вѣрѣ Богатенковыхъ мало разъяснялся для Дубовки: никто въ Дубовкѣ не умѣлъ порядочно сказать, что жъ за люди „хлысты“, и въ чемъ состоитъ ихъ вѣра. Потому и догадка нѣкоторыхъ, что Богатенковы стали хлыстами, не представляя ничего понятнаго для Дубовки, не приобрѣла особенной популярности. Всѣ держались только того мнѣнія, что въ чемъ бы ни состояла вѣра Богатенковыхъ, эта вѣра дурная, и потому Богатенковы стали дурными людьми.

Вся Дубовка бранила ихъ и смѣялась надъ ними. И у Богатенкова, и у его жены были родные братья или родныя сестры. Всѣ эти родные братья или сестры ихъ раздѣляли всеобщее негодованіе противъ нихъ.

Но не дѣйствовали на нихъ ни порицанія и насмѣшки всей Дубовки, ни укоризны ближайшихъ родныхъ. Они продолжали жить въ землянкѣ, совершенно чуждаясь общества; не подавали руку для пожатія при встрѣчахъ, не отвѣчали поклономъ на поклонъ.

Это длилось много времени. Сколько именно, не знаютъ мои друзья съ точностью; но полагаютъ: больше двухъ лѣтъ. Если принимать это приблизительное воспоминаніе ихъ за достаточно правильное, то получается такой расчетъ: кончилось житье Богатенковыхъ въ землянкѣ на масляницѣ 1866 года; слѣдовательно, переселились они въ землянку въ началѣ 1864 года, или въ 1863 году; но рыть землянку, когда земля мерзлая, вещь слишкомъ трудная, а въ Дубовкѣ, хоть и очень теплый, по русскому, климатъ, земля бываетъ мерзлою все таки мѣсяца три съ половиною, мѣсяца четыре,—отъ декабря до половины марта, или и дольше; потому, едва ли слѣдуетъ допускать возможность, что Богатенковы устроили себѣ землянку въ началѣ 1864 года; вѣроятнѣе, что они приготовили ее себѣ и перешли жить въ нее лѣтомъ или осенью 1863 года.

Въ 1863 году Богатенковой было лѣтъ сорокъ; едва ли меньше тридцати

восьми; вѣроятно же, что сорокъ лѣтъ. Это опредѣляю я, по приблизительному расчету лѣтъ ея сверсницы, подруги ея дѣтства, о которой буду говорить послѣ. Былъ ли мужъ Богатенковой однихъ лѣтъ съ женою, или старше ея, мои друзья не знаютъ. Но человѣкъ менѣе хорошаго здоровья чѣмъ жена, онъ казался на лицо старше ея. Да вѣроятно, и дѣйствительно былъ старше, судя по тому, что обыкновеннѣйшій случай таковъ: мужъ бываетъ нѣсколькими годами по-старше жены.

Житіе Богатенковыхъ въ землянкѣ продолжалось, какъ я говорилъ, до масляницы 1866 года. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этою масляницею, осенью.— стало быть, осенью 1865 года,—построилъ на дворѣ Богатенковыхъ, подлѣ ихъ землянки, другую землянку родственникъ Богатенкова Василій Киселевъ, и перешелъ въ нее жить съ женою и дѣтьми и младшимъ братомъ своимъ, еще не женатымъ юношею, Давидомъ.

* Богатенковыхъ я называлъ родившимися и выросшими въ старообрядествѣ. Это былъ фактъ, всеѣмъ извѣстный. Сколько могу судить, считаю вѣроятнымъ, что и по церковнымъ росписямъ,—такъ называемымъ „исповѣднымъ книгамъ“,—имѣющимъ значеніе юридическихъ документовъ по вопросамъ о вѣроисповѣданіи, Богатенковы были отмѣчаемы, согласно дѣйствительному факту, „принадлежащими къ расколу“.

Относительно Василя Киселева, я считаю вѣроятнымъ, что онъ значился по исповѣднымъ книгамъ, въ качествѣ православнаго. Я полагаю такъ по слѣдующему соображенію: мнѣ кажется, что въ тѣ годы „раскольники“ не могли быть избираемы въ общественныя должности; правильно ли помнится мнѣ это, или нѣтъ, я не знаю; но думаю, это было тогда такъ. По крайней мѣрѣ, до 1860 или 1861 года, это прежнее правило еще оставалось неотмѣненнымъ, я помню, мнѣ кажется, твердо. А Василій Киселевъ, нѣсколько раньше того, чѣмъ поселился въ землянкѣ, занималъ, по выбору отъ Дубовскаго общества, какую-то должность; былъ чѣмъ-то въ родѣ „гласнаго Дубовской Думы“. Не знаю, были ль въ Дубовкѣ должности, имѣвшія такое названіе на официальномъ языкѣ. Но во всякомъ случаѣ, были какіе-то выборные, которые въ просторѣчій называемы были „гласными въ Думѣ“, и Василій Киселевъ не за долго передъ осенью 1865 года былъ однимъ изъ нихъ. Потому, я и полагаю, что по исповѣднымъ книгамъ онъ значился не „раскольникомъ“, а „Православнымъ“. И дѣлая изъ того выводъ обо всемъ семействѣ, полагаю, что и жена Василя Киселева и братъ его Давидъ были, подобно ему, отмѣчены въ исповѣдныхъ книгахъ состоящими въ православіи. Но если это и было такъ, то я убѣжденъ, что судъ принималъ за дѣйствительный фактъ общеизвѣстный фактъ, а не фикцію. Если эти лица значились по исповѣднымъ книгамъ Православными, то была лишь фикція. По такой фикціи, огромныя массы старообрядческихъ семействъ, все предки которыхъ съ самаго возникновенія раскола держались старообрядчества, были съ самаго возникновенія исповѣдныхъ книгъ постоянно помѣчаемы въ этихъ книгахъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, каждый годъ вновь и вновь отмѣчаемы, какъ принадлежащія къ Православному исповѣданію. Въ давнія времена, если обнаруживалось по какому нибудь случаю несоотвѣтствіе факта съ этою фикціею, возникало изъ того дѣло „объ отпаденіи отъ Православія“. Но я убѣжденъ, что въ 1866 и слѣдующихъ годахъ, судебная власть уже не подвергала раскольниковъ, значащихся по исповѣднымъ книгамъ

Православными, никакой юридической ответственности за существовавшую относительно ихъ фикцію церковныхъ росписей. И я убѣжденъ, что если Василій Киселевъ, его жена и его младшій братъ считались по церковнымъ отміткамъ Православными, то судъ имѣлъ снисходительность не взводить на нихъ юридической ответственности за „отпаденіе отъ Православія“. На фактъ, они были люди изъ старообрядческаго семейства. Фактъ этотъ былъ общеизвѣстенъ. Да и то надобно сказать: только тѣмъ обстоятельствомъ, что эти люди были воспитаны въ старообрядчествѣ, обуславливалась возможность имъ сдѣлаться послѣдователи Богатенковыхъ. Православные никакимъ образомъ не могли бы стать подражателями Богатенковыхъ. Всѣ мысли и поступки Богатенковыхъ—чисто старообрядческіе, лишь болѣе или менѣе видоизмѣненные искреннею и сильною религіозностью этихъ—слишкомъ къ своему несчастію, невѣжественныхъ,—добрыхъ и честныхъ людей, думавшихъ исключительно о своемъ душевномъ спасеніи, и по своей темной безпомощности въ теологическихъ раздумьяхъ, додумавшихся до глупости, потубившей ихъ. Никто, не бывшій старообрядцемъ, послѣдователемъ Богатенковыхъ сдѣлаться не могъ.

Киселевы были въ близкомъ родствѣ съ Богатенковымъ; въ какомъ именно, мои друзья не знаютъ съ достовѣрностью; но имъ кажется, что они слышали Богатенковъ былъ дядя Киселевыхъ.

Киселевыхъ было три брата. Василій былъ второй изъ нихъ по лѣтамъ, Давидъ младшій. Старшій братъ не раздѣлялъ увлеченія Василя и Давида мыслями и аскетическою жизнью Богатенковыхъ, и сколько я могу судить, былъ оставляемъ администраціею и судомъ совершенно нетревожимый по ихъ дѣлу, какъ человѣкъ, ни мало не причастный ихъ нелѣпостямъ. Потому я не старался удержать въ моей памяти его имя.

Киселевы были прежде не менѣе, или даже и болѣе богаты, чѣмъ Богатенковъ. Но нѣсколько времени жили съ такою роскошью, которая превышала ихъ средства. Потому ихъ состояніе нѣсколько разстроилось, говорила Дубовская молва. Впрочемъ, они, кажется, все таки оставались людьми богатыми. Какія были имущественныя отношенія между тремя братьями, моимъ друзьямъ не случилось хорошенько слышать. Но сколько могу я сообразить, считаю возможнымъ предполагать, что отцовское наслѣдство еще не было раздѣлено между ними и что промышленныя дѣла фирмы вель главнымъ образомъ старшій братъ; и что когда Василій и Давидъ перешли жить, по примѣру Богатенкова, въ землянку, старшій братъ оставилъ все не раздѣленное имущество въ своемъ управленіи, такъ что въ рукахъ у Василя и Давида не было большихъ денегъ. Я нахожу возможнымъ думать такъ потому, что Дубовская молва, говоря о нелѣпой сценѣ, устроенной Богатенковыми и Василемъ Киселевымъ, его женою и братомъ Давидомъ, рассказывала, что при этой сценѣ, кончившейся арестованіемъ всѣхъ, участвовавшихъ въ ней, у Богатенкова были отобраны очень большія деньги,—больше двадцати тысячъ рублей, а относительно Василя Киселева съ женою и братомъ молва выражалась только такъ: „и у нихъ тоже были отобраны деньги, какія были у нихъ“: такой небрежный способъ выраженія о количествѣ находившихся при Киселевыхъ денегъ показываетъ, по моему мнѣнію, что Дубовская молва полагала эти отобранныя у нихъ деньги незначительною суммою.

Впрочемъ, очень возможно объяснять незаботливость Дубовской молвы объ оп-

редѣлительности выраженія относительно количества денегъ, отобранныхъ у Василія Киселева съ его женою и его братомъ Давидомъ, просто только невнимательностью Дубовки къ этимъ сподвижникамъ Богатенковыхъ; такъ что, быть можетъ, мой выводъ о незначительности отобранной у нихъ суммы, основанный лишь на незаинтересованности Дубовской молвы этими деньгами, ошибоченъ.

Дубовка очень мало интересовалась переселеніемъ Василія Киселева съ женою, дѣтьми и братомъ въ землянку и дальнѣйшими дѣлами и судьбами ихъ. Дубовка считала ихъ не болѣе, какъ подражателями Боготенковыхъ, и они были заслонены Богатенковыми отъ ея вниманія.

Потому, моимъ друзьямъ не случилось слышать ничего опредѣленнаго о характерахъ Василія Киселева, его жены и его младшаго брата. А сами они, такъ мало видывали ихъ, что даже не умѣли ничего отвѣчать на мой вопросъ: много ли моложе Богатенковыхъ были Василій Киселевъ и его жена: — „можетъ быть моложе, а можетъ быть, и не моложе“, говорили они мнѣ. Я сказалъ моимъ друзьямъ что думаю: были моложе, и много моложе; потому что дѣти Василія и Анны Киселевыхъ были, конечно, много моложе, чѣмъ дѣти Богатенковыхъ: это я вижу потому, что ни объ одномъ изъ дѣтей Василія и Анны Киселевыхъ не попадалось мнѣ упоминанія, какъ о взросломъ ребенкѣ, а о младшемъ малюткѣ ихъ попадалось упоминовеніе, что эта дѣвочка при началѣ процесса была новорожденнымъ младенцемъ; притомъ же: третій изъ трехъ братьевъ Киселевыхъ, Давидъ, былъ при началѣ процесса юношей: разница лѣтъ между вторымъ и третьимъ братомъ не могла жь составлять, напримѣръ, лѣтъ двадцать; а если она была, какъ это вѣроятно, много меньше двадцати лѣтъ, то второй братъ, Василій, былъ много моложе Богатенкова, которому при началѣ процесса, было вѣроятно лѣтъ сорокъ пять, или и вовсе подъ пятьдесятъ, если судить по годамъ его жены. — Мои друзья принялись разсчитывать; сѣумѣли досчитаться, что я разсчитываю годы Богатенковой правильно; припомнили, что у Давида Киселева еще не было, кажется имъ, усовъ и бороды, когда они видывали его на улицахъ, незадолго до той масленицы; предположили поэтому, что Давиду Киселеву было при началѣ процесса, лѣтъ девятнадцать; подтвердили мое соображеніе, что старшія дѣти Василія и Анны Киселевыхъ были много моложе, чѣмъ старшія дѣти Богатенковыхъ; заключили изъ всего этого, что, должно быть Василій и Анна Киселевы, дѣйствительно, были, какъ я предполагаю, моложе Богатенковыхъ; но кончили тѣмъ, что все таки не сѣумѣли разобрать, много или немного моложе Акима Богатенкова былъ Василій Киселевъ, моложе Прасковьи Богатенковой была Анна Киселева. Дѣло извѣстное, что простолюдины очень неискусны угадывать лѣта людей, вышедшихъ изъ юности и еще не достигшихъ дряхлости. Двадцати пятилѣтняя женщина очень можетъ казаться на ихъ глаза хоть даже пятидесятилѣтнею и наоборотъ. 50-лѣтнюю могутъ легко принимать они за двадцати пятилѣтнюю, лѣта мужчины, какъ только обростетъ онъ бородою, разглядывать имъ еще мудренѣе.

А Киселевыхъ мои друзья видывали очень, очень мало; почти только мимоходомъ, на улицахъ, и подобно всей Дубовкѣ очень мало интересовались ими.

И кромѣ того, что я ужъ говорилъ, моимъ друзьямъ случилось слышать о Киселевыхъ лишь очень немного.

По своимъ промышленнымъ занятіямъ, Киселевы, подобно Богатенкову, были

кожевенные заводчики. Послѣ, имѣли они заволѣ для выдѣлки того сорта столовой горчицы, который употребителенъ въ Россіи подъ названіемъ Сарептской горчицы.

Я говорилъ, что Дубовка очень мало интересовалась участіемъ Василія Киселева съ женою и братомъ Давидомъ въ душеспасительномъ подвигѣ Богатенковыхъ. Только однажды, при самомъ началѣ своего подражанія Богатенкову, Василій Киселевъ привлекъ къ себѣ изумленное вниманіе. Случай этотъ былъ такой.

Вскорѣ послѣ того, какъ Василій Киселевъ покончилъ срокъ своей службы въ той должности, на которую былъ выбранъ обществомъ, пришелъ къ нему, жившему еще въ своемъ домѣ, какъ живутъ всѣ, и еще казавшемуся Дубовкѣ совершенно обыкновеннымъ неглупымъ человѣкомъ, какъ всѣ на свѣтѣ обыкновенные неглупые люди, кто-то изъ самыхъ мелкихъ служащихъ того учрежденія, въ которомъ онъ за нѣсколько времени служилъ выборнымъ; это былъ или сторожъ, или разсылный, или кто иной, подобный тому, вовсе маленький, сравнительно съ зажиточнымъ промышленникомъ, человѣкъ. Зашелъ онъ къ Василію Киселеву или по какому нибудь своему дѣлу до него, или просто за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, и услышать дорогое для маленькаго человѣка привѣтливое слово отъ человѣка важнаго. И какъ слѣдуетъ маленькому человѣку, началъ свой разговоръ съ Василіемъ Киселевымъ обыкновеннымъ у простолюдиновъ способомъ начинать почтительные разговоры, именно словами:— „Батюшка Василій Парѣнычъ“... На этихъ словахъ и остановилъ Василій Парѣнычъ рѣчь своего посѣтителя, спокойно, кротко и солидно возразивъ:— „Я не Василій, и не Парѣнычъ“.—Посѣтитель вытаращилъ глаза: Киселевъ, очевидно, не пьянъ и судя по спокойному выраженію глазъ, находится, слава Богу, какъ всегда былъ до сихъ поръ, въ здоровомъ умѣ; что жъ это такое сказалъ онъ? — Посѣтитель постоялъ съ разинутымъ ртомъ, съ вытаращенными на Киселева глазами; оправившись отъ удивительной реплики проговорилъ:— „Батюшка Василій Парѣнычъ, кто же вы, какъ не Василій Парѣнычъ Киселевъ?“—Киселевъ съ прежнею спокойною солидностью отвѣчалъ:— „Не знаю“.—Посѣтитель сказалъ: „Батюшка, Василій Парѣнычъ, какъ же вы не знаете, кто вы; вы—Василій Парѣнычъ Киселевъ“. Киселевъ съ прежнимъ спокойствіемъ повторилъ:— „Нѣтъ, я не Василій, и не Парѣнычъ, и не Киселевъ, а кто я, не знаю“. Посѣтитель постоялъ, посмотрѣлъ на него, покачалъ головою и ушелъ. Съ кѣмъ встрѣчался изъ знакомыхъ, пересказывалъ удивительный случай. Пересказы быстро разошлись по Дубовкѣ. Дубовка дивилась, хохотала, повторяла курьезный рассказъ и снова хохотала. (Изъ того, что я буду говорить послѣ, будетъ видно, какой смыслъ придавалъ Василій Киселевъ своимъ нелѣпымъ отвѣтамъ.— „Я не Василій, и не Парѣнычъ, и не Киселевъ“,—это значило: „употреблять имя, отчество, фамилію во второмъ лицѣ—не годится: употреблять эти слова можно только, когда мы говоримъ объ отсутствующихъ, а когда мы говоримъ съ кѣмъ нибудь, мы должны говорить ему просто „ты“, „вы“, „другъ“, а имя и фамилія его тутъ вовсе лишнія слова.

Кажется, собственно по этому случаю, Дубовка припомнила и поняла, что Богатенковъ ужъ давно не отвѣчаетъ на привѣтствіе ему по его имени и отчеству; случаи съ Богатенковымъ выходили, должно быть, менѣе рельефны: къ нему обращались съ этими привѣтственными названіями по имени и отчеству при встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ, и то, что онъ не принимаетъ привѣтствій ему по имени и

отчеству, ступевывалось. вѣроятно, предположеніемъ, что онъ вообще не хочетъ вступать въ разговоръ, что должно быть, собственно лишь по нежеланію вступать въ разговоръ проходить мимо, не принимая привѣтствія, будто не слышитъ. Кажется, только случай съ Василиемъ Киселевымъ, не допускавшій такого истолкованія, заставилъ Дубовку припомнить, что и отъ Богатенкова иной разъ приходилось инымъ услышать, „что онъ не знаетъ, кто онъ“. (Я не знаю, кто я, это значитъ: „я не знаю, кто я по твоему мнѣнію; я не знаю, считаешь ли ты меня хорошимъ человѣкомъ или дурнымъ; да и самъ я не знаю, хорошій ли я человѣкъ, или нѣтъ: рѣшать это не мнѣ самому“).

Какъ бы то ни было, теперь ли только припомнила Дубовка, что и отъ Богатенкова иной разъ приходилось инымъ слышать реплики, подобныя тѣмъ, какія услышала отъ Василя Киселева его посѣтитель, или и прежде эти реплики Богатенкова были замѣчаемы Дубовкою, но для нея стало теперь ясно, что Василій Киселевъ сдѣлался послѣдователемъ Богатенкова.—И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того онъ съ женою и младшимъ братомъ перешелъ жить въ землянку, устроенную подлѣ землянки Богатенковыхъ.

Богатенковы прожили въ землянкѣ больше двухъ лѣтъ; и со времени переселенія Василя Киселева съ женою, дѣтьми и братомъ Давидомъ въ другую землянку, рядомъ съ тою, прошло нѣсколько мѣсяцевъ—отъ осени до масляницы. Киселевыми, какъ простыми подражателями Богатенковыхъ, Дубовка мало занималась. Молва шла почти только о Богатенковыхъ.

Попривыкла бы Дубовка къ душеспасительнымъ чудачествамъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ, надоѣло-бъ ей толковать о нихъ и улеглась бы молва. Мало ли бываетъ въ огромномъ селѣ чудаковъ, подающихъ поводъ къ порицанію и смѣху? Нашлись бы для Дубовки, — для посада, по названію, для глухой деревни, по характеру быта,—новые предметы разговоровъ; бросила-бъ она толковать о Богатенковыхъ и, забытые всѣми, жили-бъ они съ единственными своими подражателями, Василиемъ и Анною и Давидомъ Киселевыми, пока наскучило-бъ имъ чудачествовать. Но, прежде чѣмъ молва улеглась, умудрились они, въ своихъ заботахъ о душевномъ спасеніи, устроить дурацкую сцену, погубившую ихъ.

Въ одинъ изъ дней масляницы 1866 года, Богатенковы и Киселевы вышли изъ своихъ землянокъ, вывели съ собою и дѣтей, большихъ и маленькихъ; младшее дитя Анны и Василя Киселевыхъ еще не могло идти само: оно было новорожденнымъ младенцемъ; но и ему нельзя жъ было не участвовать въ душеспасительномъ подвигѣ; потому мать, сама еще едва волочившая ноги послѣ очень недавнихъ родинъ, несла малютку на рукахъ. Вышли изъ землянокъ мудрые родители съ своими дѣтьми и сформировали изъ себя съ ними и съ юношею, братомъ одного изъ двухъ мудрыхъ отцовъ семействъ, группу, торжественнымъ величіемъ своимъ какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшую разумности предстоявшаго ей душеспасительнаго дѣла.

Богатенковы и Киселевы заботились о своемъ душевномъ спасеніи. А люди, заботящіеся о немъ, кто они по церковнымъ пѣснопѣніямъ? — они — рать Христова, воины Христовы. А воины должны жъ быть, какъ слѣдуетъ воинамъ, вооружены. Если воины не вооружены, то что жъ они за воины? Никакъ нельзя признавать воиновъ воинами, если они не вооружены.

Соображенія чрезвычайно основательныя.

И подумать только, что людямъ, дѣлавшимъ такія соображенія, были предлагаемы вопросы политическаго характера. Почему жь бы, кстати, не подвергнуть ихъ экзамену изъ астрономіи или санскритскаго языка? Результаты были бы не менѣ замѣчательны.

Но воины Христовы, хоть и несомнѣнно должны являться въ торжественныхъ случаяхъ вооруженными, что они, однако жь, такое? — Они послѣдователи Христа, о которомъ сказано въ писаніи: „Яко нѣмъ, не отверзая устъ своихъ, и яко агнецъ противу стригущему его безгласенъ“. Само собою разумѣется, воины Христовы должны не отверзать устъ своихъ, оставаться, при совершеніи своего душеспасительнаго дѣла, какъ нѣмые, безгласными. Они не упустили этого изъ виду, и самымъ похвальнымъ образомъ соблюли это при своемъ подвигѣ. Но первую надобностью имъ было вооружиться. Они и вооружились.

Конечно, съ такою находчивостью въ изготовленіи недостававашаго для большинства ратниковъ и ратницъ ихъ войска оружія, какой не могло бы быть у людей, менѣ премудрыхъ.

Недостатокъ въ оружіи былъ у нихъ очень великъ. Ихъ было, считая съ новорожденнымъ младенцемъ, пятнадцать человѣкъ. А всего оружія было у нихъ два ружья, — вѣроятно, охотничьи ружья, — да какая-то сабля, или, быть можетъ, двѣ сабли. И такъ, для одиннадцати или двѣнадцати воиновъ, изъ пятнадцати, готоваго оружія не было: необходимо было изготовить его. Они и изготовили; очень легко и превосходно. Взяли дощечки, и вырѣзали изъ нихъ сабельки. Для взрослыхъ и для тѣхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, на благоразуміе которыхъ, по ихъ лѣтамъ, могли положиться заботливые родители, эти деревянныя сабельки чудесно годились. Но были между дѣтьми и вовсе маленькія; они чего добраго, могли бы, какъ нибудь, повытыкать глазенки себѣ острыми кончиками деревянныхъ сабелекъ. А новорожденный младенецъ не могъ бы и удержать въ рученкѣ деревянную сабельку, сколько бы ни хлопотала держащая его на рукахъ мать сгибать ему пальчики, чтобы не выпало изъ нихъ оружіе. Потому для этого воителя или этой воительницы Христовой рати и для другихъ очень маленькихъ дѣвочекъ или мальчиковъ сабельки были вырѣзаны изъ сахарной бумаги; что можетъ быть лучше? — И совершенно легкое оружіе, по силамъ крошечныхъ дѣтей. да и глазочковъ себѣ они этими сабельками не выткнутъ.

Словомъ: такъ умно, что по справедливости надо сказать, такихъ чучелъ, какъ почтенные люди, двинувшіеся съ большими и маленькими своими дѣтьми въ этомъ вооруженіи торжественнымъ шествіемъ по улицамъ Дубовки, Дубовка, вѣроятно, не видывала, кромѣ какъ въ масляничныхъ балаганахъ, гдѣ арлекины пляшутъ кругомъ глотающихъ зажженную паклю паясовъ.

Группа воителей и воительницъ рати Христовой сформировалась на дворѣ у своихъ землянокъ въ стройный рядокъ для торжественнаго шествія; кто-то изъ мужчинъ, — кажется, Давидъ Киселевъ, — подалъ, какъ слѣдуетъ въ ратныхъ походахъ, военный сигналъ началу походнаго движенія, выстрѣливъ, конечно, холостымъ зарядомъ, на воздухъ изъ ружья, и торжественная процессія двинулась со двора въ церемоніальное шествіе по улицамъ Дубовки.

Акимъ Богатенковъ, — вѣроятно, и его жена, — Василій Киселевъ, — быть можетъ и его жена, — хоть едва волочила ноги и кромѣ того держала на рукахъ своего новорожденного младенца, — быть можетъ и Давидъ Киселевъ, — вѣроятно

и старшій изъ дѣтей Акима и Прасковьи Богатенковыхъ,—несли узлы и узелочки, сдѣланные изъ платковъ и наполненные деньгами.—Съ этими узлами и узелками, ружьями и саблею, деревянными и бумажными сабельками, шли они, трое мужчинъ, двѣ женщины,—одна изъ женщинъ, неся младенца на рукахъ,—семь дѣвушекъ и дѣвочекъ, два маленькіе мальчика. Встрѣчавшіеся съ дурацкою процессіею, останавливались полюбоваться, стояли и хохотали. Путь шествія процессіи былъ длинный: съ одного конца Дубовки, гдѣ былъ дворъ съ землянками, откуда двинулась балаганная группа, на другой конецъ огромнаго, широко раскинушагося посада. Шествіе двигалось медленно, по торжественности своего характера, требовавшей, разумѣется, церемонной походки, величавой осанки, да и по надобности взрослымъ и здоровымъ руководящимъ персонамъ шествія соразмѣрять свое движеніе съ маленькими, шаткими шагами слабыхъ ножекъ маленькихъ дѣтей, и съ тихою колеблющеюся походкою бѣдняжки Анны Киселевой, съ трудомъ волочившей ноги. А вдобавокъ узлы и узелки съ деньгами часто развязывались или расщеливались; деньги валились на землю; процессія останавливалась, подбирала деньги, укладывала ихъ въ узелки; снова плелась и снова останавливалась подбирать разсыпавшіяся деньги.

Встрѣчаемая и провожаемая по всей длинѣ своего пути неумолкаемымъ хохотомъ встрѣчныхъ, процессія прошла такимъ образомъ черезъ весь посадъ совершенно безпрепятственно. Одно это обстоятельство ужъ достаточно ясно показываетъ, каковъ былъ полицейскій порядокъ въ Дубовкѣ того времени, какова была заботливость дубовскихъ полицейскихъ чиновниковъ объ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей, и вообще какого рода люди были эти чиновники, каково должно было быть у нихъ знакомство ли съ законами, умственное ли развитіе, или хоть бы способность къ самой простѣйшей сообразительности. Не говоря ужъ ни о чемъ другомъ, довольно принять въ расчетъ, это было во время масляницы, когда внимательность полицейскихъ чиновниковъ къ предохраненію улицъ отъ мошенничествъ, дракъ и всяческихъ скандаловъ вдвойнѣ нужна. И на всемъ пути черезъ весь огромный посадъ нелѣпая процессія не встрѣтила ль ни одного полицейскаго чиновника?—Или видѣли эти чиновники ее, и глядѣли, поджидая бока отъ хохота? Что они дѣлали, гдѣ они были, достойные сограждане своихъ сослуживцевъ, тогдашнихъ „гласныхъ“ Дубовскаго городского (посадскаго) управленія, тѣхъ гласныхъ, однимъ изъ которыхъ еще не задолго передъ тѣмъ былъ шествовавшій теперь въ процессіи Василій Киселевъ?

Гдѣ бы ни были эти мужики, одѣтые въ полицейскій мундиръ, но—если не было ихъ на улицахъ для предохраненія улицъ отъ масляничныхъ безпорядковъ, то не было ихъ и въ комнатахъ присутствія и канцеляріи, въ домѣ Дубовскаго полицейскаго управленія. Процессія имѣла цѣлю своего шествія этотъ домъ.

Озабоченные до ослабленія своего здраваго смысла размышленіями о своемъ душевномъ спасеніи темные невѣжды придумали дурацкій способъ исполненія пришедшей въ ихъ бѣдныя головы мысли. Но сама по себѣ эта мысль была настолько благоразумна, при инстинктивно чувствуемой ими неспособности своей сохранять ясность житейской осмотрительности въ своемъ обращеніи съ деньгами, что они заслуживали за свое намѣреніе полного одобренія отъ всякаго здравомыслящаго человѣка. Въ чемъ состояло намѣреніе, съ которымъ шли они по улицамъ Дубовки, было бы съ одного взгляда на ихъ процессію видно всякому, хорошо зна-

кому съ „житіями святыхъ“: въ Четь-Минейхъ много такихъ сценъ, какъ эта процессія. Эти узлы и узелки съ деньгами зачѣмъ были въ рукахъ у этихъ людей?—Всякому, хорошо начитанному въ Четь-Минейхъ, это должно было быть понятно съ перваго взгляда на процессію, какъ мнѣ, усердно читавшему когда-то Четь-Миней, съ перваго слова моихъ друзей объ этой процессіи вооруженныхъ набожныхъ людей, несущихъ узлы съ деньгами, было ясно все: и то, почему были они вооружены, и съ какимъ намѣреніемъ пошли они съ своего двора.

Акимъ Богатенковъ, Василій и Давидъ Киселевы перестали заниматься промышленными дѣлами, этою суетою земною, отвлекающею мысли отъ дѣлъ спасенія душевнаго. Они и ихъ семейные вели такой образъ жизни, что расходы ихъ на свое содержаніе были очень невелики (сравнительно съ ихъ денежными средствами; изъ того, что буду говорить я объ ихъ образѣ жизни въ землянкахъ, будетъ видно, что Дубовка ошибалась въ своей молвѣ объ этомъ образѣ жизни, какъ объ исполненномъ тяжкихъ лишеній; но дѣйствительно, расходы ихъ на свое содержаніе, при тогдашней дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ въ Дубовкѣ, должны были быть незначительны по сравненію съ ихъ денежными средствами). И такъ, имѣть при себѣ много денегъ имъ не было надобности. А у Богатенковыхъ все состояніе было обращено въ деньги и всѣ эти деньги были при нихъ. И это была сумма денегъ, еще остававшаяся очень значительною. Долго ли уцѣлѣтъ у нихъ хоть сколько нибудь изъ нея, если она будетъ оставаться у нихъ подъ руками?—Надобно припомнить: они щедро помогали бѣднымъ. Конечно, порядкомъ-таки поубавилось въ эти два слишкомъ года, прожитые ими въ землянкахъ, количество денегъ, какія были выручены Богатенковымъ при ликвидаціи его промышленныхъ дѣлъ. А у нихъ было шесть человѣкъ дѣтей; и вотъ они вздумали обезпечить будущность своихъ дѣтей противъ своей неудержимой щедрости къ бѣднымъ. Единственнымъ способомъ достигнуть этого они—очень разсудительно—нашли отдачу лишнихъ для нихъ въ настоящее время денегъ въ какую нибудь кассу для храненія. Куда жъ было отдать имъ эти деньги?—Въ прежнія времена, всеобщимъ совершеннымъ довѣріемъ пользовались такъ называемые „ломбарды“. Теперь ломбардовъ ужъ не было. О томъ, что такое Государственный Банкъ, масса еще не имѣла въ 1866 году отчетливыхъ свѣдѣній. Частные банки не представлялись простымъ людямъ учрежденіями вполне благонадежными. Оставалось для Богатенковыхъ одно, безусловно вѣрное мѣсто сохраненія денегъ—„казна“, какъ выражаются простые люди о денежныхъ сундукахъ всякихъ вообще правительственныхъ вѣдомствъ. Представительницею „казны“ была въ Дубовкѣ касса полицейскаго управленія. И Богатенковы рѣшили отнести свои деньги въ полицію, чтобы „казна“ сберегла эти деньги, которыми обезпечивалась будущность ихъ дѣтей. Везспорно, мысль, заслуживающая полнѣйшаго одобренія.

У Василя Киселева тоже были какія-то лишнія для него въ настоящемъ деньги. Большія или маленькія, не знаю. И полагаю, деньги довольно незначительныя сравнительно съ деньгами Богатенкова. Но большія-ль, или меньшія, у него были какія-то деньги, излишнія для него въ настоящемъ; и, вѣроятно, тоже быстро уходящія изъ рукъ его и его жены на пособіе бѣднымъ. Дубовка мало интересовалась Киселевыми и моимъ друзьямъ не случилось слышать, щедры ли были къ бѣднымъ Киселевы, когда жили въ землянкѣ. Но Киселевы были подражатели Богатенковыхъ во всѣхъ подробностяхъ заботъ о душевномъ спа-

сеніи. Я полагаю, подражали имъ и въ щедрости къ бѣднымъ. А тоже имѣли дѣтей. И тоже захотѣли отдать лишніе свои деньги въ казну—въ полицію,— для сохраненія на пользу своихъ дѣтей.

Такова была сущность дѣла. Найди Богатенковы и Киселевы въ полиціи людей, хорошо способныхъ къ исполненію своихъ должностныхъ обязанностей, никакого процесса не возникло бы. Полицейское начальство растолковало бы невѣждамъ, что для исполненія своей хорошей мысли они выбрали способъ, несообразный съ постановленіями о порядкѣ и благочиніи на улицахъ; что ходить по Дубовкѣ съ оружіемъ не годится; пожурило бы невѣждъ за это, подвергло бы ихъ за ихъ дурацкую процессію какому нибудь взысканію, сообразному съ опредѣленіями взысканій за нарушеніе благочинія на улицахъ, по точному смыслу соотвѣствующихъ статей закона. Я не знаю этихъ постановленій тогдашняго закона съ точностью. Но полагаю, что онъ опредѣлялъ наказывать за подобныя нарушенія уличнаго благочинія какими нибудь денежными штрафы и какими нибудь кратковременными арестами при полицейскомъ арестантскомъ помѣщеніи. Женщины съ дѣтьми были бы отведены полицейскими служителями назадъ въ ихъ землянки, я полагаю, а мужчинъ слѣдовало бы, я полагаю, продержать нѣсколько дней или недѣль подъ арестомъ, и послѣ того тоже отвести назадъ въ ихъ землянки.

Такъ, я полагаю, поступило бы съ ними Дубовское полицейское начальство, если бы было привычно хорошо исполнять свои служебныя обязанности. Но оно, какъ по всему видно, не имѣло ни привычки, ни даже способности къ тому, чтобы заботливо и сообразительно исполнять ихъ.

Во время масляничнаго разгула, улицы Дубовки оставались безо всякаго полицейскаго надзора. И поэтому, дурацкая процессія безпрепятственно прошла черезъ весь огромный посадъ, изъ конца въ конецъ, отъ двора Богатенковыхъ до Полицейскаго Дома. Въ помѣщеніи Полиціи, всѣ двери стояли на-стежь въ комнатахъ канцеляріи. Процессія вошла въ канцелярію полиціи, не останавливаемая никѣмъ; добрела до какой-то комнаты, въ которой нашла наконецъ полицейскихъ, которыхъ искала: она пришла отдать деньги на храненіе; отдать деньги кому?—Какому нибудь полицейскому чиновнику, конечно. Но ни одного чиновника въ помѣщеніи полиціи не было. Чиновники—гдѣ они были?—Это неизвѣстно; я полагаю: они веселились гдѣ нибудь у какихъ нибудь своихъ согражданъ, въ компаніи другихъ согражданъ, какъ слѣдуетъ веселиться на масляницѣ людямъ, ничѣмъ не отличающимся отъ своихъ согражданъ. Такъ ли, или нѣтъ, но въ помѣщеніи Полицейскаго управленія не оказалось никого изъ полицейскихъ чиновниковъ; сидѣли тутъ лишь кое кто изъ полицейскихъ служителей.

Вошедши въ комнату, гдѣ были они, процессія остановилась. Тѣ двое мужчинъ, у которыхъ были ружья, опустили свои ружья прикладами на полъ,— я не знаю терминологіи ружейныхъ приемовъ; но кажется, это называется: поставить ружье къ ногѣ; остальные лица процессіи опустили къ полу свою саблю, свои деревянные и бумажные сабельки. Въмѣсто того, чтобы пригласить эту балаганную рать выйти, сложить свои шутовскіе военные уборы, и тогда вернуться въ комнату, полицейскіе служители, какъ взглянули на входящую группу, вскопили съ криками смертельнаго ужаса и стремглавъ убѣжали. Выбѣжавши изъ полицейскаго дома, и замѣтивъ, что никто не гонится за ними убивать ихъ, они

принялись разбискивать своихъ начальниковъ и товарищей. Разбискали. Предводимая начальствомъ толпа полицейскихъ служителей ринулись на штурмъ противъ завоевавшего Полицейскій домъ непріятельскаго войска. Въбжали эти храбрцы въ комнату, гдѣ стало непріятельское войско. Оно стояло неподвижно, какъ остановилось тогда, вошедши. Видя неподвижность непріятеля, храбрцы окончательно расхрабрились: мгновенно, непріятельское войско было осыпано градомъ ругательствъ; чиновники командовали: „бери ихъ, обыскивай, вяжи“. — Богатенковы и Киселевы оставались стоять, какъ стояли, неподвижно, молча. У нихъ отобрали ихъ желѣзное, деревянное и бумажное вооруженіе, обыскали ихъ; — они стояли, не двигаясь, оружіе брали у нихъ изъ рукъ такъ, какъ вынимали бы его изъ какихъ нибудь рагулекъ кустарника: руки державшія эти ружья, деревянные и бумажныя сабельки, какъ руки статуй, ни отдавали, ни задерживали его. Обезоруживши грозное непріятельское войско, побѣдители обыскали побѣжденныхъ. Богатенковы и Киселевы и при этомъ оставались молчаливы, неподвижны: не дѣлали ничего, чтобы облегчить ли, затруднить ли процедуру обыска. Обыскавъ ихъ, побѣдители связали ихъ, — я надѣюсь: только взрослыхъ; надѣюсь, у храбрыхъ побѣдителей достало все таки смысла на то, чтобы не вязать маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, — связали, отвели въ арестантскую, заперли, и пошли по Дубовкѣ восхвалять свою храбрость.

Все то, что я рассказываю о подвигѣ храбрости этихъ мужественныхъ людей, знала вся Дубовка по ихъ же собственнымъ рассказамъ.

Такъ ли описали храбрые побѣдители свою побѣду въ протоколѣ, или протоколахъ, или какихъ другихъ бумагахъ, какъ рассказывали о ней своимъ согражданамъ, я не знаю.

Били ль они людей, стоявшихъ молча, и не дѣлавшихъ ни малѣйшаго движенія, я не знаю; въ ихъ рассказахъ пріятелямъ и пріятельницамъ ничего не было о томъ, что они били Богатенковыхъ и Киселевыхъ. Я надѣюсь, что это умолчаніе не было скрываніемъ фактовъ, надѣюсь, что Богатенковы и Киселевы не были подвергаемы при обыскѣ, связываніи и препровожденіи въ арестантскую побоямъ.

При обыскѣ, были найдены у Богатенковыхъ и Киселевыхъ деньги. По рассказамъ распоряжавшихся обыскомъ полицейскихъ чиновниковъ ихъ Дубовскимъ согражданамъ, у Богатенковыхъ было найдено больше двадцати тысячъ рублей. Я полагаю, что когда эти чиновники говорили своимъ пріятелямъ о такой суммѣ, то разумѣется, изъ нея не пропало ничего, она была записана въ протоколъ, и сохранена вся въ цѣлости. Были отобраны, какъ я ужъ говорилъ, какія-то деньги и у Киселевыхъ; но о томъ, велика или мала была сумма денегъ, находившаяся при Киселевыхъ, мои друзья, какъ я ужъ говорилъ, ничего опредѣленнаго не умѣютъ припомнить.

И такъ, были арестованы всѣ лица, составлявшія процессію, которая пришла изъ землянокъ въ комнаты Полицейскаго управленія; это были, какъ я ужъ перечислялъ, пятнадцать человѣкъ, именно:

Акимъ и Прасковья Богатенковы съ ихъ дѣтьми, которыхъ они имѣли шесть человѣкъ:

Василій и Анна Киселевы съ ихъ дѣтьми, которыхъ было четыре человѣка, и младшій братъ Василя, Давидъ Киселевъ.

Были ли подвергаемы взрослые люди между ними какому нибудь допросу при

гвалтъ, съ какимъ накинудись на нихъ храбрецы, отбирать отъ нихъ оружіе, обыскивать и вязать ихъ или весь гвалтъ храбрецовъ состоятъ только изъ ругательствъ, не могли по рассказамъ храбрыхъ побѣдителей разобрать ихъ пріятели, да вѣроятно и не интересовались этимъ вопросомъ.

Но при самомъ ли арестованіи, или черезъ нѣсколько времени, арестованные—я надѣюсь, только взрослые между ними мужчины и женщины и тѣ изъ дѣтей, которыя не были маленькими дѣвочками и мальчиками, а были ужъ подросшими дѣвушками, — были безъ сомнѣнія подвергнуты какому нибудь допросу арестовавшими ихъ полицейскими чиновниками. Такъ я полагаю.

И начался процессъ. То, что я имѣю сказать о немъ, я изложу, когда буду говорить о возникшемъ изъ него другомъ процессѣ, въ числѣ подсудимыхъ по которому находились мои друзья Оома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева. А теперь сдѣлаю лишь одну общую замѣтку о томъ, какъ я смотрю на процессъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ.

Я разсматриваю вопросъ о возбужденіи процессовъ политическаго характера противъ людей, по своей необразованности чуждыхъ всякимъ политическимъ понятіемъ, съ той точки зрѣнія, съ какой смотрятъ на него всѣ государственные люди, — съ точки зрѣнія интересовъ общественнаго спокойствія.

Русскіе простолюдины не имѣютъ ни политическихъ понятій, ни политическихъ желаній. И государственный человѣкъ не можетъ одобрять возбужденія такихъ процессовъ, которыми совершенно безъ всякой надобности волновались бы умы этихъ простодушныхъ людей черезъ внесеніе въ ихъ мысли пустаго фантома, будто бы между ними есть люди съ политическими тенденціями.

Я убѣжденъ, что когда написанныя Дубовскими невѣждами бумаги, которыми начался процессъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ, дошли до свѣдѣнія должностныхъ лицъ губернской администраціи той губерніи, всѣ эти просвѣщенные администраторы негодовали на невѣждъ, сдѣлавшихъ напрасные допросы политическаго характера людямъ, не имѣющимъ никакихъ политическихъ понятій, глубоко скорбѣли о томъ, что возникли эти бумаги, возникать которымъ вовсе не слѣдовало. Но — онѣ возникли. Уничтожить ихъ или игнорировать ихъ губернская администрація не имѣла права. Она обязана была дать имъ законное движеніе.

Тоже самое думаю я и о лицахъ судебнаго вѣдомства, въ руки которыхъ были переданы эти бумаги. Я убѣжденъ, они находили, что процессу Богатенковыхъ и Киселевыхъ не слѣдовало бы возникать. Но онъ возникъ; и они обязаны были вести его.

Мнѣ остается сказать, что я знаю отъ моихъ друзей о судьбѣ Богатенковыхъ и Киселевыхъ.

Процессъ длился года три. Кончился, должно быть, въ 1869 году.

Изъ пятнадцати человѣкъ, содержавшихся подъ стражею, умерла во время процесса старшая дочь Богатенковыхъ, Авдотья, какъ я ужъ говорилъ.

Богатенковы содержались подъ стражею нѣсколько времени въ Дубовкѣ; послѣ были отвезены въ Саратовъ. Киселевы были отвезены въ Камышинъ. Когда дѣло было рѣшено, то для выслушанія приговора привезли и ихъ въ Саратовъ.

Судъ надъ Богатенковыми и Киселевыми производился еще по старой формѣ, не по новому уставу. Новые судебныя учрежденія, должно быть, еще не были вве-

дены въ Саратовской губерніи въ 1866 году, когда начался процессъ?—Я не знаю этого, но должно быть такъ.

Всѣ подсудимые, — которыми, какъ я ужъ говорилъ, считались, вѣроятно, только пять самостоятельныхъ людей изъ числа четырнадцати, оставшихся въ живыхъ при концѣ процесса, то есть: Акимъ и Прасковья Богатенковы, Василій и Анна Киселевы, и Давидъ Киселевъ, — были приговорены судомъ, — то есть, должно быть Саратовскою Уголовною Палатою, — къ поселенію въ Закавказскомъ краѣ.

Когда Акимъ и Прасковья Богатенковы, окруженные своими оставшимися тогда въ живыхъ изъ шести пятію дѣтьми, выходили изъ Саратовскаго тюремнаго замка, чтобы быть отправленными на мѣсто поселенія, — куда я предполагаю дѣти ихъ отправлялись съ ними не какъ приговоренные къ наказанію, а только по желанію родителей, — подошли къ выходившей изъ тюремнаго замка группѣ какіе-то должностные люди, — вѣроятно, я полагаю, какой нибудь полицейскій чиновникъ съ полицейскими служителями, — взяли изъ пятерыхъ дѣтей двухъ, именно: четвертое по старшинству лѣтъ дитя (или теперь, по смерти старшей сестры, третье изъ оставшихся въ живыхъ). дѣвочку Ульяну, и пятое (или, теперь, изъ пяти живыхъ, четвертое) дитя, мальчика Поликарпа, — взяли ихъ, и увели прочь. Отецъ и мать остановились въ изумленіи, но не шевельнули рукою для сопротивленія, не произнесли ни одного слова, молча стояли и смотрѣли, какъ были уводимы дѣти; когда оба ребенка были уведены, отецъ и мать съ оставшимися при нихъ тремя дѣтьми молча пошли въ свой путь.

Кѣмъ было сдѣлано распоряженіе задержать Ульяну и Поликарпа, и по какому мотиву было оно сдѣлано, моимъ друзьямъ не случилось слышать, а я не умѣю придумать никакого объясненія этому распоряженію. Сама собою являлась бы та мысль, что кто нибудь изъ свѣтскаго ли, или изъ духовнаго начальства думалъ о томъ, чтобъ изъять изъ подъ вліянія родителей тѣхъ дѣтей, о которыхъ, по ихъ лѣтамъ, можно было предполагать, что они еще не восприняли родительскихъ понятій; и что это лицо разсудило: о двухъ старшихъ дѣтяхъ, этого предполагать ужъ нельзя; они не такъ малы лѣтами; а Ульяна и Поликарпъ еще могутъ считаться не проникнувшими образомъ мыслей родителей. И дѣйствительно, объ этихъ дѣвочкѣ и мальчикѣ можно было бы сдѣлать такое предположеніе: Ульянѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать или тринадцать, Поликарпу одиннадцать или двѣнадцать. Но если бы распоряженіе относительно ихъ было сдѣлано по такому соображенію, то еще съ большею вѣрностью это соображеніе примѣнялось бы къ шестому (или, изъ оставшихся теперь въ живыхъ, пятому) дитяти, къ дѣвочкѣ Катеринѣ. А она была оставлена при родителяхъ. Вотъ собственно поэтому и не умѣю я объяснить себѣ мотива распоряженія относительно Ульяны и Поликарпа.

Остальные двѣнадцать человѣкъ, то есть:

Акимъ и Прасковья Богатенковы съ тремя дѣтьми,

Василій и Анна Киселевы съ четырьмя дѣтьми и Давидъ Киселевъ

были препровождены въ Закавказскій край. и поселены гдѣ-то въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ.

Прасковья Богатенкова, по слухамъ, дошедшимъ до моихъ друзей, довольно скоро послѣ того умерла на новомъ мѣстѣ своего жительства.

Оставшіеся въ живыхъ одиннадцать человѣкъ жили въ Елисаветпольскомъ

уѣздѣ, пока доходили слухи о нихъ до моихъ друзей, не особенно бѣдственно, быть можетъ даже съ нѣкоторымъ, хоть небольшимъ, достаткомъ.

Слухи о нихъ доходили до моихъ друзей по письмамъ, которыя посылали они изъ Закавказья къ своимъ роднымъ въ Дубовку. Процессъ моихъ друзей шелъ на послѣдокъ въ Царицынѣ; а Дубовка очень не далеко отъ Царицына и кое-кто изъ родныхъ пріѣзжалъ иногда навѣстить моихъ друзей въ Царицынѣ.

Они слышали также, что дѣти Богатенковыхъ, удержанныя въ Саратовѣ, Ульяна и Поликарпъ, были черезъ нѣсколько времени, по просьбѣ Дубовскаго общества, пересланы изъ Саратова въ Дубовку, гдѣ общество приняло ихъ на свое попеченіе. Мои друзья слышали также, что когда эти дѣвочка и мальчикъ подрастутъ, то имъ будутъ выданы деньги, которыя были отобраны у ихъ родителей. Слышали, что въ 1872 или 1874 году часть этихъ денегъ—я предполагаю: проценты съ нихъ—была выдана Поликарпу или, быть можетъ, Ульянѣ и Поликарпу вмѣстѣ.

Процессъ, въ числѣ подсудимыхъ и осужденныхъ по которому находились мои друзья, Гома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева, былъ, какъ я ужъ сказалъ, послѣдствіемъ процесса Богатенковыхъ и Киселевыхъ.

Перехожу къ разсказу объ отношеніяхъ, изъ которыхъ произошелъ тотъ фактъ, что процессомъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ былъ порожденъ процессъ, кончившійся ссылкой на поселеніе въ Сибирь шести человѣкъ, къ числу которыхъ принадлежатъ мои друзья.

У Прасковьи, ставшей по замужеству Богатенковою, была сверстница, подруга дѣтства, Дарья, ставшая по замужеству Ворониною. Дарья и Прасковья росли и выросли вмѣстѣ: постоянно вмѣстѣ играли, когда были маленькими дѣвочками, и подрастая, оставались постоянно неразлучны. Когда Прасковья, достигнувъ лѣтъ двѣнадцати, четырнадцати, увлекалась мечтами о душевномъ спасеніи, о поступленіи въ монахини, эти ея мысли и чувства были у нея общія съ ея любимою подругою: Дарья была проникнута тѣми же мечтами. Обѣ неразлучныя подруги хотѣли и въ монастырь идти непременно вмѣстѣ.

Сформировавшись физически, сверстницы забыли думать о монашествѣ, стали веселиться, какъ всѣ другія дѣвушки; но и въ хороводахъ и всякихъ дѣвическихъ забавахъ оставались неразлучны.

Вышли замужъ, остались друзьями по-прежнему.

Мужъ Дарьи, Воронинъ, былъ судопромышленникъ; дѣла его шли хорошо, но нажить богатство ему не привелось: до самаго конца его торговой дѣятельности, его состояніе не превосходило нѣсколькихъ тысячъ рублей; много, если тысячъ десять было у него.—А мужъ Прасковьи разбогатѣлъ. Двѣ семьи, по разности своихъ состояній, стали принадлежать къ разнымъ кругамъ Дубовскаго общества. Но и это не уменьшило дружбу между богатою купчихою и женою маленькаго торговаго человѣка. Прасковья Богатенкова продолжала любить Дарью Воронину, какъ привыкла съ дѣтства.

У Ворониныхъ подросъ сынъ (единственное ихъ дитя). Онъ былъ почти сверстникъ старшей дочери Богатенковыхъ, Авдотѣ. Прасковья Богатенкова стала говорить своей подругѣ, что непременно хочетъ отдать эту свою дочь за ея

сына. При разницѣ состояній двухъ семействъ такая женитьба не могла не казаться Ворониной очень выгоднымъ устройствомъ судьбы ея сына: женившись на дочери Богатенковыхъ, онъ вошелъ бы въ классъ торговыхъ людей, гораздо болѣе высокій, чѣмъ его отцовскій кругъ. — Акимъ Богатенковъ продалъ свое кожевенное заведеніе, пересталъ заниматься торговыми дѣлами; Богатенковы перестали видѣться съ прежними своими богатыми друзьями. Все это очень не нравилось Ворониной и значительно уменьшало выгодность женитьбы на Авдотѣ Богатенковой для сына Ворониной. Но все-таки эта женитьба оставалась очень выгодною для него. Прерванныя богатыя знакомства не было бы трудно возобновить, лишь бы захотѣли того Богатенковы. А они были заботливые, превосходные отецъ и мать: ихъ забота о ихъ собственномъ душевномъ спасеніи нисколько не измѣнила ихъ нѣжной заботливости о дѣтяхъ. Стали не нужны имъ самимъ дружескія связи съ богачами; но понадобится возстановить эти связи для пользы зятя, то они не обременятся возстановить ихъ. Такъ думала Воронина. И, я полагаю, не могла, при своемъ совершенно близкомъ знаніи характеровъ Акима и Прасковьи Богатенковыхъ, ошибаться въ этомъ разсчетѣ. Да и приданое, которое должна была получить невѣста, хотъ и не могло теперь быть такъ велико, какъ было-бъ, если бы отецъ ея не прекратилъ своихъ промышленныхъ дѣлъ, все-таки должно было простираться до такой суммы, что съ женитьбою сына торговые обороты Воронина тотчасъ же удвоились бы. Когда Богатенковы пришли отдать свои деньги въ казну на сохраненіе для ихъ дѣтей, они принесли больше двадцати тысячъ; это — послѣ всѣхъ постоянно длившихся растратъ. За годъ, за полтора передъ тѣмъ количество наличныхъ денегъ у нихъ должно было составлять сумму, болѣе значительную. У нихъ было шесть человѣкъ дѣтей. Шестая доля тысячъ изъ тридцати, или изъ тридцати пяти, или и больше того, — таково было вѣроятное приданое Авдотьи: тысячъ пять, тысячъ шесть наличными деньгами. Для торговца, у котораго все состояніе простирается лишь до нѣсколькихъ тысячъ, прибавка пяти, шести тысячъ наличными деньгами къ его торговымъ средствамъ, равносильна перемѣщенію его изъ небогатыхъ торговцевъ въ классъ купцовъ, имѣющихъ довольно значительные обороты. — Не для себя самой съ мужемъ Воронина желала обогащенія — для сына; сынъ былъ одно дитя у нихъ, какъ была ей не дорожить перспективою его женитьбы на Авдотѣ Богатенковой?

Она порицала Богатенковыхъ за перемѣну въ ихъ образѣ жизни. Но Прасковья Богатенкова оставалась по-прежнему любящею ее съ нѣжностью. Какъ же могла бы она перестать любить свою подругу?

Она была женщиною совѣтливая. Предполагаемый бракъ былъ очень выгоденъ для ея сына, но ея подруга могла бы выбрать для своей старшей дочери жениха несравненно болѣе выгоднаго, чѣмъ ея сынъ. Она была такъ совѣтлива, что часто заводила съ подругою своею разговоры въ такомъ смыслѣ, какъ будто не нравится ей желаніе ея подруги. Но Богатенкова настаивала. И принуждаемая отступаться отъ своихъ возраженій противъ свадьбы, Воронина переходила къ согласію на планъ Богатенковой всегда лишь въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, чтобы сохранять за Богатенковою легкую возможность, если передумаетъ, перестать говорить объ этой свадьбѣ.

Но Богатенкова была тверда въ своемъ намѣреніи и, наконецъ, Воронина перестала возражать противъ того, чего сама такъ сильно желала. Богатенкова

вытребовала у нея общаніе, что свадьба будетъ сдѣлана, какъ только станетъ это возможнымъ по закону о лѣтахъ, раньше которыхъ не можетъ быть вѣнчаемъ женихъ. Невѣстѣ шестнадцать лѣтъ ужъ исполнилось. Но жениху былъ еще только восемнадцатый годъ; до восемнадцати лѣтъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ.

И оба семейства ждали только пока исполнится жениху восемнадцать лѣтъ. Тогда, тотчасъ же, будетъ свадьба.

Но женихъ умеръ. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до той масляницы, въ которую Богатенковы устроили свою нелѣпую процессію, то есть, это было осенью или зимою 1865 года.

Воронина и ея мужъ были, само собою разумѣется, страшно поражены смертью сына, единственнаго ихъ дитяти.

Пришла масляница 1866 года. Богатенковы устроили свою дурацкую процессію и были арестованы. Нѣсколько мѣсяцевъ — мѣсяца три, или и побольше, — они были оставляемы содержимыми подъ стражею въ самой Дубовкѣ.

Могла ли Воронина, узнавши объ ихъ арестѣ, не отправиться навѣстить ихъ? — Она порицала ихъ. Но могла ль она не навѣстить въ бѣдѣ женщину, которая такъ любила ее?

И отправилась Воронина навѣстить арестованныхъ Богатенковыхъ. Это посѣщеніе произвело на нее такое впечатлѣніе, что перевернулись ея мысли.

Извѣстно, какими находятъ арестованныхъ посѣщающіе ихъ родные или друзья: унылыми, тревожными, убитыми духомъ. То и ожидала увидѣть Воронина. И увидѣла совершенно противоположное: лица у Богатенкова и его жены спокойныя, свѣтлыя; не только Богатенкова, отъ природы расположенная говорить весело, живо, но и Богатенковъ, вообще склонный къ задумчивости, очень часто казавшійся Ворониной будто грустнымъ, поздоровались съ нею веселыми привѣтствіями. Она ошолбенѣла отъ удивленія. Опомнившись, она стала печально спрашивать ихъ, какъ же это, за что же это попали они въ такую бѣду. Богатенковъ показалъ рукою на стѣну арестантской комнаты, — разумѣется во многихъ мѣстахъ загрязненную, почернѣвшую, и сказалъ, дотрогиваясь до чистаго мѣста и до почернѣшаго: „Вотъ это бѣлое, а вотъ это черное. Ну, мы и выбрали, что намъ показалось бѣлое“. Только и сказалъ онъ въ объясненіе дѣла. Онъ и его жена не говорили больше ничего объ этомъ, стали вести съ своею посѣтительницею обыкновенный житейскій, беззаботный разговоръ: она должна была рассказывать имъ, что новаго въ Дубовкѣ, и всякія тому подобныя мелочи, о какихъ толкуютъ между собою люди, видящіеся часто, и не имѣющіе никакихъ важныхъ личныхъ дѣлъ или заботъ для предмета своего настоящаго свиданія и разговора.

Спокойные, свѣтлые, веселые встрѣтили Богатенковъ и его жена Воронину; такими оставались во время ея посѣщенія, такими остались и прощаясь съ нею.

Да что жъ это такое? думалось ей: какіе жъ это люди чувствуютъ себя счастливыми подъ стражею?

Отвѣтъ очень скоро нашелся въ ея мысляхъ. Онъ готовъ у всѣхъ русскихъ простолюдиновъ. Стало припоминаться ей, что слыхивала она о святыхъ мученикахъ и мученицахъ, страдавшихъ за Христа. Они бывали такіе спокойные и радостные въ темницахъ. Только они бываютъ такіе: Христосъ даетъ ихъ душѣ такую силу, внушая имъ, что ждетъ ихъ вѣчное блаженство.

Всякій русскій простолюдинъ, всякая русская простолюдинка, кому по ихъ

личнымъ привязанностямъ пришлось бы серьезно задуматься о вопросѣ, надъ которымъ пришлось задуматься Ворониной, быстро додумались бы до такого жъ отвѣта. У нихъ у всѣхъ въ головахъ лежитъ онъ готовый; лежитъ съ ихъ дѣтства готовый. Только не случается вообще имъ надобности искать его въ глубинахъ своей дремлющей рефлексіи, куда онъ вообще оттѣсненъ у нихъ обыденными житейскими дѣлами, заботами, развлеченіями. А когда иныхъ иной разъ и натолкнетъ какой нибудь случай припомнить эту готовую, но остающуюся въ забвеніи мысль, она промелькнетъ въ ихъ сознаніи на мигъ и снова тонетъ въ глубину забвенія, вытѣсняемая изъ сознанія обычнымъ стремленіемъ ихъ поверхностнаго, слабого размышленія сосредоточиваться исключительно на житейскихъ вещахъ, судить обо всемъ по всеобщей житейской рутинѣ, осуждающей, осмѣивающей все непрактичное.

Такъ осуждала и осмѣивала жизнь Боготенковыхъ въ землянкѣ вся Дубовка. Такъ порицала ихъ за эту жизнь и Воронина. Но теперь, взглянувши попристальнѣе, она не могла не увидѣть: то, что осуждала она, — дѣло святое.

Имѣй она кого нибудь, сколько нибудь образованнаго человѣка, хоть бы не болѣе образованнаго, чѣмъ какими бываютъ обыкновенные священники, или какими были прежде „бѣглые попы“, служившіе старообрядцамъ, — имѣй она кого нибудь такого, съ кѣмъ посовѣтоваться, не сдѣлалась бы она жертвою своего удивленія святости Боготенковыхъ. Но посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Она и ея мужъ были старообрядцы. Не знаю, старообрядцами ль, или Православными были отмѣчаемы они въ церковныхъ книгахъ. Я ужъ говорилъ, что я убѣжденъ: судебная власть не придавала тогда значенія той фикціи, по которой множество старообрядцевъ, родившихся, выросшихъ въ старообрядчествѣ и неотступно остававшихся въ немъ, были отмѣчаемы въ церковныхъ книгахъ, какъ Православные; я убѣжденъ, что ни Ворониной, никому изъ другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нею, нисколько не повредила эта фикція, если кто изъ нихъ, никогда не бывшихъ Православными, значились по церковнымъ книгамъ, какъ Православные. Судь, я убѣжденъ, былъ справедливъ. И не какія нибудь фикціи повредили имъ. Ихъ погубили факты; тотъ фактъ, что они были старообрядцы; и тотъ фактъ, что старообрядцы въ той мѣстности не имѣли тогда никого, сколько нибудь образованнаго человѣка, съ кѣмъ бы имъ посовѣтоваться о своихъ религіозныхъ влеченіяхъ.

Возвратившись отъ Боготенковыхъ, Воронина рассказала о впечатлѣніи, сдѣланномъ на нее этимъ посѣщеніемъ, Катеринѣ Чистоплюевой.

Мужья Ворониной и Чистоплюевой были двоюродные братья (Воронинъ былъ племянникъ матери Оомы Чистоплюева). Оба семейства были очень дружны между собою и видѣлись каждый день.

Подобно Ворониной, Катерина была дочь простолюдиновъ, жившихъ безъ нужды, но не имѣвшихъ денежныхъ запасовъ. У нея были женихи изъ зажиточныхъ, даже богатыхъ семействъ. Но она вышла за человѣка изъ такого же семейства, какъ ея родительское. Это потому, что онъ и его мать, — вдова, которая жила только въ-двоемъ съ нимъ, очень нравились матери Катерины. Мать Катерины рассчитывала, что жизнь ея дочери съ этимъ женихомъ и его матерью будетъ совершенно спокойною и очень счастливою.

Семейства жениха и невѣсты были оба старообрядческія. Но единственную

формой брака людей русской національности, имѣвшею тогда законное значеніе, было вѣнчаніе въ Православной церкви. Не вѣнчанные Православнымъ священникомъ люди русской національности не были юридически признаваемы за сожителствующихъ въ законномъ бракѣ. Изъ этого возникали для нихъ юридическія неудобства, иногда и бѣды. Мать жениха, хоть и усердная старовѣрка, не имѣла враждебности противъ Православія. Она не хотѣла, чтобъ ея сынъ и будущая его жена могли подвергнуться юридическимъ неудобствамъ, и пожелала, чтобъ они повѣнчались у Православнаго священника. Семейство невѣсты не имѣло возраженія противъ этого. Женихъ и невѣста пошли въ Православную церковь и повѣнчались въ ней.

Я полагаю, что по этому поводу они были отмѣчены въ церковныхъ книгахъ того прихода, какъ Православные. Но они говорятъ, что въ ихъ процессѣ не было упоминанія о томъ, что они были когда нибудь записаны въ числѣ людей Православнаго исповѣданія. Быть можетъ, они ошибаются: имъ плохо понятенъ дѣловой языкъ. Но быть можетъ, и дѣйствительно въ акты процесса не попалъ фактъ, что они были записаны въ „Обыскной книгѣ“ и во второй части „Метрической книги“ той церкви, гдѣ вѣнчались, какъ Православные. Справки о вѣроисповѣданіи брались въ тѣ времена изъ „Исповѣдныхъ книгъ“, а эти книги во многихъ приходскихъ церквяхъ ведены были не аккуратно. Быть можетъ, и не была перенесена въ нихъ отмѣтка, соответственная документу „Обыскной книги“, что Ома и Катерина Чистоплюевы повѣнчаны въ Православной церкви. — Впрочемъ, я полагаю, что эти справки изъ церковныхъ книгъ были индефферентны для суда. Я повторяю: я убѣжденъ, что судъ былъ справедливъ, и не обращалъ вниманія на то, къ какому вѣроисповѣданію причисляемы были по церковнымъ книгамъ люди, о которыхъ было всемъ извѣстно, что они никогда не были Православными, слѣдовательно и не могли быть серьезнымъ образомъ виновны въ отпаденіи отъ Православія.

Надежда, по которой Катерина, руководимая совѣтами своей матери, предпочла Ому Чистоплюева другимъ своимъ женихамъ, вполне осуществилась. Въ семействѣ состоявшемъ только изъ трехъ лицъ, — Омы и Катерины, и матери Омы, владычествовало, ненарушимо ни малѣйшими неудовольствіями, самое счастливое согласіе, самое нѣжное семейное чувство. Мать Омы любила Катерину, какъ родную дочь. Ома и Катерина страстно любили другъ друга. Катерина была всею душою предана матери мужа.

И матеріальное положеніе семейства было, по размѣру надобностей простонароднаго образа жизни, превосходное.

У Чистоплюевыхъ былъ хорошенкій маленькій домикъ, въ той части Дубовки, гдѣ жили исключительно люди небогатые. Катерина была заботливая и искусная хозяйка. Доходы семейства были, для людей простонароднаго образа жизни, очень большіе. Ома былъ рыбакъ. Онъ арендовалъ одно изъ рыболовныхъ мѣстъ, принадлежащихъ посаду Дубовкѣ. Въ періодъ главнаго улова, продолжающійся недѣль шесть, много два мѣсяца, выручилось у Омы за пойманную рыбу, по вычетѣ всехъ издержекъ, рублей сотъ пять въ плохой годъ; въ хорошій больше. Когда время главнаго улова рыбы кончалось, Ома принимался за лоцманство. И въ этомъ, онъ былъ мастеръ. За рейсъ отъ Дубовки до Астрахани платили ему рублей до шестидесяти. Онъ успѣвалъ сдѣлать два рейса въ навиг-

гацию. Купцы знали его за человѣка безусловной честности, потому подверглось ему кстати получать и какія нибудь торговыя порученія въ Астрахань.

Такимъ образомъ, семейство рабочихъ людей, состоявшее только изъ трехъ лицъ, и жившее въ собственномъ домикѣ, имѣло въ годъ не меньше — обыкновенно, довольно много больше — шести сотъ чистаго дохода. Разумѣется, оно жило въ прекрасномъ изобиліи. — „Богаты мы не были, но жили такъ, какъ дай Богъ жить всѣмъ добрымъ людямъ“, говорятъ Чистоплюевы.

Катерина была въ дѣвушкахъ первымъ лицомъ въ хороводахъ той части Дубовки. Вышедши замужъ, осталась душою развлеченій, какія въ Дубовкѣ считались хорошими для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Когда прошла пора первой молодости, она стала душою солидныхъ развлеченій немолодыхъ женщинъ. Гдѣ была она, тамъ было веселье. — „Усердная была я работница: но и веселиться любила; и много веселилась“, говоритъ она о себѣ. — Между прочимъ, славилась она въ той части Дубовки, какъ самая лучшая пѣвица.

Всѣ трое — она, ея мужъ, его мать — были люди, добрые къ нуждающимся, и употребляли довольно значительную долю своихъ денегъ на пособіе бѣднымъ. Все остальное проживали, потому что и мужъ и мать его рады были дѣлать все, какъ хотѣлось Катеринѣ, а у Катерины былъ такой характеръ, что не приходилось ей и имъ скупиться на хлѣбосольство. Въ знакомствахъ своихъ, они не разбирали, кто старообрядцы, кто Православные: лишь былъ бы честный человѣкъ, то и нравился имъ. — „Не копили мы денегъ, за то, жили мы въ свое удовольствіе“, говорятъ Чистоплюевы.

Мужъ и жена страстно любили другъ друга. И оба были хорошаго роста, крѣпкаго сложенія, онъ даже атлетическаго. А между тѣмъ, дѣтей у нихъ не было. На мой вопросъ: почему не было у нихъ дѣтей? — сдѣланный Чистоплюеву, когда однажды случилось мнѣ застать его одного, безъ женщинъ, онъ отвѣчалъ: „воля Божія была такая“. Онъ, его жена, его мать, всѣ ихъ родные довольствовались такимъ пониманіемъ дѣла. Всякому, хоть немножко знакомому съ физиологіею и патологіею, извѣстно, въ чемъ состоитъ обыкновеннѣйшая причина безплодія брака, если супружеская чета — люди живущіе согласно, правильно сложенные, потому люди такіе, у которыхъ слѣдовало бы быть дѣтями. Я сталъ разспрашивать Чистоплюева, не было ли у его жены какого нибудь расстройства. Онъ отвѣчалъ: нѣтъ. Я объяснилъ ему, что если такая чета, какъ онъ и его жена, не имѣютъ дѣтей, обыкновенная причина тому, какая нибудь внутренняя болѣзнь жены, изъ разряда тѣхъ женскихъ болѣзней, признаками которыхъ бываютъ страданія въ родѣ аменорреи, дисменорреи или чего нибудь подобнаго. Конечно, я объяснилъ ему это словами простыми, такъ что онъ понималъ ихъ. Но онъ сказалъ мнѣ, у его жены ничего такого не было. Когда я засталъ въ другой разъ его одного, онъ сказалъ мнѣ, что онъ спрашивалъ о томъ у жены, она подтвердила ему: да онъ отвѣчалъ мнѣ правильно, ничего такого никогда не было у нея. — Черезъ нѣсколько времени, рассказывая что-то о томъ, какъ вела свое хозяйство, она случайно упомянула, что какое-то спѣшное хозяйственное дѣло пріостановилось у нея на два или на три дня, потому что она провела эти дни въ постели. Я спросилъ: часто ли случалось ей проводить въ постелѣ по два, по три дня. — Она отвѣчала: часто. — Я спросилъ: — „Чтожь такое это бывало съ вами, Катерина Николаевна?“ — Она отвѣчала: — „Ты старикъ, я старуха, то могу

сказать тебѣ прямо. Чать я женщина“. — „Неужели жъ каждый мѣсяцъ вы страдали?“ — „Каждый мѣсяцъ“. — „А я спрашивалъ объ этомъ у Оумы Павловича. онъ сказалъ: у васъ не было никакого разстройства и вы подтвердили ему. что онъ отвѣчалъ мнѣ правильно“. — „Извѣстно, у меня и не было никакого разстройства. Иной мѣсяцъ, и въ постели не лежала“. — „Но страданіе было каждый мѣсяцъ?“ — „Ну, да: такъ что? Стоило объ этомъ думать. Чать я женщина; это у многихъ такъ“. — „Всѣ тѣ женщины, у которыхъ это соединено съ довольно замѣтнымъ страданіемъ, больны“. — Она и ея мужъ, и его тетка, всѣ трое удивились. — „Отъ этого-то и дѣтей-то у васъ не было, Катерина Николаевна“. — Всѣ трое изумились, и долго не могли убѣдиться, что я говорю справедливо: такіе пустяки — болѣзнь. И эта болѣзнь причина тому, что не было дѣтей. — Это были совершенныя новости для нихъ.

Всякому, сколько нибудь знакомому съ патологіею, извѣстно, какія вліянія на нервную дѣятельность оказываютъ тѣ разстройства организма, симптомами которыхъ служатъ аменоррея, дисменоррея и тому подобныя неправильности періодическихъ функцій ея. Катерина Чистоплюева часто чувствовала въ себѣ странное для нея настроеніе печалиться изъ за мелочей, радоваться мелочамъ: — „Сама бывало понимаешь: не стоитъ огорчаться, а слезы такъ и льются, и осуждаешь себя и дивишься себѣ, а удержаться не можешь: плачешь и плачешь, хоть вовсе не надъ чѣмъ плакать. А то, безо всякой причины смѣешься, точно ребенокъ“. — Когда я сказалъ, что это было отъ ея болѣзни, она, разумѣется, изумилась.

Дѣло дошло до того, что у нея явились галлюцинаціи. Она была женщина чистой нравственности, счастливая любовью къ мужу, потому ея галлюцинаціи не могли быть фривольными, должны были имѣть благородное содержаніе. Она была женщина съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, и какъ безграмотная простолюдинка, знала лишь одну сферу идеальныхъ стремленій, религіозную. Потому и галлюцинаціи ея имѣли религіозный характеръ. — У католиковъ, религіозныя галлюцинаціи часто имѣютъ своимъ содержаніемъ участіе въ блаженствѣ райской жизни. Русскимъ простолюдинамъ рѣдко случается грезить въ этомъ направленіи. Имъ болѣе привычны мысли о козняхъ діавольскихъ, о нечистой силѣ, о врагѣ рода человѣческаго, который, по извѣстному имъ всѣмъ тексту, „ходитъ какъ левъ, ищущій поглотить“. Въ этомъ и состояли галлюцинаціи Катерины Чистоплюевой. Особенно часто рисовались ей двѣ грезы. Одна изъ этихъ обыкновенныхъ ея галлюцинацій была та, что передъ нею стоитъ левъ съ разинутую пастью, и хочетъ проглотить ее. Другая была та, что всѣ стѣнныя комнаты, въ которой она, покрыты множествомъ громадныхъ нечистыхъ насѣкомыхъ, въ особенности пауковъ гигантской величины: каждый паукъ величиною съ кулакъ, или больше. „Сама я понимаю, бывало, что можетъ быть, это не въ самомъ дѣлѣ живые пауки, или настоящій левъ, а только мерещится мнѣ это; но только видишь это передъ своими глазами такъ неотступно, что не можешь отвязаться отъ мысли: нѣтъ, не то что представляется это мнѣ на яву, все равно, будто сонъ, а въ самомъ дѣлѣ это я вижу дьявола въ образѣ льва, поганныхъ бѣсовъ вижу въ образѣ пауковъ и всякой гадины. Стараюсь разогнать свой страхъ и думаю, что если бы удалось мнѣ одолѣть его, то и пропало бы все это изъ моихъ глазъ, но нѣтъ, не могу совладѣть съ собою, одолѣть свой страхъ, и вижу все это совсѣмъ такъ, какъ вижу всякую настоящую вещь“, — говоритъ она, рассказывая о времени

своихъ галлюцинацій. Наконецъ, однажды, она превозмогла оцѣпенѣніе своего ужаса, сказала себѣ: „попробую, что это такое: въ самомъ ли дѣлѣ это живое, или это только такъ представляется мнѣ“. Галлюцинація, представлявшаяся ей тогда, была та, что на стѣнахъ сидятъ и ползаютъ огромныя пауки. Она подошла къ стѣнѣ, и рѣшила: „ударю я кулакомъ этого паука, котораго ловко мнѣ ударить, я его расшибу кулакомъ; и посмотрю будетъ ли мокреть на кулакѣ, будетъ кулакъ мокрый, то значить, паукъ былъ въ самомъ дѣлѣ живой, а останется кулакъ сухимъ, значить было пустое мѣсто, гдѣ представлялся мнѣ паукъ“. Она ударила кулакомъ по пауку, — паукъ исчезъ, а кулакъ остался сухимъ. Она взглянула по всей стѣнѣ, по другимъ стѣнамъ—нигдѣ больше не было пауковъ: всѣ они исчезли. — „Я и увѣрилась, что ничего не было въ самомъ дѣлѣ, а только представлялось мнѣ такъ. И послѣ ужъ не мерещилось мнѣ, избавилась я отъ этого“, — рассказывала она мнѣ.

Само собою разумѣется, она полагаетъ, что эти видѣнія были наводненіемъ дьявольскимъ. Испушать ее дьяволъ не имѣлъ силы, потому что ничего грѣшнаго въ ея сердцѣ не было, то вотъ, за невозможностью испушать, врагъ всѣхъ честныхъ людей вымѣщаль на ней свою досаду за ея неправящуюся ему честную жизнь, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что пугалъ ее.

Всѣ трое, — она, ея мужъ, его мать были люди очень религіозные. Но положеніе дѣлъ въ старообрядцествѣ того края было таково, что старообрядцамъ, живо интересовавшимся мыслями о своемъ душевномъ спасеніи, приходилось много задумываться о способахъ достигъ спокойствія душевнаго. Главныя центры религіознаго назиданія старообрядцевъ юго-восточнаго края Европейской Россіи, Ирѣзскіе монастыри, были переданы въ завѣдываніе Православной іерархіи. Бѣглые священники, странствовавшіе прежде по Саратовской и сосѣднимъ губерніямъ, и совершавшіе богослуженіе для старообрядцевъ въ мѣстахъ ихъ жительства, исполнявшіе для нихъ церковныя „требы“, при случаяхъ безопасной жизни хоть по нѣскольку дней въ одной мѣстности и разъяснявшіе хоть сколько нибудь ихъ религіозныя вопросы, почти совершенно исчезли около времени закрытія Ирѣзскихъ монастырей для старообрядчества. Не только церковей для совершенія литургіи, не только священниковъ для ея исполненія не стало у старообрядцевъ, не только некому стало совершать для нихъ такія требы, которыя по ихъ ученію (одинаковому въ этомъ да и во всемъ, кромѣ маловажныхъ разницъ, съ Православнымъ) могутъ быть совершаемы только священниками (каковы вѣнчаніе браковъ, исповѣдь, причащеніе), но не стало у нихъ и простыхъ „часовенокъ“, въ которыхъ бы собираться хоть однимъ мірянамъ безъ священника и исполнять хоть тѣ церковныя службы, которыя по ихъ (и по Православному) ученію могутъ, при неимѣніи священника, читать и пѣть въ-слухъ для собравшихся вѣрующихъ простые міряне (таковы, въ сущности, всѣ церковныя службы, кромѣ важнѣйшей изъ нихъ всѣхъ литургіи). Не только часовенокъ для такихъ собраній на молитву болѣе или менѣе многочисленнымъ обществомъ не стало, но было не безопасно сходитьсѣ на молитву хотя бы двумъ, тремъ сосѣднимъ семействамъ въ какую нибудь совершенно обыкновенную комнату въ домѣ одного изъ нихъ.

Понятно, что при такомъ состояніи вещей, масса Дубовскихъ старообрядцевъ, почти вся сплошь безграмотная, скоро стала очень оскудѣвать знаніями о своей вѣрѣ, запасъ которыхъ и прежде былъ у нея не великъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ стала

раздробляться въ своихъ способахъ молиться Богу. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ считали необходимою добыть себѣ откуда бы то ни было хоть какихъ нибудь священниковъ, и для этого рѣшились войти въ сношенія съ старообрядческою іерархіею, существовавшею тогда въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ. Но огромное большинство разсудило, что эти сношенія съ духовенствомъ чужаго государства дѣло слишкомъ опасное, да и не еретики ли Бѣлокриницкіе люди, называющіе себя держащимися старой вѣры? — было сомнительно, чиста ли ихъ вѣра. Потому, громадное число старообрядцевъ Дубовки и сосѣднихъ съ нею мѣстъ не захотѣло имѣть никакихъ отношеній къ Бѣлокриницкой іерархіи, и прозвало „перешедшими въ австрійскую вѣру“ тѣхъ немногихъ, которые или успѣли, или — не успѣвали, только хлопотали — войти въ сношенія съ нею. Это громадное большинство, не хотѣвшее и слышать о Бѣлокриницкой іерархіи, осталось не только безъ священниковъ, но и безъ надежды имѣть ихъ.

Натурально, что безнадежность имѣть священниковъ должна была вести это большинство старообрядцевъ къ мысли, что въ священникахъ нѣтъ непремѣнной надобности для ихъ душевнаго спасенія. Не могли жъ они, считавшіе себя дѣтьми истинной церкви Христовой, отчаяться въ своемъ спасеніи изъ за того обстоятельства, что лишены они священниковъ. Сколько я могу разобрать, эти люди не отклонялись отъ старообрядчества въ собственномъ смыслѣ слова, не пошли въ своихъ мысляхъ ни по какому изъ тѣхъ путей, которыми прежде выдѣлялись изъ „старообрядчества, приѣмлющаго священство“, разныя сектантскія вѣроученія „не приѣмлюція священства“, въ родѣ, напримѣръ, „поморцевъ“. Нѣтъ, они остались, сколько я могу разобрать смутныя данныя о нихъ, какія попадались мнѣ въ книгахъ и статьяхъ объ этомъ предметѣ, вообще сбивчивыхъ и нелѣпыхъ, и сколько я могу понять путаницу мыслей моихъ друзей, — они, огромное большинство старообрядцевъ, къ которому принадлежали прежде мои друзья, остались „старообрядцами, приѣмлющими священство“, остались людьми своей наслѣдственной привычной вѣры, во всемъ, кромѣ немногихъ и совершенно маловажныхъ различій, одинаковой съ Православнымъ вѣроученіемъ. Они только принуждены были не зависѣвшею отъ ихъ воли невозможностью имѣть священниковъ утѣшать себя упованіемъ, что Богъ, по милосердію своему, не лишитъ царствія небеснаго тѣхъ между ними, которые будутъ заслуживать душевнаго спасенія жизнью своею, — не лишитъ царствія небеснаго достойныхъ его, хоть и живутъ они, не имѣя священниковъ.

Такою оставались, сколько я могу разобрать, вся масса старообрядцевъ Дубовки и сосѣднихъ мѣстностей, за исключеніемъ немногихъ отдѣльных лицъ, вступившихъ или желавшихъ вступить въ сношенія съ Бѣлокриницкою іерархіею, и прозванныхъ на языкѣ этой массы перешедшими въ „австрійскую вѣру“. Она оставалась держащейся „старообрядчества, приѣмлющаго священство“, только утѣшающею себя упованіемъ, что возможно спасеніе для истинно вѣрующихъ и при немѣннѣй священниковъ. Изъ этой массѣ принадлежали и мои друзья.

Но какъ слѣдуетъ молиться? По вопросу о томъ, эта масса дробилась, приходя къ разнымъ отвѣтамъ, по различію человѣческихъ понятій о правилахъ житейскаго благоразумія. Нѣкоторые полагали, что они не нарушаютъ правилъ благоразумія, если будутъ собираться по нѣскольку семействъ для молитвы въ обыкновенной комнатѣ. Правда, это не исполнѣ безопасно. Но рискъ быть уличен-

ными въ томъ не великъ. А если какъ нибудь и попадешься, то не тяжкимъ же бѣдамъ подвергнешься: потерпишь неприятности, но мимолетныя и мелкія. И въ домъ кого нибудь изъ думавшихъ такъ собирались по нѣскольку семействъ думавшихъ подобно ему сосѣдовъ, помолиться вмѣстѣ. Тутъ или обыкновенно, или по крайней мѣрѣ часто, находился какой нибудь грамотный человѣкъ, и читалъ, пѣлъ по „Псалтырю“, или „Часослову“, по какой другой, какая была подъ руками, богослужебной книгѣ.

Но были люди, разсуждавшіе иначе. Что запрещено, то запрещено. Дѣлать запрещенное не годится. Запрещено собираться для молитвъ, то и не слѣдуетъ собираться. Къ такимъ людямъ принадлежала мать Ѳомы Чистоплюева. Она не ходила ни въ какія молитвенныя собранія своихъ одновѣрцевъ. Молилась у себя дома, когда никакихъ посѣтителей или посѣтительницъ у нея не было. Ѳома Чистоплюевъ уважалъ мать, слушался ея, и воспитанный въ ея правилахъ, тоже находилъ неблагоразумнымъ бывать въ молитвенныхъ собраніяхъ; не посѣщалъ ихъ никогда. Катерина, когда вышла за него замужъ, имѣла только шестнадцать лѣтъ. Натурально, она стала слѣдовать мнѣнію и примѣру любимыхъ ею мужа и его матери.

У русскихъ простолюдиновъ молиться дома болѣе или менѣе продолжительное время находятъ досугъ вообще только старики и старухи, сложившіе заботу о добываніи куска хлѣба и о домашнемъ хозяйствѣ на дѣтей. Тѣмъ, кто въ силахъ работать, недосугъ долго молиться. Разумѣется, въ тѣхъ старообрядческихъ семействахъ рабочаго класса, которыя по нежеланію дѣлать запрещенное, не ходили въ собраніе своихъ единовѣрцевъ для общественныхъ молитвъ, молодые люди молились у себя дома лишь по нѣскольку минутъ въ день. Такъ было это и въ семействахъ Чистоплюевыхъ. Мать, пожилая женщина, вкорѣ ставшая и вовсе старухою, была избавлена женою сына отъ обремененія хозяйственными безконечными хлопотами, имѣла досугъ для продолжительнаго моленія. Сынъ и его жена съ молодости привыкли къ тому, чтобъ употреблять на молитву мало времени.

Всѣ трое они не умѣли читать. У той части ихъ безграмотныхъ одновѣрцевъ, которая посѣщала общественныя молитвы, могло хотъ немножко поддерживаться, какое было прежде маленькое, скудное знаніе своего вѣроученія: въ богослужебныхъ книгахъ попадаются мѣста, относящіяся къ догматикѣ; а въ общественныхъ молитвахъ читалось же что нибудь хотъ изъ „Служебника“, или „Часослова“, или „Псалтыря“. Но тѣ изъ безграмотныхъ семействъ, которыя молились только одиноко, дома у себя, разумѣется, забывали мало по малу подлинныя слова длинныхъ молитвъ; а переиначивать выраженія церковныхъ молитвъ дѣло непозволительное, по убѣжденію русскихъ простыхъ людей. Чтобы не грѣшить, переиначивая или перепутывая длинныя молитвы, они переставали произносить ихъ, по мѣрѣ того, какъ перестали быть умѣренными, что съ совершенною точностію помнится имъ та или другая изъ длинныхъ молитвъ. У многихъ дѣло доходило до того, что насколько хватало у нихъ усердія молиться, хотъ бы на нѣсколько часовъ къ ряду, они молились повторяя все это время только одну, самую коротенькую, молитву, такъ называемую „молитву Иисову“ (по ортографіи книгъ Православной церкви, „Иисусу“), то есть: „Господи Иисусе (Иисусе) Христе, Сыне Божій, помилуй насъ:“ И у матери Ѳомы Чистоплюева эта молитва составляла дна почти все содержаніе ея—хотъ и продолжительныхъ—моленій къ Богу.

Возьметъ старушка лѣстовку (простонародныя четки), и перебираетъ узелки лѣстовки (соотвѣтствующіе зернамъ четокъ), на каждомъ узелкѣ повторяя: „Господи Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ“. — Понятно, много ли могло удержаться въ ея памяти изъ прежняго — конечно, никогда не бывшаго значительнымъ — запаса свѣдѣній о вѣроученіи, которое находила она истиннымъ, когда лѣтъ пятнадцать, двадцать вся поддержка сохраненію ея прежнихъ свѣдѣній въ ея памяти ограничивалась повтореніемъ этихъ семи словъ: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“.

Она употребляла много времени на то, чтобы молиться, какъ доставало у нея умѣнья молиться, при ея безграмотной безпомощности. Ея сынъ и его жена, подобно всѣмъ другимъ занятымъ работою простымъ русскимъ людямъ, считали достаточнымъ употреблять на свои домашнія моленія по нѣскольку минутъ.

Но и они были люди съ очень живымъ религіознымъ чувствомъ. О Катеринѣ, — о человѣкѣ, имѣвшемъ даже видѣнія, — нечего и распространяться, сильно ли, горячо ли было ея религіозное чувство. Ея мужъ до религіозныхъ галлюцинацій не доходилъ. Стало быть, о его религіозности не излишними будутъ подробности, совершенно излишнія относительно его жены, о религіозности которой есть такой фактъ, какъ ея видѣнія.

Съ дѣтства Ома Чистоплюевъ „не осквернялъ своихъ устъ“ никакими грубыми, площадными словами, какія оставили въ наслѣдство Русскому народу сквернословцы татаре, господствомъ своимъ такъ много испортившіе насъ. Съ дѣтства онъ приучилъ себя „не божиться“, по заповѣди; „не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“, эта заповѣдь значить: не божись, объяснялъ онъ мнѣ. До женитьбы онъ, имѣвшій атлетическое сложеніе, держалъ себя какъ скромная дѣвушка. А онъ женился на двадцать второмъ году. — „Видишь ли, мой другъ, есть заповѣдь: не любодѣйствуй“, — объяснялъ онъ мнѣ: — стало быть, и не годится этого дѣлать. Ну я и не дѣлалъ“. — Довольно этого, чтобы судить о его религіозности.

Онъ былъ не прочь принимать участіе въ развлеченіяхъ своего круга знакомыхъ. Но больше склонности имѣлъ онъ участвовать въ солидныхъ бесѣдахъ людей, которые въ томъ кругу считались умными, ведущими поучительные разговоры. Почти всѣ сплошь, эти почтенные мудрецы изъ рабочаго класса, были безграмотные. Предметомъ ихъ поучительныхъ разсужденій была по преимуществу нравственная жизнь: и само собою разумѣется, они судили обо всемъ съ религіозной точки зрѣнія. И конечно, главными авторитетами между ними были старики, одряхлѣвшіе отъ долготѣйшей трудной работы, сдавшіе хозяйство на руки дѣтямъ, или, если бездѣтныя, то питавшіеся кое какъ или крохами, какія собирали себѣ трудами своими, или жившіе, какъ живутъ птицы небесныя: нынѣ пошлетъ Богъ кусочекъ здѣсь, завтра тамъ: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, кормятъ немущихъ добрые люди.

Были между ними и старообрядцы, и православные; тѣ и другіе обо всемъ душевнеспасительномъ разсуждали совершенно одинаково. Да и дѣйствительно: всѣ разницы между Православіемъ и старообрядчествомъ относятся лишь къ той области внѣшнихъ принадлежностей богослуженія, которая называется въ богословіи областью „безразличныхъ для вѣроученія предметовъ“, *adiaphora*. Ни въ догматикѣ, ни въ ученіи о нравственности, старообрядчество ничѣмъ не отличается отъ Пра-

нославія. А тутъ, люди бесѣдовали о душевномъ спасеніи; никакихъ разнорѣчій между старообрядцами и Православными по вопросамъ этого рода быть не могло.

И набрался изъ этихъ назидательныхъ бесѣдъ Ѳома Чистоплюевъ всей той душеспасительной мудрости, какою обладали благочестивые старцы, старообрядцы и Православные. О характерѣ и достоинствѣ этихъ душеспасительныхъ свѣдѣній можетъ дать совершенно достаточное понятіе притча, которую онъ рассказывалъ мнѣ съ благоговѣніемъ къ необыкновенной полезности ея для души. Вотъ она:

Жилъ былъ богатый человѣкъ; и былъ у него прекрасный садъ. А самъ онъ былъ человѣкъ добрый. Вотъ однажды, встрѣтились ему старичекъ со старушкою, бѣдные люди, мужъ и жена. Онъ и отвелъ ихъ въ свой садъ, сказалъ имъ: „Живите тутъ; пользуйтесь всемъ: только вотъ эту клѣточку не отворяйте“, — показалъ имъ, виситъ клѣточка: какъ есть, клѣточка, только стѣночки у нея не рѣшетчатая, а изъ цѣльныхъ дощечекъ, такъ что не видно, что такое въ ней. И было старичку со старушкою очень хорошо жить въ саду. Только любопытно было имъ заглянуть, что такое въ клѣточкѣ. Они и не утерпѣли, отворили дверку, заглянуть въ клѣточку. А въ клѣточкѣ сидѣли воробушки. Какъ отворили дверку старичекъ со старушкою, воробушки и выпорхнули изъ клѣточки. — „Ахъ, ахъ“, заохали старичекъ со старушкою; ну да ужъ поздно ахать: выпустили воробушковъ, то не поймашь. Пришелъ хозяинъ, посмотрѣлъ въ клѣточку, анъ воробушковъ ужъ нѣтъ въ ней. Онъ и сказалъ старичку со старушкою: „Вы не послушались моихъ словъ, заглянули въ клѣточку, то и ступайте вонъ изъ моего сада“. Ну и выгналъ ихъ изъ своего сада.

Выслушавши притчу, я сказалъ: — „Ѳома Павловичъ, эта притча передѣлана изъ того, что говорится въ Священномъ Писаніи объ Адамѣ и Евѣ, и о томъ, какъ они были изгнаны изъ рая. Вы знаете, какъ рассказывается объ этомъ въ Священномъ Писаніи?“ — Онъ сказалъ: — „Знаю“. — „То видите, Ѳома Павловичъ, въ той притчѣ взято это самое, только передѣлано такъ, что вышла сказочка“. — Эта мысль не приходила ему въ голову. Подумавши, онъ согласился: дѣйствительно такъ.

Для знакомыхъ съ источниками, изъ которыхъ наше безграмотное просто-народье почерпаетъ дополнительные свѣдѣнія, какими обогащаетъ наслѣдованную отъ предковъ сокровищницу своей мудрости, ясно откуда заимствована въ притчѣ клѣточка со стѣнками изъ цѣльныхъ дощечекъ, плотными такъ, что нельзя заглянуть въ нее иначе, какъ открывши ее. Какойнибудь благочестивый старичекъ, дядька или камердинеръ, конца прошлаго или начала нынѣшняго вѣка, когда однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ великосвѣтскихъ семействахъ была міеологія, необходимая для пониманія тогдашней поэзіи, смѣшалъ, какъ маленькій барченочъ заучиваетъ миѳъ о Пандорѣ. Помнилось ему что-то смутное объ Адамѣ и Евѣ; въ его мысляхъ слилось это съ миѳомъ, понравившимся ему. Припомнилась ему народная наша поговорка: „выпустишь изъ клѣтки воробья, не поймашь“. И обратился у него ищичекъ Пандоры въ клѣточку съ воробушками. Понравилась его назидательная исторіяка другимъ благочестивымъ старичкамъ, и приспособили они ее къ своему обычному собесѣдованію, въ которомъ главные герои и героини — старички и старушки, сдѣлавъ изъ Эпиметя и Пандоры, — молодыхъ людей, по миѳу, — старичка и старушку. Приобрѣтеніе старческаго возраста героемъ и героинею притчи было тѣмъ неизбѣжнымъ, что разумѣется

не могъ же тотъ камердинеръ или дядька удержать въ памяти имена Пандоры и ея мужа; то и надобно было обозначить безыменныхъ героя и героиню хоть какою нибудь квалификаціею.

Но, что жъ имѣеть несогласнаго съ Православіемъ ли, старообрядчествомъ ли, или какимъ другимъ вѣроисновѣданіемъ премудрая притча о старичкѣ со старушкою и о клѣточкѣ съ воробушками?—Совершенно ничего.

Такова-то и вся премудрость нашихъ безграмотныхъ простолюдиновъ, охотниковъ до назидательныхъ собесѣдованій. Это смѣшная и жалкая, ребяческая путаница кое какихъ обрывковъ изъ библіи, изъ Чети-Миней, изъ народныхъ поговорокъ, изъ обыденныхъ приключеній простонародной жизни, изъ всего иной разъ неглубаго, иной разъ безтолковаго, что случится услышать тому или другому безграмотному набожному старичку, той или другой богомольной безграмотной старушкѣ; путаница жалкая, и въ суммѣ своей безсвязицы безтолковая; но—совершенно невинная, и возбуждающая только состраданіе къ темнымъ нашимъ русскимъ безграмотнымъ людямъ, умственная жизнь которыхъ питается такою ребячески сумбурною болтовнею.

Катеринѣ, при ея живомъ, дѣятельномъ характерѣ, были скучны монотонныя бесѣды старичковъ, нравившіяся ея мужу. Смѣясь, говорила она мужу, что надѣли ей его пріатели, и если онъ будетъ продолжать водиться съ ними, то она „попроситъ матушку“—его мать „выгнать его изъ дому“. — „Ты не надѣйся на то, что не я дочь ей, а ты ея сынъ“, — говорила Катерина, смѣясь:— „Она тебя на меня не промѣняетъ“. Мать, смѣясь, подтверждала, что дѣйствительно, если Катерина попроситъ ее, то она прогонитъ сына съ его старичками изъ дому. Шутки шутками, но Оома поддавался насмѣшкамъ жены и матери надъ скучнымъ для нихъ назидательнымъ пустословіемъ; и благодаря тому, оставался обыкновеннымъ здравомыслящимъ человѣкомъ.

Но Катерина и, подъ ея вліяніемъ, мать Оомы смѣялись только надъ тѣмъ, что находили празднословіемъ. Спасеніе души не въ словахъ, а въ дѣлахъ, думала Катерина и усердно соблюдала тѣ житейскія правила, которыя считала установленіемъ истинной вѣры. Мужъ и его мать слѣдовали ея примѣру. Главными предметами ея душеспасительныхъ заботъ были затрудненія разобрать хорошенько, каковы правила истинной вѣры относительно нѣкоторыхъ обычаевъ ѣды и питья. Почти всѣ старообрядческія семейства въ Дубовкѣ и ея окрестностяхъ ѣли картофель, пили чай, а кое кто изъ тѣхъ, у кого были средства, пили кофе. Хорошо ли это?—Набожные старички, хотъ и расположены были говорить, что это не хорошо, но вообще плохо исполняли свои совѣты другимъ въ собственной практикѣ; да и не были ихъ разсужденія авторитетны для Катерины: слишкомъ много пустаго, или и вовсе глупаго, говорятъ эти старички, находила она.

Напримѣръ, возстаютъ противъ всякаго веселья, противъ самыхъ невинныхъ, честныхъ развлеченій. А Христосъ развѣ такъ училъ? Онъ самъ бывалъ на сватбахъ, гдѣ славно пировали и веселились. Честное веселье положено отъ самого Бога человѣку въ отдыхъ отъ труда, въ награду за чистоту сердца. Какъ же, развѣ не сказано: „Возвеселится праведникъ о Господѣ“?—Старички толкуютъ о монашествѣ, что въ немъ самое лучшее угожденіе Богу. Это ужъ вовсе не хорошо, учить мужей, чтобъ они бросали женъ; женъ—чтобъ онѣ бросали мужей, внушать отцамъ и матерямъ такія мысли, при которыхъ дѣти будутъ

брошены безъ призору. Много глупаго въ словахъ старичковъ, а жизнь у многихъ изъ нихъ зазорная. На ихъ разсужденія полагаться нельзя; по крайней мѣрѣ безъ разбору своимъ умомъ нельзя полагаться, — думала Катерина и внушала мужу и его матери думать такъ. Но вотъ что, по ея мнѣнью, было неоспоримо справедливо въ словахъ всѣхъ вообще людей, и людей старой вѣры, и Греко-Россійскихъ людей (то есть, Православныхъ): въ прежнія времена вѣра была чище. Какъ же не такъ?—Въ прежнія времена сколько было святыхъ?—И перечестъ нельзя. А нынѣ, много ли ихъ?—Вовсе не видать. Добрыхъ людей и нынѣ много: только, должно быть, все таки они не то, каковы бывали люди прежде: нѣтъ между ними святыхъ. Да и что тутъ говорить много? Всѣ, и Греко-Россійскіе и люди старой вѣры согласны: въ старину вѣра была чище. Хорошо, такъ вотъ на примѣрѣ прежнихъ людей и слѣдуетъ основываться въ разборѣ того, хорошо ли ѣсть картофель и пить чай. О кофе и раздумывать нечего: кофе почти никто и изъ нынѣшнихъ людей старой вѣры не пьетъ; стало быть онъ очень грѣшное питье. Но о картофелѣ чему учить примѣръ прежнихъ людей?—Они не ѣли его. Чаю тоже не пили. Вопросъ о картофелѣ былъ совершенно ясенъ для Катерины, а черезъ нея и для мужа. А старухѣ матери было, разумѣется, все равно, имѣть или не имѣть лишнюю приправу къ щамъ. Такимъ образомъ, все семейство не употребляло картофеля; непоколебимо не хотѣло употреблять. Напрасно родственницы и пріятельницы подсмѣивались за это надъ Катериною: „У тебя въ огородѣ не былъ посаженъ картофель, тебѣ приходилось бы покупать его, а тебѣ жаль денегъ; напрасно скупилъ: онъ продается дешево. Ну, да Богъ съ тобою, скупись, когда скупилъ; такъ и быть, привеземъ тебѣ, подаримъ мѣшка два, три картофеля“. Но Катерина отшучивалась, какъ могла, и оставалась твердою послѣдовательницею прежнихъ людей, не ѣвшихъ картофеля. Вопросъ о чаѣ былъ для нея менѣе ясенъ. Правда, и чаю не пили, какъ не ѣли картофеля, прежніе люди. Но картофеля не ѣли они потому, что не хотѣли употреблять его. Картофель всегда росъ въ Россіи; Катерина была убѣждена, что картофель растетъ въ Россіи изъ-поконъ вѣку, подобно пшеницѣ или овсу. Чай, иное дѣло. Онъ сталъ извѣстенъ русскимъ недавно. Въ Дубовкѣ еще живы были старики и старухи, помнившіе время, когда и слуха о чаѣ не было. Почему жъ не пили чаю святые люди старыхъ временъ? Быть можетъ, только потому, что не было его тогда въ лавкахъ, а не потому, что пить его грѣшно. Быть можетъ, не грѣшно пить его. Быть можетъ, святые пили бѣ его, слибъ онъ былъ въ ихъ времена извѣстенъ Русскимъ. Словомъ: дѣло о чаѣ мудреное. Мысли Катерины колебались и въ ту, и въ другую сторону. Вообще, она склонялась къ мнѣнью, что безопаснѣе для души не пить чаю. И, въ-слѣдъ за нею, мужъ и его мать переставали пить чай. Однажды это длилось чуть ли не цѣлый десятокъ лѣтъ. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго иной разъ и очень долгаго воздержанія отъ питья чаю, Катериною овладѣвало мнѣніе: да это пустяки, что пить чай грѣшно. Тогда все семейство принималось пить чай впредь до противоположной перемѣны въ мысляхъ Катерины.

Такъ дожили они до 1866 года. Катеринѣ было въ этомъ году ужъ тридцать девять лѣтъ, мужу ея—сорокъ четыре года, или сорокъ пять лѣтъ. Чѣмъ были они до этой поры?—Старообрядцами; совершенно такими же старообрядцами, пріемлющими священство, какъ вся многочисленная въ Дубовкѣ толпа тѣхъ

пріемлющихъ священство старообрядцевъ, которые по благоразумной осторожности и по душевному желанію не дѣлать ничего запрещеннаго, видѣли себя въ необходимости оставаться безъ общественныхъ молитвъ и безъ совершенія тѣхъ таинствъ, которыя, по вѣроученію старообрядчества (какъ и по вѣроученію Православной церкви) могутъ быть совершаемы только священникомъ. Различіе между Чистоплюевыми и находившеюся въ подобномъ имъ положеніи массою старообрядцевъ состояло лишь въ томъ, что Чистоплюевы очень усердно заботились жить сообразно съ нравственными правилами, а масса ихъ единовѣрцевъ, какъ и всякая масса людей какого бы то ни было вѣроисповѣданія, была въ этомъ отношеніи довольно небрежна.

Чистоплюевы усердно заботились жить такъ, чтобы можно было имъ имѣть спокойную надежду на свое душевное спасеніе. Но при разстройствѣ религіозныхъ дѣлъ въ старообрядчествѣ того края, при отсутствіи духовныхъ руководителей, они обо многихъ, по ихъ мнѣнію важныхъ для душевнаго спасенія, вопросахъ относительно нравственныхъ правилъ жизни, чувствовали недоумѣніе. Одинъ вопросъ о питьѣ чая, какое мучительное затрудненіе представляло для нихъ, — страшно и подумать. — Пить чай, это, быть можетъ, такая же погибель душевная, какъ въ великій постъ ѣсть мясо. А не пить чай, это, быть можетъ, значить уподобляться фарисеямъ, процѣживающимъ комаровъ и глотающимъ верблюдовъ, фарисеямъ лицемѣрамъ, закваски которыхъ велѣлъ бояться Христосъ. Тяжкое недоумѣніе. А такихъ недоумѣній мало ли представлялось темнымъ безграмотнымъ людямъ, не имѣвшимъ никого, сколько нибудь образованнаго человѣка, съ кѣмъ бы посоветоваться.

Въ этомъ состояніи тяжелыхъ недоумѣній о томъ, какими правилами жизни обеспечивается душевное спасеніе, услышала Катерина Чистоплюева отъ Ворониной, что Богатенковы сохраняютъ въ своемъ бѣдствіи свѣтлое спокойствіе души, какое ниспосылается отъ Бога праведнымъ людямъ. Это извѣстіе сильно подѣйствовало на нее, впечатлительную отъ природы и находившуюся, по своей болѣзни, въ возбужденномъ нервическомъ состояніи.

Чистоплюевы были до сихъ поръ очень мало знакомы лично съ Богатенковыми. Родственница и другъ Катерины Чистоплюевой, Воронина, была другою Богатенковой. Но эти три женщины и ихъ семейства принадлежали, по различію своихъ денежныхъ средствъ, къ тремъ совершенно различнымъ классамъ общества, имѣвшимъ каждый свою особую сферу жизни, далекимъ одинъ отъ другого; и въ особенности тотъ кругъ, въ которомъ жили, пока вели обыкновенный образъ жизни, Богатенковы, богатые люди, былъ очень далекъ отъ круга, къ которому принадлежали Чистоплюевы, простые чернорабочіе люди. По личной дружбѣ къ Ворониной, Богатенкова привѣтливо обращалась съ ея родственницею, когда, бывая у нея, встрѣчала Катерину Чистоплюеву. Но въ близкое знакомство съ Чистоплюевою не вступала. Такъ было, пока Богатенковы жили на широкую ногу. А когда они, занявшись своимъ душевнымъ спасеніемъ, перестали веселиться, Катерина Чистоплюева вовсе раззнакомилась съ Богатенковою. Дубовка осуждала Богатенковыхъ, за ихъ уединенный образъ жизни. Катерина Чистоплюева находила, что всеобщее порицаніе имъ справедливо. Сама Воронина, хотя и оставалась по давней дружбѣ расположена къ Богатенковой, осуждала ее и ея мужа; стала бывать у нихъ гораздо рѣже прежняго. А Богатенкова и вовсе рѣдко навѣщала Воронину. Очень

не часты стали случаи, чтобы Чистоплюевой пришлось застать Богатенкову у Ворониной; тѣмъ болѣе, что Чистоплюева старательно избѣгала встрѣчъ. И въ-скорѣ по переселеніи Богатенковыхъ въ землянку, нерасположеніе Чистоплюевой видѣться съ Богатенковою довело вещи до того, что Чистоплюева вовсе перестала входить въ комнаты къ Ворониной, если Богатенкова была тутъ, или торопливо уходила отъ Ворониной, если видѣла, что входить Богатенкова. Прошло еще нѣсколько времени, и Богатенкова увидѣла себя въ необходимости понять, что Чистоплюева не хочетъ считать ее своею знакомою, не хочетъ говорить съ нею. Это случилось такъ:

Жители Дубовки любятъ устраивать свои праздничныя гулянья въ мѣстности, лежащей противъ ихъ посада на другомъ берегу Волги; тамъ есть рощи, между ними лужайки съ прекрасною муравою. Однажды Катерина Чистоплюева поѣхала на такое гулянье. Народу было много. Чистоплюева съ пріятельницами шла по дугу. Увидѣла, что идетъ къ ней Богатенкова. Увернуться было нельзя: мѣстность открытая и люди на ней сидятъ, прогуливаются лишь маленькими, разбросанными группами; нѣтъ толпы куда бы спрятаться. Богатенкова подошла къ Чистоплюевой, сказала: „Здравствуйте“; Чистоплюева бросилась бѣжать, во весь духъ перебѣжала по дугу къ рощѣ и остановилась только ужъ далеко забѣжавши въ глубину рощи.

Богатенкова, до той поры вѣроятно непонимавшая, что Чистоплюева не хочетъ оставаться знакома съ нею, теперь не могла, разумѣется, не разобратъ, что внушаетъ отвращеніе Чистоплюевой. Знакомство ихъ кончилось.

Выслушавъ исторію объ этой встрѣчѣ на гуляньѣ, а замѣтилъ Чистоплюевой: „Катерина Николаевна, это смѣхъ“. — Она отвѣчала: — „Такой смѣхъ, что и подумать стыдно. Не молоденькая была я, чтобы поступать съ такой невѣжливостью. Въдѣ мнѣ было ужъ больше тридцати пяти лѣтъ. Но ничего я не помнила, что дѣлаю. Опомнилась только когда увидала, что забѣжала далеко въ рощу.“ — „Но чего жъ вы такъ перепугались-то?“ — „Перепугалась ли я, нѣтъ ли, я сама не понимала, и теперь не разберу. Только, не любила я Богатенкову; потому и помутились у меня мысли“. — „Такъ. Но за что жъ вамъ было не любить Богатенкову до такой степени?“ — „А я думала, что они дурные люди“. — „Что жъ дурнаго было по вашему въ нихъ, въ Богатенковой и въ ея мужѣ?“ — „Да зачѣмъ они живутъ такъ“. — „Какъ же представлялось вамъ, что они живутъ?“ — „Ну, живутъ въ землянкѣ, точно какіе нищіе, которымъ ѣсть нечего; морятъ себя голодомъ“. — „Если положить, что и въ самомъ дѣлѣ было бы, что они морили бы себя голодомъ, то что жъ именно было бы тутъ дурно?“ — „А вотъ что: развѣ на то далъ намъ Богъ жизнь, чтобы мы мучили себя? Мы должны жить честно, да помогать другъ другу. А въ комъ нѣтъ жалости къ себѣ, тотъ будетъ ли другихъ жалѣть?“ — „Это вы тогда такъ думали, Катерина Николаевна, или это выпѣшнія ваши мысли?“ — „И тогдашнія, и нынѣшнія; всегда я такъ думала“, — отвѣчала она.

Нелюбовь ея къ Богатенковымъ происходила отъ того, что она думала: они мучатъ себя постничествомъ, всякими произвольными лишеніями. а когда такъ, то, должно быть, перестали быть добрыми людьми. Но вотъ, она услышала отъ Ворониной, что они въ постигшемъ ихъ бѣдствіи свѣтлы лицомъ, веселы духомъ, какъ подкрѣпляемые Богомъ праведные. Какъ же это такъ? Неужели жъ молва Дубовки о нихъ, которой вѣрила она, несправедлива? — Катерина Чистоплюева

стала припоминать, что могла, только не хотѣла прежде замѣчать. Дѣйствительно, то, что видѣла она при своихъ встрѣчахъ съ Богатенковою, было несообразно съ молвою, которой вѣрила она. Богатенкова, въ тѣ годы, когда жила въ землянкѣ, оставалась полною, съ хорошимъ цвѣтомъ лица; навѣрное, она въ эти годы не изнуряла себя лишнимъ постами. Да и по одеждѣ ея въ эти годы было очевидно, что напрасно Дубовка говорила, будто-бъ она ударилась въ ханжество. Пышные модные наряды она бросила, это правда. Но ей ужъ сорокъ лѣтъ. Что удивительнаго въ томъ, что щегольство надоѣло ей? Но, бросивъ его, она не перестала любить быть одѣтою хорошо. Ея платья были теперь не новомодныя и не мѣняла она ихъ безпрестанно, какъ дѣлала прежде. Только и всего. Но шуба, которую носила она теперь, была сшита изъ дорогого мѣха, покрыта дорогою матеріею. И платья на ней въ эти годы всегда были дорогія. Такъ припомнилось теперь Катеринѣ Чистоплюевой; и дивилась она тому, какъ могла до сихъ поръ оставаться въ такой степени ослѣплена своимъ довѣріемъ къ молвѣ, что не хотѣла видѣть: прекрасный цвѣтъ лица Богатенковой и ея прекрасная одежда опровергають предположеніе, будто Богатенковы вели какой-то изнурительный образъ жизни. Но ихъ землянка? — Воронина говорила, что ихъ землянка вовсе не похожа на обыкновенныя землянки: это довольно большая, хорошая постройка; въ ней двѣ или три просторныя комнаты; она подымается надъ землею довольно высоко, потому имѣетъ порядочныя окна; въ ней не тѣсно; въ ней свѣтло; въ ней нѣтъ духоты; она такое жъ удобное жилище, какъ обыкновенный флигель и отличается отъ обыкновенныхъ флигелей только тѣмъ, что полъ у нея ниже земли, и кровля не крутая. — Катерина Чистоплюева сама сходила посмотрѣть эту землянку, стоявшую теперь пустою, и убѣдилась: дѣйствительно, это просторный, чистый, свѣтлый, удобный домикъ, жить въ которомъ было уютно. Не говоря о порядочномъ видѣ комнатъ, строеніе имѣло даже кладовую, чуланы. Въ кладовой и чуланахъ лежали избыточные запасы хорошей провизіи. Чистоплюева не могла болѣе сомнѣваться: Богатенковы помѣщались въ своей землянкѣ съ хорошими удобствами, ѣли вкусно. И если Богатенковъ бывалъ по временамъ очень худощавъ и слабъ, то причиною было не постничество, а просто хилое его отъ природы здоровье.

Молва была ошибочна. Они вовсе не мучили себя. Они только замѣнили свой прежній роскошный бытъ экономнымъ. Они перестали тратить деньги на тѣ веселости, которыя занимательны людямъ, пока свѣжи силы и не надоѣлъ шумъ, и становятся скучны разсудительнымъ людямъ при достиженіи пожилыхъ лѣтъ.

И за это Дубовка, не потрудившись вникнуть въ дѣло, назвала ихъ дурными людьми; а она, Чистоплюева, вѣрила пустой молвѣ. — Ей было стыдно, совѣстно. Она чувствовала себя виноватою передъ Богатенковыми; ей хотѣлось повиниться передъ ними въ своей прежней несправедливости къ нимъ.

И не велѣлъ ли Христосъ навѣщать заключенныхъ?

Воронина говорила, что будетъ посѣщать Богатенковыхъ. И Катеринѣ Чистоплюевой вздумалось посѣтить ихъ. Но ея прежнія отношенія къ нимъ были такъ дурны, что она сомнѣвалась, захотятъ ли они видѣть ее. Какъ узнать объ этомъ? Она разсудила сдѣлать такъ:

Когда простолюдины навѣщаютъ находящихся въ тюрьмѣ, они приносятъ имъ „гостинцы“ (булки, хорошее кушанье, чай, сахаръ). Воронина въ первое свое посѣщеніе принесла гостинцы Богатенковымъ; будетъ носить и въ слѣдующія

посѣщенія. Катерина Чистоплюева сказала ей: „Когда опять пойдешь къ нимъ, возьми имъ гостинцевъ и отъ меня; если они пріймуть гостинцы отъ меня, то и будетъ видно, что ты можешь спросить у нихъ, не будетъ ли имъ непріятно, что я хочу тоже навѣститъ ихъ“. Воронина согласилась. Когда пошла слѣдующій разъ къ Богатенковымъ, взяла гостинцы имъ и отъ Чистоплюевой. Богатенковы приняли подарки Чистоплюевой и сказали, что не сердятся на нее за прежнее дурное мнѣніе о нихъ, что она можетъ прійти къ нимъ. И когда Воронина вновь пошла къ нимъ, взяла ее съ собою.

Богатенковы приняли Чистоплюеву любезно, благодарили ее за расположеніе къ нимъ. Спокойное свѣтлое настроеніе ихъ въ бѣдственномъ ихъ положеніи произвело на нее сильное впечатлѣніе. Для нея стало несомнѣнно, что въ самомъ дѣлѣ Богъ подкрѣпляетъ ихъ, своихъ праведныхъ, какъ это запало въ мысли Ворониной. Она стала вмѣстѣ съ Ворониною довольно часто посѣщать Богатенковыхъ. Это длилось мѣсяца три или, быть можетъ, четыре, — до самаго того времени, какъ Богатенковы были отправлены изъ Дубовки въ Саратовъ. Продолжительность періода опредѣляю я, основываясь на томъ фактѣ, что Богатенковы, арестованные на масляницѣ, оставались на праздникъ Преполовенія еще въ Дубовкѣ. Чистоплюева не помнитъ, когда именно они были отправлены изъ Дубовки въ Саратовъ; знаетъ только, что на Преполовеніе они еще были въ Дубовкѣ; въ-скорѣли послѣ этого праздника они были отвезены въ Саратовъ, она не умѣетъ припомнить; но полагаетъ, что черезъ нѣсколько или дней, или недѣль.

Когда они находились въ Саратовѣ, Чистоплюева и Воронина ѣздили къ нимъ раза три, навѣститъ ихъ и отвезти имъ гостинцы. Ѣздили онѣ вмѣстѣ — на пароходѣ.

Проникнувшись убѣжденіемъ, что Богатенковы праведные люди, угодные Богу, Воронина и Чистоплюева дошли до мысли о себѣ, что онѣ „приняли вѣру“ Богатенковыхъ. Въ чемъ состояло „принятіе вѣры Богатенковыхъ“ ими, будетъ разсмотрѣно мною послѣ. Теперь пока довольно того, что по мнѣнію Чистоплюевой и Ворониной, Богатенковы перешли изъ старообрядчества въ „другую вѣру“, и что онѣ, Чистоплюева и Воронина, тоже перешли въ эту вѣру.

Онѣ перешли въ нее первыя изъ тѣхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми были осуждены и сосланы. И всѣ остальные изъ этихъ лицъ перешли въ нее по ихъ вліянію.

Эти лица, по счету Катерины Чистоплюевой, были:

Ея мужъ; мать ея мужа; тетка ея мужа;

Ея дядя (ея, то есть Катерины Чистоплюевой); его жена;

Мужъ Ворониной;

Сосѣдка Ворониныхъ и дяди Катерины Чистоплюевой, пожилая женщина.

Я послѣ буду разбирать, насколько о комъ изъ этихъ лицъ основательно мнѣніе Катерины Чистоплюевой, какъ человѣкъ одной съ нею „вѣры“. Тогда я приведу и имена тѣхъ изъ нихъ, которыхъ еще не случилось мнѣ назвать по именамъ.

Богатенковъ и его жена не вставали съ мѣста, когда Воронина и Чистоплюева входили къ нимъ; не подавали имъ руки. Почему такъ? — Вставать при входѣ посѣщающихъ не должно. Подавать руки при встрѣчѣ не должно. Такъ полагали Богатенковы. Принявъ ихъ вѣру, Воронина и Чистоплюева приняли эти ихъ правила. Лица, перешедшія въ вѣру Богатенковыхъ по примѣру Ворониной и Чистоплюевой, тоже приняли эти правила.

По этимъ примѣтамъ: „не встаютъ при входѣ посятителей или посятительницъ“, и „не подаютъ рукъ“ всѣ знакомые перешедшихъ въ вѣру Богатенковыхъ легко и безошибочно видѣли, что эти люди „перешли въ вѣру Богатенковыхъ“; о Богатенковыхъ вся Дубовка знала, что они „не встаютъ“ и „не даютъ рукъ“.

Все то, что Дубовка говорила о Богатенковыхъ, стали теперь говорить о Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и принявшихъ одинаковыя съ ними правила относительно встрѣчъ всѣ тѣ люди, которые знали Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и тѣхъ другихъ. Богатенковы, по мнѣнію Дубовки, держались какой-то очень дурной вѣры, потому стали дурными людьми. Теперь тоже самое стало несомнѣнно о Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и тѣхъ другихъ всѣмъ, кто зналъ этихъ людей или имѣлъ случай слышать о нихъ.

Богатенковы были арестованы на масляницу 1866 года. Когда навѣстила ихъ въ первый разъ Воронина?—Катерина Чистоплюева не умѣетъ припомнить съ точностью, но полагаетъ: очень скоро послѣ ихъ ареста.—Когда навѣстила ихъ въ первый разъ сама Катерина Чистоплюева?—Она тоже не умѣетъ припомнить съ точностью, но полагаетъ: черезъ нѣсколько дней послѣ перваго посѣщенія Ворониной къ нимъ; это было, именно, когда Воронина пошла къ нимъ въ третій разъ (при второмъ посѣщеніи Воронина отнесла гостинцы Чистоплюевой Богатенковымъ, въ слѣдующій разъ взяла ее съ собой).—И такъ, достовѣрно, что посѣщенія Чистоплюевой къ Богатенковымъ начались въ-скорѣ послѣ ихъ ареста; вѣроятно, въ самомъ началѣ великаго поста, слѣдовавшаго за тою масляницею; въ февралѣ 1866 года, вѣроятно.

Катерина Чистоплюева и Воронина „перешли въ вѣру“ Богатенковыхъ очень скоро послѣ того, какъ Чистоплюева посѣтила ихъ въ первый разъ; опредѣленнымъ образомъ нельзя обозначить, черезъ сколько именно дней или недѣль; этотъ „переходъ въ вѣру“ не ознаменовывался никакимъ обрядомъ, никакимъ внѣшнимъ фактомъ, по которому было бы можно сказать, въ какой день, или въ какую недѣлю произошелъ онъ. Дѣло состояло исключительно въ твердомъ принятіи мысли, что правила жизни, которымъ слѣдуютъ Богатенковы, правила хорошія для душевнаго спасенія. Натурально, что у людей, рѣшавшихъ это самостоятельными соображеніями, колебанія между сомнѣніемъ и убѣжденіемъ замѣнились твердымъ признаніемъ себя за вполне убѣдившихся не въ какойнибудь опредѣленный день, а постепенно; хоть и скоро, но такъ постепенно, что сами эти люди не съумѣли замѣтить, когда именно исчезли сомнѣнія окончательно.

Лицъ, самостоятельно рѣшавшихъ дѣло, было только два: Катерина Чистоплюева и Воронина. Когда онѣ двѣ „перешли“ въ свою „нынѣшнюю вѣру“, вмѣстѣ съ ними перешли въ нее и ихъ домашніе, привыкшіе сообразоваться въ своихъ мысляхъ съ ихъ мыслями; это были ихъ мужья и мать мужа Катерины Чистоплюевой.

Дядя Катерины Чистоплюевой и жена этого дяди имѣли привычку подчиняться вліянію семейства Чистоплюевыхъ; тетка мужа Катерины Чистоплюевой имѣла такую же привычку; они „перешли“ въ „вѣру“, принятую Чистоплюевыми или очень скоро послѣ семейства Чистоплюевыхъ или, насколько умѣетъ припомнить Катерина Чистоплюева, вѣроятнѣе, — совершенно въ одно время съ нимъ.

У дяди Катерины Чистоплюевой и его жены была сосѣдка-старушка, привыкшая слѣдовать ихъ мыслямъ; когда они послѣдовали примѣру Чистоплюевыхъ,

перешла въ ту же вѣру и она, или очень скоро, или, насколько умѣетъ сообразить Катерина Чистоплюева, вѣроятноже, совершенно одновременно съ авторитетными для нея людьми, дядею Катерины Чистоплюевой и его женою.

И такъ, все дѣло распространенія вѣры въ этомъ кругу ея послѣдователей совершилось въ нѣсколько недѣль, если не въ нѣсколько дней. Начавшись послѣ масленицы, — вѣроятно, на первой недѣлѣ великаго поста 1866 года, — въ февралѣ мѣсяцѣ, опредѣляю я приблизительно, потому что въ этомъ мѣсяцѣ обыкновенно бываетъ начало великаго поста, вѣроятно было въ февралѣ и въ томъ (1866) году, дѣло это было ужъ поконченнымъ къ концу весны, а быть можетъ и къ срединѣ весны того года; а быть можетъ, и къ началу весны; къ концу мая мѣсяца, навѣрное; а быть можетъ, и къ началу апрѣля; а быть можетъ, и къ началу марта.

Сущность дѣла была такая, что, если человѣкъ вообще былъ способенъ „принять“ эту „вѣру“, то пожалуй, и двухъ дней, — пожалуй, и двухъ часовъ было бы достаточно для приобрѣтенія имъ этой „вѣры“. Такъ нахожу я. И полагаю, съ моимъ мнѣніемъ согласятся все, кто прочтетъ дальше, въ чемъ собственно состоитъ „принятіе вѣры“, о которой идетъ рѣчь.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ Чистоплюевы стали послѣдователями Богатенковыхъ, они подверглись большому несчастію: у нихъ сгорѣлъ ихъ домикъ. Въ пожарѣ погибло и кое-что изъ движимаго имущества, не все, но довольно многое; въ томъ числѣ, сгорѣли рыболовные снаряды Чистоплюева (дѣло случилось въ такую пору года, когда рыбной ловли нѣтъ, потому все принадлежитъ промысла Чистоплюева хранились дома). Чистоплюевы не обнищали отъ пожара: деньги, какія были выручены отъ предшествовавшаго улова рыбы, были спасены; одежду тоже успѣли вынести изъ пожара. Но хоть и далеко не обнищали, Чистоплюевы были очень раззорены пожаромъ.

Какъ вообще бываетъ съ простолюдинами сильнаго религіознаго чувства, Чистоплюевы приняли бѣдственный случай за напоминаніе отъ Бога о тщетѣ благъ земныхъ. Этого рода мысли росли въ нихъ и доросли до того, что они рѣшили: погубивъ огнемъ домикъ ихъ, Богъ показалъ имъ, что не должны они жить въ домѣ, что должны они послѣдовать примѣру Богатенковыхъ — поселиться въ землянкѣ. Такъ они и сдѣлали. Построили на своемъ дворѣ землянку, и поселились въ ней. Это было осенью 1868 года, вѣроятно въ сентябрѣ, или въ началѣ октября; слишкомъ черезъ два года, — по моему приблизительному разсчету, года черезъ два съ половиною, — послѣ того, какъ Чистоплюевы приняли вѣру Богатенковыхъ.

Землянка Чистоплюевыхъ была еще менѣе похожа на обыкновенную землянку, еще меньше отличалась отъ обыкновенныхъ домиковъ небогатыхъ людей, чѣмъ землянка Богатенковыхъ. Въ землю она была опущена развѣ на аршинъ. Кромѣ двухъ-трехъ нижнихъ бревенъ сруба, все строеніе было по-сверхъ земли. Потому окна въ землянкѣ имѣли такую же высоту, какъ въ обыкновенныхъ домикахъ простолюдиновъ. Дѣсь на постройку былъ употребленъ хорошій. Срубъ былъ сдѣланъ заботливо, обтеска бревенъ была аккуратная, красивая. Внутри стѣны были гладкія, выструганныя. Полъ и потолокъ были изъ хорошихъ и хорошо выструганныхъ досокъ. Словомъ: этотъ свѣтлый, уютный домикъ представлялъ собою внутри удобное, даже миловидное жилище. Катерина Чистоплюева позаботилась

и о томъ, чтобы убранство въ домикѣ было красивое: насколько позволяли денежные средства, она снабдила свое жилище хорошою мебелью; стѣны оклеила картинками, какія могла достать. Это были большею частью рисунки, вырѣзанныя изъ иллюстрированныхъ журналовъ: пейзажи, птицы, лошади, портреты всяческихъ мужчинъ и женщинъ всяческихъ націй, съ дѣтьми всяческихъ возрастовъ, отъ младенческаго до юношескаго; всяческія церкви, дома, дворцы; цѣлыя улицы всяческихъ городовъ.— „Такъ свѣтло. хорошо, нарядно было въ нашей землянкѣ, что просто чудо. Глядѣть было весело!“—говорять о своей землянкѣ Катерина Числоплюева и ея мужъ.

Прошло мѣсяца два-три послѣ того, какъ поселились они и мать мужа въ землянкѣ. Настала половина декабря 1868 года.

Послѣдователи Богатенковыхъ оставались все въ томъ же числѣ, сколько набралось ихъ въ первые мѣсяцы послѣ ареста Богатенковыхъ; ни одного человѣка не прибавилось къ этой крошечной группѣ людей въ два съ половиною года, прошедшіе со времени принятія ими ихъ „вѣры“. Вотъ списокъ ихъ;—всѣхъ ихъ, сколько ихъ было въ декабрѣ 1868 года:

Оома и Катерина Числоплюевы; мать Оомы Числоплюева, Дарья Тихоновна Числоплюева;

Тетка Оомы Числоплюева, Матрена Никифоровна Головачева;

Дядя Катерины Числоплюевой, Антонъ Ивановичъ Чугуновъ; жена его Марѳа Акимова;

Григорій Воронинъ и жена его Дарья;

Сосѣдка Чугуновыхъ, Анна Егорова Филатова.

Итого, девять человѣкъ.

Главными лицами этой группы людей были, какъ я ужъ говорплъ, Дарья Воронина и Катерина Числоплюева. Остальные семь человѣкъ говорили о себѣ, что держатся тѣхъ же мнѣній, какихъ держатся эти двѣ женщины. Катерина Числоплюева убѣждена, что дѣйствительно всѣ они имѣли одинаковыя съ нею понятія и что тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ живы, остаются и теперь людьми одной съ нею „вѣры“. Она убѣждена и въ томъ, что эта „вѣра“—та самая вѣра, которой держались Богатенковы, когда она видѣлась съ ними (въ 1866—1868 годахъ).

Для меня ясно, что въ этихъ ея мысляхъ многое—чистая иллюзія. Число людей, которыхъ основательнымъ образомъ слѣдуетъ признать имѣющими одинаковую съ нею „вѣру“, менѣе того, сколько считаетъ она. Это будетъ очевидно изъ фактовъ, которые будутъ изложены далѣе.

Перехожу къ подробностямъ о тѣхъ изъ девяти человѣкъ, перечисленныхъ мною, о которыхъ еще не рассказывалъ, или о которыхъ, какъ о Воронинныхъ и о матери Оомы Числоплюева, рассказывалъ лишь мимоходомъ.

Мать Оомы Числоплюева, Дарья Тихонова, принадлежала къ такимъ матерямъ, у которыхъ весь интересъ жизни—любовь къ дѣтямъ. Страстно любя сына, она съ такою же безграничною нѣжностью полюбила и его жену. Желанія Катерины были закономъ для старухи.—Когда Оома и Катерина „приняли вѣру“ Богатенковыхъ, Дарья Тихоновой было лѣтъ шестьдесятъ пять, — по моему приблизительному соображенію; и несомнѣнно, больше нежели шестьдесятъ лѣтъ. потому что ея сыну было тогда лѣтъ сорокъ пять, сорокъ шесть.—Доживши лѣтъ

до шестидесяти слишкомъ, вѣроятно лѣтъ до шестидесяти пяти твердою послѣдовательницею старообрядчества поповской секты, могла ли Дарья Тихонова перейти въ другое вѣроисповѣданіе?—Невозможнаго тутъ нѣтъ; но факты подобнаго рода такъ необыкновенны, что надобно сказать: случаи этого разряда должны быть принимаемы за достовѣрные не иначе, какъ по внимательному изслѣдованію разсказовъ о нихъ. Я разбиралъ разсказы Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ о переходѣ Дарьи Тихоновой въ вѣру, принятую ими. Оказалось: они ровно ничего не знаютъ о какой бы то ни было переменѣ въ ея религіозныхъ убѣжденіяхъ. Они толкуютъ исключительно о томъ, что когда они стали держаться тѣхъ формъ обращенія съ людьми, которыхъ держатся теперь, Дарья Тихонова тоже стала держаться этихъ правилъ. Для нихъ, этого достаточно, чтобы говорить: она приняла ихъ вѣру. Но дѣло имѣетъ другую сторону, о которой не приходило имъ въ голову подумать. Старуха, усердная старообрядка, привыкла считать безразличными для душевнаго спасенія многіе житейскіе обычаи, которыми когда-то дорожила и соблюденіе которыхъ стало ужъ издавна невозможнымъ для разсудительныхъ, осторожныхъ старообрядцевъ того края. Напримѣръ, старообрядцы имѣли всегда своимъ правиломъ уклоняться отъ знакомства съ Православнымъ духовенствомъ. Но когда старообрядчество въ томъ краѣ было приведено въ затруднительное положеніе,—это началось съ появленіемъ Іакова на Саратовской епархіальной кафедрѣ,—около 1835 года, если не ошибаюсь въ моихъ хронологическихъ воспоминаніяхъ,—Дарья Чистоплюева нашла неблагоразумнымъ дичиться Православнаго духовенства. Она вставала со скамьи у своихъ воротъ, когда, сидя тутъ, по обычаю простолюдиновъ, съ сосѣдками и пріятельницами видѣла проходящаго священника; если онъ останавливался поговорить, она любезно вела разговоръ съ нимъ. Этого мало. Священники стали посѣщать ее, какъ добрую знакомую; она принимала этихъ гостей, какъ слѣдуетъ гостепріимной хозяйкѣ. Мало и того. „Обходя“ по праздникамъ „прихожанъ“ съ „крестомъ“—какъ это называется—священники „заходили съ крестомъ“ къ ней. Это значитъ: они приходили съ принадлежностями „молебствованія“,—съ своимъ церковнымъ облаченіемъ, съ разными вещами изъ церковной утвари. Она принимала ихъ любезно. Они „облачались“, служили молебенъ, ходили по комнатамъ, совершая кажденіе, кропя стѣны святою водою; словомъ, дѣлали все то, что дѣлали въ домахъ у православныхъ. Она не мѣшала имъ. Сама не молилась при ихъ служеніи, не „подходила къ кресту“, но стояла и смотрѣла почтительно. По окончаніи молебна давала имъ нѣсколько денегъ, сообразно тому, какъ дѣлали ихъ православные прихожане. Они признавали, что она не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія измѣнить старообрядчеству. Но продолжали „бывать съ крестомъ“ у нея. Когда началось это, ей было лѣтъ тридцать пять или сорокъ. Длилось это лѣтъ пятнадцать или двадцать. Настали времена, когда правительство нашло возможнымъ облегчить положеніе старообрядцевъ. Тогда Дарья Чистоплюева согласилась съ мнѣніемъ сына и его жены, что теперь нѣтъ надобности „принимать священниковъ съ крестомъ“.—И такъ: присутствовать при молебнахъ, совершаемыхъ въ ея домѣ православными священниками, не казалось ей дѣломъ грѣховнымъ, отступничествомъ отъ ея вѣры.—Я ужъ говорилъ, что когда ея сынъ женился, она послала его и его невѣсту вѣнчаться въ православной церкви.—Изъ этихъ фактовъ ясно: Дарья Чистоплюева была женщина, не ставившая свою вѣрность старооб-

рядчеству въ узкой формалистикѣ. — Чѣмъ отличалась по внѣшности отъ старообрядчества вѣра, въ которую перешли Оома и Катерина Чистоплюевы? — Тѣмъ, что слѣдуетъ отказаться отъ исполненія нѣкоторыхъ житейскихъ обыкновеній, относящихся къ привѣтствованіямъ между знакомыми при встрѣчахъ: не раскланываться, не подавать руку для пожатія. Я полагаю, что Дарья Чистоплюева считала эти условія пустяками, изъ которыхъ не стоитъ огорчать сына и его жену; кажется имъ, что не должно раскланываться и подавать руку, то пусть будетъ такъ: что за охота спорить о такихъ мелочахъ? — Я думаю, что старуха подсмѣивалась въ душѣ надъ сыномъ и его женою за то, что они придаютъ важность этимъ ребячествамъ. Я полагаю, она, въ угожденіе сыну и его женѣ, одинаково стала бы, пожалуй, давать лѣвую руку вмѣсто правой, или обѣ руки вмѣсто одной, или, вмѣсто подаванія руки, кашлять при встрѣчѣ; или вообще поступать въ этой церемоніи какъ угодно ея сыну и его женѣ. — Мудрено думать, чтобъ она, дожившая до шестидесяти лѣтъ въ правильныхъ мысляхъ о мелочахъ житейской формалистики, не смѣялась въ душѣ надъ тѣмъ, что ея сынъ и его жена стали придавать важность нѣкоторымъ изъ ничтожѣйшихъ между этими мелочами. — Но, кромѣ этихъ вещей, казавшихся ей, я полагаю, не болѣе какъ ребячествомъ, вѣра ея сына и его жены имѣла требованіе совершенно иного разряда: надобно жить скромно, экономно, тихо; не слѣдуетъ тратить деньги на пустыя развлечения, въ родѣ пирушекъ для людей, еще не дряхлыхъ, имѣвшихъ еще силу, иной разъ и охоту попить, отказаться отъ пирушекъ — конечно, составляетъ нѣкоторое самоограниченіе; пожалуй самопожертвованіе. Такъ это, безъ сомнѣнія, было для Оомы Чистоплюева, которому тогда (въ 1866—1868 годахъ) не было еще пятидесяти лѣтъ, и который тогда, еще не будучи больнымъ, конечно, сохранялъ довольно значительную дозу свѣжести силъ изъ полученнаго отъ природы и не траченнаго ни на какія излишества атлетическаго запаса здоровыхъ влеченій къ веселостямъ. Еще болѣе чувствительнымъ самоограниченіемъ было это для его жены, при ея очень живомъ характерѣ. — Но старуха Дарья Чистоплюева конечно ужъ не имѣла влеченія пировать. И безъ сомнѣнія, она взглянула на дѣло съ чисто хозяйственной стороны: не сорить денегъ на пустыя забавы, которыя для нея и скучны, и утомительны, — что жъ, это очень благоразумно. — Въ этомъ, я полагаю, и состояло „принятіе вѣры“ сына и его жены Дарьею Чистоплюевою: старуха была рада, что теперь дѣти не будутъ своими пирушками мѣшать ей проводить вечера въ лежанѣ на кровати, и съ улыбкою привыкала она угождать имъ въ правилахъ относительно церемоній встрѣчи съ знакомыми.

Когда, въ послѣднія недѣли моего знакомства съ Чистоплюевыми и Головачевой, я, ужъ надѣявшійся на то, что мои шутки по поводу ихъ мнѣній не будутъ принимаемы ими въ обиду, позволялъ себѣ иной разъ посмѣяться надъ тою или другою оригинальностью ихъ понятій или ихъ манеры держать себя, я иногда прибавлялъ къ моей шуткѣ: „Охъ, я думаю, и Дарья Тихоновна была въ этомъ согласна со мною; только молчала передъ вами, чтобъ не огорчить васъ“ — „Можетъ быть“, — отвѣчали они: — „не приходило намъ этого о ней въ голову. А можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ поступала по нашему только изъ любви къ сыну и его женѣ, въ угожденіе имъ“. — Это говорили они, когда говорилъ я имъ всѣмъ троимъ вмѣстѣ. А когда случалось мнѣ высказывать мои мысли о Дарьѣ

Чистоплюевой въ разговорѣ съ однимъ Омою Чистоплюевымъ, или съ одною Катериною Чистоплюевою, мнѣ удавалось слышать и менѣе сомнительный отвѣтъ: — „Кажется, что ты, мой другъ, угадываешь это правильно; должно быть, наша старушка дѣлала по нашему лишь изъ любви къ намъ“.

Подобно тому, какъ о Дарьѣ Тихоновой Чистоплюевой, думаю я о ея племянникѣ, Григоріѣ Ворониномъ, мужѣ Дарьи Ворониной. Онъ былъ человѣкъ очень мягкаго характера; онъ очень любилъ жену; онъ очень уважалъ ее: онъ имѣлъ привычку поступать во всемъ сообразно ея желанію. И, сколько я могу анализировать его убѣжденія по разсказамъ Чистоплюевыхъ и Головачевой, я нахожу, что онъ „перешелъ въ вѣру“, принятую его женою, только по угожденію женѣ, „держался“ этой „вѣры“ только для того, чтобы не разрозниться съ женою.

Остаются четыре лица: дядя Катерины Чистоплюевой, Антонъ Чугуновъ; его жена; сосѣдка Чугуновыхъ, Анна Филатова, и тетка Оомы Чистоплюева, Матрена Никифорова Головачева.

Одно изъ этихъ лицъ, Матрена Головачева, принадлежитъ къ числу тѣхъ трехъ, которыя жили здѣсь, въ Вилюйскѣ, и съ которыми я познакомился и сталъ друженъ. Потому я могу говорить объ этомъ лицѣ, какъ человѣкъ, вполне знающій его характеръ и мысли.

Матрена Головачева, тетка Оомы Чистоплюева, теперь старуха очень преклонныхъ лѣтъ. Сколько именно лѣтъ ей, она не знаетъ. Полагаетъ, что лѣтъ семьдесятъ. Приблизительное соображеніе о вѣрности этого ея предположенія можно сдѣлать, основываясь на ея достовѣрныхъ знаніяхъ, что она много старше своего племянника, но что ея мать Дарья Чистоплюева была нѣсколькими годами постарше ея. И такъ, ей теперь во всякомъ случаѣ будетъ лѣтъ за шестьдесятъ пять; а въ 1866—1868 годахъ было лѣтъ или пятьдесятъ пять, или больше.

Она родилась и выросла въ старообрядчествѣ, и оставалась усердною послѣдовательницею его до того времени, какъ „перешла въ вѣру“, принятую Чистоплюевыми, — то есть, лѣтъ до пятидесяти пяти, или больше.

Въ ранней молодости она вышла замужъ. Ея мужъ былъ, подобно ей, изъ семейства, безбѣдно жившаго работою, но не имѣвшаго денегъ. По промыслу онъ былъ чеботарь; усердный и хорошій работникъ. Благодаря тому, они жили, какъ она выражается, „прекрасно“. — „Богатства у насъ не было“, — говоритъ она, — „но домъ у насъ былъ полная чаша. Что жъ, извѣстное дѣло: когда простые чернорабочіе, которые умѣютъ только кули таскать на суда, живутъ у насъ въ Дубовкѣ очень достаточно, то хорошему мастеру какъ же у насъ не жить въ самомъ прекраснѣйшемъ достаткѣ? Ну, и жили мы съ мужемъ такъ, что только благодарили Бога“.

Мужъ ея былъ человѣкъ „хорошей нравственности“, — по простонародному это значитъ, между прочимъ, что онъ не любилъ быть пьянъ. Притомъ, онъ былъ смирнаго характера. — „Чего жъ еще желать, батюшка ты мой? Когда у жены такой мужъ, то должна она за него и день и ночь Богу молиться. Не всякой женѣ Богъ даетъ такое счастье“, — говоритъ она. Она и съ-молоду умѣла цѣнить свое счастье: была благодарна Богу, что у нея такой мужъ. Они всегда жили согласно: — „Никогда у насъ, другъ ты мой, словечка не было поперекъ сказано промежду собою. Чтобъ онъ мнѣ какое неудовольствіе сказалъ, или бъ я ему, — никогда этого не было“.

Онъ былъ православный, или, какъ выражаются старообрядцы въ Дубовкѣ, онъ былъ „Греко-Россійскій“.

— „Неужели жъ, Матрена Никифоровна, у васъ съ нимъ не было никакихъ непріятностей изъ-за того, что онъ держится Греко-Россійской вѣры, а вы старой вѣры?“ — спрашивалъ я. — „Никогда, никакой размолвки, никакого спора изъ-за этого у насъ не было“, — отвѣчала она: — „Говорила я тебѣ, ни изъ-за чего у насъ не было никакихъ неудовольствій; ну, и изъ за этого не было. Жили мы всегда въ полномъ согласіи, вотъ и все“. — „Но позвольте, однако, Матрена Никифоровна“, — продолжалъ разспросъ я: — „Вы были усердна къ своей вѣрѣ, когда были въ старообрядчествѣ?“ — „Ну, извѣстно, была“. — „И онъ былъ усерденъ къ своей вѣрѣ?“ — „Извѣстно; а то какъ же?“ — „И все таки вы съ нимъ не спорили изъ за разницы въ вѣрѣ?“ — „Никогда“. — „Да какъ же это?“ — „А такъ. Онъ для меня хорошъ, я для него хороша, такъ чего жъ еще тутъ?“ — „Но его вѣра для васъ была жъ непріятна?“ — „А что жъ мнѣ въ ней было непріятнаго?“ — „Да какъ же, что? Не та она, какъ ваша“. — „Ну такъ что? Не та она, какъ моя; а непріятнаго въ ней ничего не было. Чѣмъ она не хороша? Хорошая вѣра“. — „Неужели жъ вы такъ думали о Греко-Россійской вѣрѣ, когда были въ старообрядчествѣ? Теперь вы думаете о ней такъ, я знаю. Но тогда, неужели жъ, мысли о ней были у васъ, Матрена Никифоровна, тѣ же самыя, какія теперь?“ — „Нѣтъ. Теперь я понимаю, что никакой, ни самой неважной разницы между Греко-Россійской вѣрой и старой вѣрою нѣтъ. А когда я была въ старой вѣрѣ, я этого не понимала. Теперь, по-моему, Греко-Россійская ли вѣра, старая ли вѣра—все равно. А тогда я думала, что хоть Греко-Россійская вѣра тоже хороша, но что старая вѣра лучше. Только я и тогда понимала, что разница не велика, и потому спорить объ этой разницѣ не стоитъ. Ну, и мужъ мой думалъ о своей вѣрѣ такъ же, какъ я о своей: Греко-Россійская вѣра лучше старой, но разница между ними не такая большая, чтобы спорить объ этомъ. Потому, и ссоры у насъ съ нимъ не было“.

Дарья Чистоплюева, мать Θомы, очень любила Головачеву. Это было еще съ самой ранней молодости Головачевой. Онѣ видѣлись каждый день. Дѣтей у Головачевой не было. Потому она имѣла досугъ проводить у Чистоплюевыхъ очень много времени. Она была какъ будто вовсе принадлежащей къ семейству Дарьи Чистоплюевой. Когда Дарья Чистоплюева „перешла въ вѣру“, принятую ея сыномъ и его женою, перешла въ эту вѣру и Головачева.

Почему перешла? — Она и теперь не умѣетъ сказать въ объясненіе этому ничего, кромѣ того, что ясно было для меня черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала моего знакомства съ нею: — она послѣдовала примѣру Дарьи Чистоплюевой. На мои распросы она постоянно отвѣчала одно: — „Другъ ты мой, Дарья Тихоновна любила меня, ну и я ее любила; такъ что жъ мнѣ было отставать отъ нея?“.

Дѣйствительно, въ этомъ состояло для нея все дѣло.

Она женщина очень религіозная. Держится своей „вѣры“ совершенно твердо. Но отчетливыхъ понятій о своей вѣрѣ не имѣетъ и теперь, проживши лѣтъ шесть — во время процесса — въ одной комнатѣ съ Катериною Чистоплюевою, Дарьею Ворониною и, пока была жива — года полтора — Дарья Чистоплюева, то и съ Дарьею Чистоплюевою, — а по окончаніи процесса, проживши все время вмѣстѣ съ Θомою и Катериною Чистоплюевыми.

Дѣло въ томъ, что при всей своей религіозности, она женщина совершенно того склада ума, который преобладаетъ въ огромномъ большинствѣ русскихъ простолюдиновъ и простолюдинокъ. Серьезнымъ образомъ занимательны для нея только житейскія дѣла ея самой, ея родныхъ и другихъ близкихъ ей лицъ. Изъ этого круга мыслей у нея нѣтъ охоты выходить. Думать о религіозныхъ вопросахъ для нея скучно. Религіозна, очень религіозна, но много думать о „вѣрѣ“ ей скучно; — у русскихъ простыхъ людей такіе характеры попадаются очень часто.

Сколько могу я судить, то же самое, что о Головачевой, надобно полагать о другой пожилой женщинѣ, судившейся и осужденной вмѣстѣ съ нею и ея родными, Аннѣ Егоровой Филатовой. Я полагаю, что Анна Филатова перешла въ ту вѣру, за которую попала подѣ судъ, не имѣя отчетливыхъ понятій объ этой вѣрѣ. Я возвращусь къ вопросу объ этой старушкѣ послѣ того, какъ изложу мои свѣдѣнія о двухъ остальныхъ лицахъ, о которыхъ Катерина и Ѳома Чистоплюевы говорятъ, какъ о своихъ единовѣрцахъ, — о дядѣ Катерины Чистоплюевой Антонѣ Чугуновѣ и о его женѣ.

Богатенковы, Киселевы, Воронины, Чистоплюевы были жители посада Дубовки. Отецъ и мать Катерины Чистоплюевой жили тоже въ Дубовкѣ. Но или всѣ, или почти всѣ эти семейства принадлежали къ сословію удѣльныхъ крестьянъ. О Богатенковыхъ и Киселевыхъ я не умѣю сказать этого положительно, потому что Ѳома и Катерина Чистоплюевы сами не разберутъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „были ль записаны въ гильдію“ Богатенковы и Киселевы, или нѣтъ; и если нѣтъ, то къ какому сословію — мѣщанскому или крестьянскому — принадлежали эти семейства. Но Воронины и Чистоплюевы были удѣльные крестьяне. Чугуновы тоже.

Въ старину, весь родъ Чугуновыхъ жилъ въ Дубовкѣ. Но общество удѣльныхъ крестьянъ, жившихъ въ Дубовкѣ, имѣло по сосѣдству съ посадомъ большой участокъ земли. Когда оно стало чувствовать недостатокъ въ землѣ, которою пользовалось, живучи въ Дубовкѣ, часть этого общества переселилась на тотъ кусокъ земли. Такимъ образомъ возникло селеніе Песковатка. Отъ центра Дубовки до того мѣста, на которомъ были построены первые дома новаго селенія, считалось семь верстъ. Потому и уцѣлѣло до сихъ поръ выраженіе, что отъ Дубовки до Песковатки — семь верстъ. Но Дубовка быстро росла въ ту сторону, гдѣ Песковатка. Да и сама Песковатка много выросла въ сторону къ Дубовкѣ. И около 1866 года разстояніе между краями Дубовки и Песковатки было ужъ такъ невелико, что Песковатка составляла какъ будто подгородную слободу Дубовки.

Чистоплюевы жили въ Дубовкѣ. Но, принадлежа къ сословію удѣльныхъ крестьянъ, Ѳома Чистоплюевъ считался имѣющимъ надѣлъ въ земельной дачѣ Песковатскаго селенія. И въ этомъ селеніи была какая-то маленькая постройка, принадлежавшая ему, — что-то вродѣ анбара ли, или крошечной избышки, не умѣю сказать.

Воронинъ тоже имѣлъ кусокъ земли въ Песковаткѣ и на этомъ кускѣ домикъ.

Николай Чугуновъ, отецъ Катерины Чистоплюевой, оставался жителемъ Дубовки. Братъ его Антонъ, дядя Катерины, жилъ въ Песковаткѣ.

Антонъ Чугуновъ былъ рыбакъ. Продавать свою рыбу онъ пріѣзжалъ въ Дубовку. Въ время весенняго улова это бывало каждый день.

Лѣтами Антонъ Чугуновъ былъ много моложе отца Катерины. Былъ лишь немногимъ старше племянницы. Дядя и племянница росли почти вмѣстѣ. Были дружны. Жена дяди и Катерина очень любили другъ друга. Видѣлись безпрестанно.

Жену Антона Иванова Чугунова звали Марѳею Акимовою. У нихъ было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Старшую дочь ихъ звали Анною. Ей въ 1868 году было двѣнадцать лѣтъ. Имена двухъ другихъ дочерей Антона и Марѳы Чугуновыхъ: Дарья и Иванъ.

Антонъ и Марѳа Чугуновы не имѣли денежныхъ запасовъ. Но жили очень безбѣдно.

Черезъ улицу противъ нихъ жила Анна Филатова. Она была постарше Марѳы Чугуновой. Была чрезвычайно дружна съ нею.

Антонъ и Марѳа Чугуновы не интересовались Богатенковыми, такъ что слышали объ арестѣ ихъ довольно смутно и не имѣли охоты слышать подробнѣе и точнѣе.

Но когда Катерина Чистоплюева собиралась посѣтить Богатенковыхъ во второй, или третій, или четвертый разъ, Дарья Воронина, вмѣстѣ съ которой собиралась она къ нимъ, сказала ей, что рыба, которая была у нихъ, ужь вся вышла:— „Возьми, милая, рыбы въ гостинецъ имъ“.— Дѣло было во время весенняго улова, утромъ. У Чистоплюевыхъ вся рыба была ужь распродана. Катерина Чистоплюева подумала;— „Антонъ Ивановичъ, кажется, еще не распродаль свою рыбу; кажется, еще найду его на рыбномъ базарѣ“. И пошла на рыбный рынокъ искать дядю. Онъ былъ еще тамъ и у него еще оставалась нераспроданною хорошая рыба, въ томъ числѣ прекрасный большой сазанъ. Катерина Чистоплюева выбрала самую хорошую изъ оставшейся у него рыбы, между прочимъ, и этого сазана, и стала говорить, чтобъ онъ подарилъ ей отобранное ею. Онъ удивился: зачѣмъ ей столько рыбы на обѣдъ для троихъ? Да и вообще, зачѣмъ ей нужна рыба отъ него? У нея была въ это утро своя. Какъ же это она продала всю, не оставивши себѣ на обѣдъ, если хотѣла готовить себѣ нынѣ обѣдъ изъ рыбы?— Рыбу, пойманную ея мужемъ, продавала она.— Она должна была объяснить дядѣ, почему вдругъ понадобилась ей рыба.— Дядя разсмѣялся и далъ.

„Вотъ съ этого-то случая, другъ ты мой, и пошли у меня разговоры съ дядею и его женою о Богатенковыхъ. Ну и перешли Антонъ Ивановичъ и Марѳа Акимовна въ ту же вѣру, въ которую перешли мы, я съ моимъ старикомъ“.— Такъ рассказывала мнѣ Катерина Чистоплюева.

Примѣру своихъ друзей, Антона и Марѳы Чугуновыхъ, послѣдовала Анна Филатова.

Катерина Чистоплюева говорить о своемъ дядѣ съ уваженіемъ. Но въ каждомъ словѣ ея о немъ ясно слышится увѣренность, что ея мысли господствовали надъ его мыслями. И я полагаю, что это ея чувство основательно. Въ такомъ же отношеніи къ ней была и его жена.

Такимъ образомъ, изъ девяти человѣкъ той группы, къ которой принадлежали Воронины и Чистоплюевы, только два лица были, я полагаю, людьми, самостоятельно державшимися тѣхъ мнѣній, за которыя были подвергнуты суду; это Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева.

Григорій Воронинъ и Ѳома Чистоплюевъ приняли эти мнѣнія, подчиняясь вліянію своихъ женъ.

Антонъ Чугуновъ и его жена едва ли имѣли отчетливыя понятія о томъ вѣроученіи къ которому примкнули; а во всякомъ случаѣ, примкнули къ нему, лишь слѣдуя примѣру Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ.

Мать Ѳомы Чистоплюева, Дарья Чистоплюева, считала, я полагаю, это вѣроученіе не различающимся отъ старообрядчества (или Православія, въ данномъ случаѣ все равно) ничѣмъ такимъ, изъ-за чего стоило бы спорить, и приняла правила его лишь для того, чтобъ не огорчать сына и жену сына противорѣчіемъ въ вещахъ, казавшихся ей пустяками.

Наконецъ, Матрена Головачева и Анна Филатова были послѣдовательницами этой „вѣры“ лишь потому, собственно говоря, что держались принятыхъ въ ней правилъ обращенія съ людьми при встрѣчахъ: не раскланываться и не подавать руку; въ этомъ и состояла для нихъ обѣихъ „вѣра“, а приняли онѣ эти правила по уваженію—Матрена Головачева къ Дарьѣ Чистоплюевой, Анна Филатова — къ Антону Чугунову и его женѣ.

И такъ, „вѣра“, возлагавшая на своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ правила не раскланываться и не подавать рукъ при встрѣчахъ, пріобрѣла весною 1866 года девять человѣкъ послѣдователей и послѣдовательницъ въ Дубовкѣ и Песковатѣ.

Прошло два съ половиною года, насталъ декабрь 1868 года. Вѣра неподаванія руки при встрѣчахъ сохраняла весь тотъ комплектъ вѣрующихъ, безъ убавки и прибавки.

Дубовка и Песковатка хохотали надъ этою вѣрою и ея девятью вѣрующими.

Въ жизни вѣрующихъ произошли за это время двѣ перемѣны. Объ одной я ужъ говорилъ: осенью 1868 Чистоплюевы поселились въ землянкѣ. Другая перемѣна состояла въ томъ, что Воронины, торговыя дѣла которыхъ нѣсколько разстроились, переселились изъ Дубовки въ Песковатку, гдѣ могли жить экономнѣе, нежели въ Дубовкѣ.

Я говорилъ, что и Дубовка и Песковатка хохотали надъ Ворониними, Чистоплюевыми и ихъ единовѣрцами. Но, разумѣется, молвы о нихъ, смѣха надъ ними было несравненно меньше, нежели молвы и смѣха по поводу Богатенковыхъ и Киселевыхъ, потому что они были люди очень не важные, мало интересные. Только Воронины принадлежали къ торговому сословію; но и то лишь къ мелкимъ людямъ торговаго класса. Что за охота была Дубовкѣ и Песковатѣ много толковать о торговцѣ, весь капиталъ котораго ограничивался нѣсколькими тысячами рублей? А всѣ остальные семь человѣкъ были чернорабочіе: два рыбака, жена чеботаря, жена какого-то другаго мужика. Кромѣ родныхъ и личныхъ знакомыхъ кому былъ интересъ заниматься ихъ поступками?—О нихъ говорили только когда вспоминали о Богатенковыхъ; въ этихъ случаяхъ распространяли на нихъ тѣ порицанія и бранныя прозвища, которыя привыкла молва употреблять о Богатенковыхъ: „дурачье“, „сумасшедшіе“, „безумные“.

Въ два съ половиною года ихъ вѣра не пріобрѣла ни одного новаго послѣдователя, ни одной послѣдовательницы. Почему не пріобрѣла?—Причинъ было двѣ. Во первыхъ, у нихъ не было никакой потребности пропагандировать. Они думали только о собственномъ душевномъ спасеніи. Учитъ другихъ они не считали себя

ни призванными отъ Бога, ни способными. Всѣ они были люди совершенно темные. Никто изъ нихъ не умѣлъ читать. Никто изъ нихъ не имѣлъ даже и такого объема свѣдѣній по догматикѣ и по исторіи церкви, какимъ обладаетъ большинство безграмотныхъ людей между православными и между старообрядцами, пощащающими общественныя моленія своей секты. Всѣ они были люди смиренные и желавшіе быть благоразумными; потому, всѣ они молились только по домамъ, повинуваясь постановленному въ томъ краѣ со времени закрытія старообрядческихъ часовень запрещенію старообрядцамъ собираться для общественныхъ моленій. Я говорилъ объ этомъ. Говорилъ и о томъ, каково было натуральное послѣдствіе воздержанія безграмотныхъ старообрядцевъ отъ участія въ общественныхъ моленіяхъ: не слыша ни богослуженія, ни отрывковъ изъ священнаго Писанія, они постепенно забывали то, что когда-то знали, и напослѣдокъ, ихъ свѣдѣнія по догматикѣ и церковной исторіи упали до чрезвычайной скудости и сбивчивости. — Скромные и неглупые люди, дошедшіе до такой нищеты религіозныхъ свѣдѣній, не могли не понимать, что не годится имъ учить другихъ. А Чистоплюевы и Воронины были люди скромные и неглупые. Ужъ по одному этому они должны были чуждаться всякой мысли о пропагандированіи своихъ мнѣній и удерживать отъ этого остальныхъ своихъ единовѣрцевъ. Да вовсе и не клеилась ихъ „вѣра“ съ мыслями о пропагандѣ. Сущность ихъ религіозныхъ влеченій состояла въ заботѣ о собственномъ душевномъ спасеніи. Они были заняты мыслями только о томъ, чтобъ имъ самимъ удостоиться благоволенія Божія. Не объ основаніи какой нибудь секты думали они; нѣтъ; только о томъ, чтобы вести богоугодную жизнь. Они хотѣли быть людьми чистой нравственности, только въ сущности. Кто серьезно преданъ дѣлу собственного нравственнаго совершенствованія, у того нѣтъ ни досуга въ мысляхъ, ни склонности выступать проповѣдникомъ; исключеній изъ этого правила мало показываетъ исторія религіозной жизни. Напримѣръ наши Четь-Миней почти обо всякомъ изъ тѣхъ святыхъ Православной церкви, которые были проповѣдниками вѣры, говорятъ, что онъ лишь по принужденію отъ другихъ принималъ на себя проповѣдническую дѣятельность, а кого изъ святыхъ не принуждали къ проповѣдничеству повелѣнія его начальниковъ или духовныхъ наставниковъ, тѣ вообще и не выступали проповѣдниками.

И такъ, по обыкновенному свойству людей, заботящихся исключительно о собственномъ нравственномъ самосовершенствованіи, Чистоплюевы, Воронины и ихъ единовѣрцы не имѣли склонности учить другихъ.

„О своей душѣ мы думали; куда намъ было учить другихъ?“ — говорили мнѣ Катерина и Оома Чистоплюевы: — „Да и что жъ мы, вовсе глупые, что ли, чтобы намъ можно было не понимать, какіе мы люди: безграмотные; учить другихъ, то хоть читать-то надо бы умѣть“.

И такъ, они и ихъ единовѣрцы не дѣлали ни малѣйшихъ попытокъ распространять свою „вѣру“.

Но если бы и имѣла эта вѣра въ числѣ своихъ послѣдователей кого нибудь, склоннаго проповѣдывать ее, она не могла бы пріобрѣсти новыхъ послѣдователей. Сущность ея такова, что она ни при какихъ усиліяхъ, ни при какихъ, пусть бы хоть и самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ничѣмъ не стѣсненной, публичной пропаганды не могла бы пріобрѣсти столько послѣдователей, чтобы стать хотя бы крошечною сектою, — сектою, которая имѣла бы хоть сотню послѣдователей. Она —

явленіе совершенно случайное, мимолетное; явленіе, не могущее идти дальше ничтожной группы нѣсколькихъ лицъ, подчинившихся, по привычкѣ родства или многолѣтней дружбы, вліянію совершенно исключительной, ни мало не пригодной къ широкому распространенію, формы религіознаго чувства, овладѣвшей двумя-тремя людьми, прожившими десятки лѣтъ въ родственной или дружеской близости между собою. Я возвращусь къ этому, когда изложу сущность „вѣры“ моихъ друзей, Катерины и Оомы Чистоплюевой (и Матрены Головачевой, насколько добрая старушка имѣетъ эту „вѣру“, то есть очень мало). Теперь пока я лишь объясню тотъ фактъ, что эта „вѣра“ въ два съ половиною года не приобрѣла ни одного новаго послѣдователя, ни одной послѣдовательницы: сколько людей приняли ее въ первой половинѣ 1866 года, столько жъ ихъ было и въ концѣ 1868 года: девять человѣкъ; да девять, лишь по счету наивной Катерины Чистоплюевой; а по моему счету, человѣкъ пять, шесть изъ этихъ девяти.

Осмѣиваемые всѣми, кому случалось вспомнить о нихъ, эти люди, ничтожные по своему общественному положенію, прожили въ своей вѣрѣ два съ половиною года, не предполагая, что въ ихъ заботахъ о своемъ душевномъ спасеніи можетъ оказаться что нибудь несогласное съ закономъ.

Но около половины декабря 1868 года, Чистоплюевы услышали, что единовѣрцы ихъ, жившіе въ Песковаткѣ, — Чугуновы, Воронины, Филатова — арестованы. На другое утро Оома и Катерина Чистоплюевы пошли въ Песковатку навѣстить арестованныхъ. Когда они резговаривали съ арестованными, подошелъ къ нимъ полицейскій служитель и объявилъ имъ, что велѣно оставить подъ арестомъ и ихъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ становой приставъ и обратился къ Оомѣ и Катеринѣ съ вопросами, изумившими ихъ, показавшимися имъ грубою, нелѣпою и нечестивою насмѣшкою; и Катерина Чистоплюева отвѣчала ему на эти возмущавшіе ея душу вопросы народными поговорками, какими русскіе мужики и мужички заставляють молчать кощунствующихъ глупцовъ; — это поговорки шутилывыя; шутка для русскаго простонародья служить любимую формою выражать негодованіе. — Вотъ этотъ разговоръ Катерины Чистоплюевой съ предлагавшимъ ей и ея мужу возбуждавшіе въ нихъ негодованіе и дѣйствительно нелѣпые вопросы становымъ приставомъ.

Какъ увидѣлъ Оому и Катерину Чистоплюевыхъ, становой приставъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: — „Богъ есть у васъ?“ — Катерина сказала на это: „Гдѣ Богъ?“ — Становой сказалъ: — „На небѣ“. — Катерина сказала: — „Небо, тамъ никто не былъ“. — Становой сказалъ: — „А царь у васъ есть?“ — Катерина отвѣчала: — „А гдѣ же царь?“ — Становой сказалъ: — „угодно, я принесу портретъ“. — Катерина сказала: — „Я портретами не вѣрю“.

Становой кончилъ на этомъ свой удивительно умѣтный диспутъ съ русскими мужикомъ и мужичкой, будто съ какими нибудь парижскими *ouvriers*, между которыми не въ диковинку атеисты, и которые ужъ и тогда, въ 1868 году, были почти сплошь республиканцы. Становой приставъ очевидно воображалъ, что Дубовка и Песковатка — Парижъ, что самъ онъ *sous-préfet* Сенскаго департамента, и что бесѣда его съ Оомою и Катериною происходитъ на французскомъ языкѣ. Разочарованный въ иллюзіи, что придуманные имъ вопросы очень умны, онъ крикнулъ полицейскимъ: „посадить этихъ людей въ темницу“, и ушелъ.

Я возвращусь къ разговору, который привелъ съ буквальною точностью,

какъ нѣсколько разъ передавала мнѣ его, всегда совершенно одними и тѣми же словами, Катерина Чистоплюева.

На слѣдующее утро Ома и Катерина Чистоплюевы были отправлены въ Царицынъ.

Воропины, Чугуновы и Филатова были ужъ отправлены туда раньше ихъ.

Черезъ мѣсяцъ были арестованы и также отправлены въ Царицынъ Дарья Чистоплюева и Матрена Головачева.

Было арестовано еще нѣсколько человѣкъ, — человѣкъ пять или шесть, кажется, — по предположенію, что и они держатся той же вѣры. Но эти предположенія были найдены неосновательными, и тѣ пять или шесть человѣкъ были освобождены отъ суда. Я считалъ излишнимъ дѣлать обремененіе моей памяти напрасною заботою удерживать въ ней ихъ имена.

Подсудимыми остались только девять человѣкъ, которыхъ я перечислялъ:

Григорій и Дарья Воронины; Антонъ и Марѳа Чугуновы; Анна Филатова; Дарья, Ома и Катерина Чистоплюевы; Матрена Головачева.

Чугуновымъ было съ-начала позволено, чтобъ ихъ дѣти находились при нихъ. Черезъ нѣсколько времени, старшее изъ ихъ троихъ дѣтей, дѣвочка Анна, умерла.

Дарья Чистоплюева, Марѳа Чугунова, Григорій Воронинъ умерли во время процесса.

Дожили до конца процесса и — сколько я знаю, до сихъ поръ остаются живы — шесть человѣкъ изъ девяти; это:

Дарья Воронина; Антонъ Чугуновъ; Анна Филатова; Ома и Катерина Чистоплюевы; Матрена Головачева.

Процессъ длился больше пяти лѣтъ, — съ декабря 1868 до марта 1874 года. Года полтора или нѣсколько больше, подсудимые содержались подъ стражею въ Царицынѣ; послѣ того были отправлены въ Камышинъ; оставались тамъ тоже года полтора; откуда были отправлены въ Саратовъ, и пробыли тамъ тоже года полтора. Ихъ понятія о формахъ судопроизводства и о ходѣ ихъ процесса такъ слабы и темны, что я не могъ найти въ ихъ разсказахъ никакихъ объясненій для этихъ перемѣщеній ихъ изъ Царицына въ Камышинъ, оттуда въ Саратовъ. Но само собою разумѣется, это было дѣлаемо по какимъ нибудь вполне основательнымъ и совершенно законнымъ причинамъ. Относительно того, что были переведены они изъ Камышина въ Саратовъ, — изъ уѣзднаго города въ губернской, и притомъ такой, гдѣ находятся центральныя учрежденія судебной власти того судебного округа, я предполагаю, что мотивъ тутъ былъ самый доброжелательный въ пользу подсудимыхъ: судебная палата, когда разсматривала доставленное ей предварительное слѣдствіе, желала, я полагаю, поближе присмотрѣться къ подсудимымъ съ тою снисходительною цѣлью, чтобы увидѣть, не найдется ли какого нибудь законнаго повода прекратить дѣло освобожденіемъ этихъ — по документамъ предварительнаго слѣдствія Палата безъ сомнѣнія видѣла — жалкихъ невѣждъ, нелѣпо впутывавшихъ себя въ преступныя выраженія на допросахъ предварительнаго слѣдствія. Едва-ли я ошибаюсь, предполагая у судебной палаты это сострадательное желаніе. И если она не исполнила его, то лишь по невозможности добиться отъ несчастныхъ невѣждъ разсудительныхъ словъ, которыя дали бы ей какое нибудь законное основаніе постановить приговоръ о прекращеніи процесса. — Это лишь мое личное соображеніе. Въ разсказахъ моихъ темныхъ друзей я не

могъ найти ничего ни въ опроверженіе, ни въ подтвержденіе ему. Они совершенно темные люди, такіе темные, что у нихъ не являлось даже потребности подумать: да почему жъ не оставляли ихъ все время процесса находиться подъ стражею въ Царицынѣ, а переводили ихъ въ другіе города. Они чувствовали себя до такой степени безсильными понимать факты процесса, что не являлось у нихъ и помысль думать, что такое, какъ и почему совершается надъ ними. Они во все продолженіе процесса держали себя, какъ бараны: вообще, молчаливо и смиренно; и—иной разъ, въ избыткѣ душевнаго страданія, издавали рѣзкіе, бессмысленные звуки, метались стремглавъ куда попало, — и послѣ того опять стояли смиренно и молчали. Съ людьми, которые держатъ себя бессмысленно, какого толку можно добиться?— Не добилась толку съ ними судебная палата, и принуждена была ихъ безтолковостью отказаться отъ надежды спасти ихъ, нашла себя въ необходимости постановить рѣшеніе о преданіи ихъ суду. Такъ я думаю объ отношеніяхъ судебной палаты къ предварительному слѣдствію: оно показывало ей, что это люди, достойные всякаго состраданія; но говорившіе на допросахъ вещи, преступныя по закону; передѣлать этого она не нашла возможности, и должна была предать бессмысленныхъ невѣждъ суду; жалѣла о томъ, но не могла поступить иначе.

Въ началѣ 1874 года подсудимые были отправлены изъ Саратова въ Царицынъ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ надъ ними. Царицынскій окружный судъ назначилъ днемъ рѣшенія ихъ процесса 8-ое марта. Въ судѣ несчастные невѣжды держали себя такъ, что ужъ и одного этого, независимо отъ нелѣпостей, надѣланныхъ ими на допросахъ предварительнаго слѣдствія, было бы вполне достаточно для отнятія у присяжныхъ засѣдателей всякой возможности произнести какойнибудь иной вердиктъ о нихъ, кромѣ вердикта: „да, виновны“. — И они были приговорены—къ какому именно наказанію?—къ ссылкѣ ли въ Восточную Сибирь на поселеніе?—или къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири?—или, быть можетъ, къ какомунибудь иному, подобному этимъ, но иному какомунибудь наказанію?—разобрать этого изъ ихъ словъ я не могъ. Они полагаютъ, будто бы они слышали въ судѣ, что приговорены они къ ссылкѣ въ Вилуйскій округъ. Дѣло очевидное: они не поняли выраженій приговора о нихъ. Они воображаютъ, что въ приговорѣ было сказано то, что узнали они гдѣнибудь въ Томскѣ, или въ Иркутскѣ о распоряженіи мѣстной административной власти, сдѣланномъ на основаніи судебного приговора, конечно не опредѣлявшаго съ такою точностью мѣстность, гдѣ поселить ихъ.

Сдѣлавъ этотъ общій очеркъ процесса, перехожу къ подробностямъ о немъ, какія умѣли припомнить и рассказать мнѣ мои бѣдные, темные друзья.

По правиламъ своей вѣры, подсудимые должны были оставлять защиту свою исключительно Богу. Потому они не должны были говорить ничего въ свое оправданіе. Пусть будутъ взводимы на нихъ какія бы то ни было обвиненія: они должны молчать въ упованіи, что если Богъ захочетъ показать ихъ судьямъ ихъ невинность, то покажетъ ее и безъ ихъ вмѣшательства. Оправдываться, это значитъ не имѣть вѣры въ покровительство Божіе. Такое невѣріе—грѣхъ.

Но это нелѣпый образъ мыслей? Конечно не я, принадлежащій къ той школѣ философскаго мышленія, которая называется атеизмомъ, могу имѣть сомнѣніе въ томъ, что образъ мыслей моихъ несчастныхъ друзей о теологическихъ вещахъ вообще, и въ частности о покровительствѣ Провидѣнія имъ, не выдерживаетъ

анализа. Но вопросъ здѣсь вовсе не о томъ, считаю ли я или считаетъ ли кто-нибудь иной какое нибудь убѣжденіе основательнымъ. Вопросы здѣсь могутъ идти лишь о томъ, сообразны или не сообразны данныя убѣжденія людей, о которыхъ идетъ дѣло, съ догматами христіанства. и составляютъ ли они, или нѣтъ, преступленія противъ законовъ Русской имперіи.

Кому изъ христіанскихъ богослововъ угодно, тѣ могутъ, съ точки зрѣнія житейской опытности, смѣяться надъ мыслью: „Провидѣніе защищаетъ невинныхъ; невинные должны уповать на это“. Но—всякое отрицаніе этой мысли—отрицаніе одного изъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры. Всякая ортодоксальная книга и у Православныхъ, и у Католиковъ, и у Протестантовъ подтвердить: это одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанства.

А что касается законовъ Русской имперіи, они постановляютъ однимъ изъ основныхъ правилъ уголовного судопроизводства юридическій принципъ: подсудимый не обязанъ отвѣчать ни на какіе вопросы; ему предоставлено право молчать.

И такъ, благоразумно ли, или нѣтъ, было правило, держаться котораго желали, сообразно своей вѣрѣ, подсудимые, въ немъ не было ничего несообразнаго съ Православіемъ (или Католичествомъ, или ортодоксальнымъ Протестантствомъ) и ничего противнаго законамъ Русской имперіи.

И если бъ у нихъ достало силы неуклонно держаться этого правила, то они были бъ совершенно оправданы судомъ. Въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія ни у какого хорошаго юриста.

Но — легко для вѣрующихъ вѣрить въ то, во что искренно и горячо вѣрятъ они. Иное дѣло, неуклонно держаться правилъ своей вѣры въ тяжкихъ, продолжительныхъ житейскихъ затрудненіяхъ.

Ни у кого изъ подсудимыхъ не достало силы неуклонно молчать на допросахъ. И они—каждый разъ, какъ изнемогала ихъ воля хранить молчаніе, говорили глупости; а иной разъ говорили вещи—и совершенно глупыя, и съ тѣмъ вмѣстѣ преступныя.

Всѣ хорошіе юристы всѣхъ цивилизованныхъ странъ согласны въ томъ, что слѣдователь долженъ начинать допросъ формальнымъ констатированіемъ личности подсудимаго. Простѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ средствомъ исполнить эту очень важную формальность всѣ они считаютъ предложеніе подсудимому вопросовъ о его личности (о его имени, званіи и т. д.). Я не знаю, поставлено ли Русскими законами соблюденіе этого юридическаго обряда въ непремѣнную обязанность слѣдователю. Но думаю, что поставлено. А во всякомъ случаѣ, оно было соблюдаемо лицами, производившими въ предварительномъ слѣдствіи допросы подсудимыхъ. Прекрасно. Эти слѣдователи соблюдали важный юридическій принципъ, соблюденіе котораго повелѣвалъ имъ, я полагаю, и положительный русскій законъ.

Но что изъ того выходило?

Приводятъ на допросъ, положимъ, Оуму Чистоплюева. Слѣдователь спрашиваетъ его:— „Какъ тебя зовутъ?“—Чистоплюевъ молчитъ.—Какъ долженъ поступить въ подобномъ случаѣ опытный юристъ?—Это предусматрѣно и разъяснено въ ученыхъ книгахъ о юриспруденціи; я полагаю: предусматрѣно, рѣшено, поставлено въ обязанность слѣдователю также и русскимъ законодательствомъ.

Слѣдователь предлагаетъ подсудимому какой нибудь вопросъ. Подсудимый молчитъ. Если подсудимый, какъ извѣстно слѣдователю, не глухъ и не нѣмъ, слѣ-

дователь записываетъ въ актъ допроса: „Подсудимому былъ предложенъ такой-то вопросъ; подсудимый не отвѣчалъ на него“. Если же слѣдователю неизвѣстно, глухъ или нѣтъ, нѣмъ или нѣтъ, подсудимый, то слѣдователь разъясняетъ себѣ эти вещи, спрашивая о томъ у людей, лично знакомыхъ съ подсудимымъ, или экспертовъ по даннымъ предметамъ, — на примѣръ медиковъ, — и вноситъ въ акты ихъ показанія, что подсудимый не глухъ и не нѣмъ, но на предложенный такой-то вопросъ не отвѣчалъ. — Во всякомъ случаѣ, процедура относительно вопроса, на который не отвѣчаетъ подсудимый, должна состоять въ констатированіи факта, что подсудимый не отвѣчалъ, и констатированіемъ этого факта должна кончатся. Такъ говорить юриспруденція; и говорить такъ, если я не ошибаюсь, положительный русскій законъ.

Но слѣдователю воображалось, что онъ обязанъ добиваться, чтобы подсудимые отвѣчали на вопросы о ихъ личности. Результатомъ было, что подсудимые, утомленные его настойчивостью, теряли силу сохранять молчаніе. И давали отвѣтъ. Но какой отвѣтъ былъ это. — Отвѣтъ, дѣйствительно способный до глубины души возмутить слѣдователя, — если слѣдователь не провелъ много лѣтъ своей жизни надъ изученіемъ Чети-Миней и тому подобныхъ книгъ, или не жилъ долгіе годы среди простыхъ людей интенсивной религіозности. Я взялъ для примѣра то, какъ держалъ себя Ома Чистоплюевъ. Буду и продолжать примѣръ на его отвѣтахъ.

— „Какъ тебя зовутъ?“ — спрашиваетъ слѣдователь. Чистоплюевъ молчитъ. Слово слѣдователь повторяетъ и повторяетъ вопросъ, постепенно приходя въ раздраженіе. Чистоплюевъ чувствуетъ наконецъ: невозможно отдѣлаться молчаніемъ; надобно отвѣчать; — и отвѣчаетъ: — „Не знаю“. — Имѣй слѣдователь живое понятіе о священныхъ легендахъ православной церкви, онъ не затруднился бы возратить себя къ утраченному имъ спокойствію духа. Онъ зналъ бы, что Чистоплюевъ смиренно исполняетъ его требованіе, и даетъ ему отвѣтъ, свидѣтельствующій о покорности волѣ начальства. Но слѣдователь, не знакомый съ языкомъ священныхъ легендъ, принимаетъ отвѣтъ за дерзость и горячится больше прежняго.

Не хочу продолжать. Я не виню слѣдователя. Я убѣжденъ, ему казалось, что онъ поступаетъ, какъ обязанъ по закону. Я говорю только, что онъ не имѣлъ тѣхъ знаній, которыя были бы ему необходимы для сообразнаго съ кроткими относительно религіозныхъ отрицательностей нашего невѣжественнаго простонародья желаніями Правительства, для соответствующаго духу распоряженій Правительства относительно раскольничьихъ дѣлъ, для хорошаго веденія слѣдствія.

Не хочу продолжать о слѣдователѣ. Нахожу надобнымъ разсказать лишь тѣ изъ возникавшихъ на допросахъ фактовъ, которые были преступленіями подсудимыхъ; преступленіями, безспорно, тяжкими.

Не всегда подсудимые успѣвали сохранить на допросахъ спокойствіе души. И иногда допросы обращались въ площадную перебранку между слѣдователемъ и подсудимымъ.

Ругаться съ чиновникомъ судебного вѣдомства во время исполненія имъ его должностныхъ обязанностей, это составляетъ нарушеніе закона, подлежащее наказанію; какому именно, я не знаю опредѣлительно; думаю, довольно тяжелому. Но это не составляетъ уголовного преступленія. И наказаніе за это, какъ бы ни было тяжело само по себѣ, безъ сомнѣнія не принадлежитъ къ разряду наказаній уголовныхъ. Во всякомъ случаѣ, оно очень маловажно сравнительно со ссылкой на

поселеніе. И судьба подсудимыхъ была бы счастлива, сравнительно съ участью, которой подверглись они, если бы слѣдователь не увлекался своею горячностью въ перебранкѣ съ подсудимыми до профанаціи того, чего вовсе не долженъ былъ касаться въ этой неумѣстной фазѣ обмѣна тривіальныхъ словъ, до которой никогда не унижаются опытные слѣдователи, умѣющіе помнить, что они — должностныя лица, обязанныя держать себя съ достоинствомъ, говорить спокойно и разсудительно, и говорить лишь то, что необходимо по предмету рѣчи. — Изъ-за чего и собственно о чемъ шли споры? — Только изъ-за того, что подсудимые не хотѣли произносить своихъ именъ; только о томъ, можетъ ли слѣдователь удовлетвориться внесеніемъ въ протоколъ допроса факта, что они не хотятъ называть своихъ именъ. Только изъ-за этого, только объ этомъ шли споры. Но при своемъ раздраженіи, слѣдователь кричалъ, въ этихъ перебранкахъ изъ-за чисто-формального несогласія, будто бы споръ идетъ о Богѣ и о царѣ. Результатомъ было, что онъ слышалъ иногда въ отвѣтъ простонародныя выраженія, какія издавна употребляются въ перебранкахъ, когда нападающій впутываетъ въ свои бранчивыя выходки неумѣстные обороты рѣчи о Богѣ и о царѣ. Я разберу послѣ каковъ дѣйствительный смыслъ этихъ простонародныхъ выраженій. Но безспорно то, что кажущійся яснымъ для незнакомыхъ съ дѣйствительнымъ ихъ смысломъ буквальный смыслъ ихъ, если предлагается судебному рѣшенію, не можетъ не быть признанъ по судебному рѣшенію преступнымъ.

Какъ скоро слѣдственные документы, констатировавшіе употребленіе этихъ выраженій нѣкоторыми изъ подсудимыхъ и принадлежность всѣхъ другихъ подсудимыхъ къ одинаковому съ тѣми ихъ со-подсудимыми образу мыслей, сдѣлались предметомъ судебного рѣшенія, никакіе судьи, никакіе присяжные засѣдатели не могли не найти, что подсудимые виновны въ уголовномъ преступленіи.

Приговоръ былъ безспорно правиленъ.

Во время суда произошло обстоятельство, значеніе котораго съ формальной стороны я не умѣю опредѣлить, по смутности воспоминаній моихъ друзей о главномъ моментѣ его, но которое, я полагаю, не имѣло реальнаго вліянія на рѣшеніе суда.

То засѣданіе Царицынскаго окружнаго суда, въ которомъ были судимы Воронины, Чистоплюевы и другіе, судившіеся вмѣстѣ съ ними, началось производствомъ другихъ процессовъ, — какихъ-то заурядныхъ уголовныхъ процессовъ, по дѣламъ какихъ-то воровъ или какихъ-то мошенниковъ. Процессы эти были ведены, само собою разумѣется, въ присутствіи публики. Когда они были кончены и судъ долженъ былъ перейти къ процессу Ворониной, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ, судъ постановилъ производить ихъ дѣло при „закрытыхъ дверяхъ“, — какъ передаютъ это постановленіе на своемъ простонародномъ языкѣ мои друзья; я полагаю, это значитъ, что судъ сдѣлалъ постановленіе объ удаленіи публики изъ судебного зала. Подсудимые подняли шумъ, требуя, чтобы ихъ судили въ присутствіи публики. — Окружный Судъ послалъ въ Саратовскую судебную Палату телеграмму съ увѣдомленіемъ объ этомъ фактѣ, и вопросомъ, какъ тутъ поступить. Саратовская судебная Палата отвѣчала телеграммою, постановлявшею, что процессъ долженъ быть произведенъ, какъ велитъ обыкновенный судебный порядокъ, въ присутствіи публики. Подсудимые успокоились, и, сколько

умѣють понять мои друзья, держали себя отъ самаго начала судебного процесса до самаго конца его съ должнымъ почтеніемъ къ суду.

И такъ, постановленіе Царицынскаго окружнаго суда, подавшее поводъ къ прискорбному инциденту, было отмѣнено; слѣдовательно, было или неосновательнымъ, или ненужнымъ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ признать, что Царицынскій окружный судъ сдѣлалъ это постановленіе по соображенію, чуждому всякой недоброжелательности къ подсудимымъ. Въ процессѣ должна была идти рѣчь о выраженіяхъ, буквальный смыслъ которыхъ оскорбителенъ для Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Если я не ошибаюсь, законъ повелѣваетъ, что при подобныхъ процессахъ судъ совершается не въ присутствіи публики. Съ этой точки зрѣнія то постановленіе окружнаго суда было законно и справедливо. Саратовская судебная Палата отмѣнила это постановленіе, конечно, лишь потому, что не нашла дѣйствительно оскорбительными для Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА тѣ выраженія, которыя казались такими Окружному суду. Она, какъ ясно изъ этого, угадывала, что подсудимые не могли имѣть намѣренія оскорблять Особу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Угадывала и была права въ своей догадкѣ. Но—какъ быть!—Не имѣла она власти спасти подсудимыхъ. Буквальный смыслъ тѣхъ нелѣпыхъ словъ преступенъ. Она могла только сожалѣть о несчастныхъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и Царицынскій окружный судъ желалъ бы спасти ихъ. Не могъ только.

Возвращаясь къ вопросу о вліяніи разсказаннаго мною инцидента на судьбу подсудимыхъ.

Подсудимые подняли шумный говоръ по поводу постановленія Окружнаго суда о производствѣ ихъ процесса не въ присутствіи публики. Что именно говорили они въ эти минуты?—Они были такъ взволнованы, что сами не помнили хорошенько, въ чемъ состояли ихъ слова. Само собою разумѣется, это были слова протеста противъ постановленія, взволновавшаго подсудимыхъ. Мои друзья полагаютъ, что не ошибаются, припоминая, будто протестъ былъ высказываемъ въ выраженіяхъ рѣзкихъ, въ родѣ слѣдующихъ:—„Вашъ судъ неправый; вы судьи несправедливые; за что вы хотите осудить насъ, невинныхъ?“—Такія выраженія, конечно, были обидны для судей. Но я убѣжденъ, что судьи легко возвысились надъ чувствомъ незаслуженной ими обиды. остались, какъ были, доброжелательны къ несчастнымъ. И если шумный говоръ подсудимыхъ заключалъ въ себѣ оскорбленіе только суду, онъ былъ, я убѣжденъ, оставленъ великодушіемъ судей въ сторонѣ отъ всякаго вліянія на приговоръ.

Но, только ли противъ судей говорили подсудимые въ своемъ волненіи? Не случилось имъ, въ этомъ омраченіи мыслей, повторить въ залѣ суда тѣ преступныя слова о Богѣ и о царѣ, которыя вырывались у нихъ при перебранкахъ съ слѣдователемъ на допросахъ? Мои друзья не увѣрены, что не было такъ; они не помнятъ, было ли такъ; но считаютъ вѣроятнымъ, что было такъ, что тѣ преступныя слова были повторены въ залѣ суда.

И такъ, вѣроятно, что въ самое время суда надъ несчастными невѣждами были произнесены ими слова, произнесеніе которыхъ тутъ составляло такой фактъ, что онъ и одинъ самъ по себѣ, независимо отъ фактовъ, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и, вѣроятно, излагавшихся въ обвинительномъ актѣ, прочтенномъ прокуроромъ, отнималъ у суда всякую возможность спасти подсудимыхъ.

Если, какъ я, основываясь на свидѣтельствѣ моихъ друзей, считаю вѣроятнымъ, фактъ былъ дѣйствительно таковъ, — если дѣйствительно были, въ тотъ инцидентъ волненія, произнесены подсудимыми тѣ преступныя слова, инцидентъ имѣлъ громадное формальное значеніе: онъ дѣлалъ безсильными всякія попытки поколебать достовѣрность фактовъ, составлявшихъ содержаніе обвинительной рѣчи. Пусть бы доказано было на судѣ, что всѣ пункты обвиненія, выставленные прокуроромъ на основаніи предварительнаго слѣдствія, не вѣрны, несправедливы. Все равно: по устраненіи всей обвинительной рѣчи, оставался бы на рѣшеніе суда фактъ, произошедшій теперь же, здѣсь же, въ залѣ суда; фактъ, не подлежащій спору по своей достовѣрности и несомнѣнно, неопровержимо преступный.

Таково было формальное значеніе инцидента, предполагая, что въ немъ дѣйствительно были произнесены тѣ преступныя слова. Но реальнаго вліянія на судьбу подсудимыхъ онъ, я полагаю, не имѣлъ, если и были дѣйствительно произнесены тутъ эти слова, что считаютъ вѣроятнымъ мои друзья. Реальное значеніе приобрѣталъ бы инцидентъ лишь при оспариваніи достовѣрности фактовъ, приводимыхъ обвинительною рѣчью. Но эти факты не оспаривались, сколько я могу сообразить по смутнымъ воспоминаніямъ моихъ друзей. Кажется, что подсудимые ровно ничего не возражали противъ обвинительной рѣчи. Кажется, они оставили своимъ молчаніемъ эту рѣчь имѣющую значеніе правды, признаваемой ими за правду, противъ которой они не имѣютъ ничего возразить. Кажется, было такъ. А когда такъ, то и безъ инцидента, какъ при инцидентѣ, фактическія основанія для вердикта присяжныхъ и приговора судей были равно тверды.

Краткій выводъ изъ этихъ моихъ соображеній о прискорбномъ инцидентѣ состоитъ въ слѣдующемъ:

Если подсудимые не вполне погубили себя до начала судебного разбора ихъ процесса, то они довершили свою гибель этимъ инцидентомъ. Но я полагаю, что они ужъ окончательно погубили себя преступными словами на допросахъ. Потому, инцидентъ ужъ ничего не прибавилъ къ ихъ бѣдствію. Оно и безъ него было бы таково же. Оно и безъ него было бы неотвратимо никакою сострадательностью суда. Во время судебного разбора дѣла подсудимые умудрились совершить еще подвигъ невообразимо нелѣпой безсмыслицы. Эта нелѣпая выдумка ихъ нечестивости не составляла, сколько я могу судить, преступленія въ точномъ смыслѣ юридическаго понятія о преступленіи. Но она, безъ сомнѣнія, произвела потрясающее впечатлѣніе на судей, — какъ произвела бы потрясающее впечатлѣніе на всякаго разсудительнаго человѣка, сколько нибудь грамотнаго. Я не знаю, имѣли ль право судьи оставить этотъ фактъ не внесеннымъ въ протоколъ судебного засѣданія. Если имѣли право не записать, то, безъ сомнѣнія, оставили незаписаннымъ; я убѣжденъ, они желали не отягчать судьбу подсудимыхъ, и оставляли въ сторонѣ все вредное для подсудимыхъ, что могли по закону оставлять безъ вниманія.

Дѣло было, по воспоминаніямъ моихъ друзей, такъ:

Подсудимые сказали: — „Прокуроръ не вызвалъ“ — или: „слѣдователь не вызвалъ“ — они не знаютъ хорошенько разницу между словами „прокуроръ“ и „слѣдователь“, и перепутываютъ эти слова; и такъ, они сказали: „Прокуроръ (или слѣдователь) не вызвалъ нашего свидѣтеля“, — то есть, свидѣтелей, которые, по ихъ мнѣнію, дали бы показанія въ ихъ пользу“. — Предсѣдатель суда тономъ

строгаго порицанія обратился къ прокурору (или слѣдователю) съ вопросомъ: — „Какъ же это вы не исполнили требованія подсудимыхъ?“ — Спрашиваемый всталъ и сказалъ предсѣдателю: — „Я не могъ“. — Предсѣдатель сказалъ: — „Почему не могли?“ — Спрашиваемый сказалъ: — „Я не могу сказать, почему я не могъ сдѣлать этого“; сказавши эти слова громко, спрашиваемый подошелъ къ предсѣдателю и, наклонившись къ его уху, прибавилъ нѣсколько словъ шепотомъ. Предсѣдатель обратился къ подсудимымъ и сказалъ: — „Того, чего вы желали, нельзя было сдѣлать“. — Подсудимые выслушали отвѣтъ предсѣдателя въ молчаніи, безъ возраженій.

Желаніе подсудимыхъ, исполнить которое было невозможно предсѣдателю суда, состояло въ томъ, чтобы вызванъ былъ въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, — Каракозовъ.

Услышавъ это имя, я подумалъ, что ослышался, и сказалъ: — „Пожалуйста, повторите, кого желали вы имѣть свидѣтелемъ за васъ; можетъ быть, я неправильно разслышалъ“. — Мои друзья совершенно спокойно, какъ будто считаютъ то свое желаніе мыслью самою простою и разсудительною, повторили всѣ въ одинъ голосъ: — „Мы просили, чтобы вызвали Каракозова“. — „Ну, теперь я вижу, что я разслышалъ фамилію правильно. И, когда такъ, то я спрошу васъ, кто жъ такой, тотъ Каракозовъ, котораго вы желали имѣть свидѣтелемъ въ вашу пользу? Я слышалъ эту фамилію. Но мнѣ хочется понять, о томъ ли Каракозовѣ думали вы, о которомъ слышалъ я, или, можетъ быть, о какомъ нибудь совѣмъ другомъ человѣкѣ съ такою же фамиліею“. — „Мы вызывали того самаго Каракозова, о которомъ слышали всѣ“. — „Такъ; но я все таки спрошу васъ еще, чтобы мнѣ не ошибиться въ томъ, объ одномъ ли и томъ же Каракозовѣ мы говоримъ. Что такое слышали всѣ о Каракозовѣ, о которомъ вы говорите?“ — „Онъ стрѣлялъ въ царя Александра Николаевича“. — „Теперь нельзя мнѣ ошибиться въ томъ, кто былъ Каракозовъ, о которомъ вы говорите: тотъ самый Каракозовъ, о которомъ слышалъ и я. Но, только вотъ что я скажу вамъ: должно быть, вы знали о немъ меньше, нежели знаю я. Если бы вы знали о немъ то, что знаю я, вы не просили бы, чтобы онъ былъ вызванъ въ судъ свидѣтельствовать въ вашу пользу. Предсѣдатель суда сказалъ вамъ совершенно справедливо, что сдѣлать этого было въ то время невозможно“. — „Ну, вотъ, невозможно. Просто, имъ не хотѣлось вызвать его; только и всего“, — возразила мнѣ Катерина Чистоплюева, которая вообще первенствовала надъ двумя другими моими друзьями въ случаяхъ споровъ со мною; ея мужъ и его тетка во всѣхъ такихъ случаяхъ только выражали свое согласіе съ нею. — „Нѣтъ, Катерина Николаевна, не то, что судьи не захотѣли уважить ваше желаніе, а въ самомъ дѣлѣ невозможно было исполнить его. Дѣйствительно невозможно, потому что Каракозова тогда ужъ не было въ живыхъ“. — Всѣ трое встрепнулись, слыша такую новость. — „Такъ онъ умеръ?“ — „Да, Катерина Николаевна. Его ужъ не было въ живыхъ и тогда“. — „Вотъ что!“ — задумчиво проговорила Катерина Николаевна, и послѣ паузы раздумья спросила: — „когда жъ онъ умеръ? Ты не слышалъ?“ — „Слышалъ, Катерина Николаевна; очень скоро послѣ того, какъ заговорили о немъ всѣ, ужъ и не стало его въ живыхъ“. — Чистоплюева одинъ мигъ смотрѣла на меня въ недоумѣніи; но быстро сверкнуло въ ея взглядѣ выраженіе, показывавшее, что мои слова стали для нея ясны, и она засмѣялась съ добродушнымъ снисхожденіемъ; покачала

головою и сказала: — „Такъ вотъ она въ чемъ, твоя новость-то, которой ты было-удивиль-то насъ. Вотъ объ чемъ ты говоришь-то. Это объ томъ, что будто его повѣсили-то?“ — „Объ этомъ, Катерина Николаевна“. — „Такъ вотъ оно что, а мы думали, ты слышалъ, чего мы не слышали, что онъ умеръ послѣ когда нибудь. А эти-то пустяки мы тогда же слышали, когда и всѣ ихъ слышали. Такъ неужели же ты повѣрилъ этому пустому слуху, будто его повѣсили? Ну, ну, я о тебѣ такъ не думала, что ты можешь этому вѣрить. Не было этого, мой другъ милый. Это только напечатано было такъ въ газетахъ, чтобы всѣ читали и вѣрили, кто не долженъ знать по-настоящему. А и ты тоже повѣрилъ, охъ, ты.“ — Она опять покачала головою, въ удивленіи, что я повѣрилъ пустому слуху. — „Ну, когда ты не знаешь, какъ было дѣло, то надо рассказать тебѣ. Стрѣлялъ онъ въ царя Александра Николаевича; зачѣмъ стрѣлялъ?“ — „Онъ хотѣлъ убить царя Александра Николаевича; такъ я слышалъ, Катерина Николаевна“. — „Нѣтъ, мой милый другъ; совсѣмъ не то: этотъ выстрѣлъ былъ лишь для виду; надобно было сдѣлать этотъ видъ. И надобно было это царю Александру Николаевичу; ну, Каракозовъ и сдѣлалъ это, по согласію съ царемъ Александромъ Николаевичемъ“. — „Вижу: вы слышали, Катерина Николаевна, то, чего я не слышалъ. Что правда, что неправда, разберемъ, когда я дослушаю все, Катерина Николаевна. А теперь пока я только спрошу васъ, правильно ли я понимаю ваши слова. Вы говорите, Каракозовъ сдѣлалъ выстрѣлъ по приказанію самого же царя Александра Николаевича?“ — „Видишь ли ты, мой другъ: о чемъ и какъ они говорили между собою передъ этимъ, мы не слышали въ подробности; потому, неизвѣстно, царь ли Александръ Николаевичъ призвалъ къ себѣ Каракозова и далъ ему приказаніе, или Каракозовъ самъ пришелъ къ нему, чтобы самому вызваться на это. Только, такъ ли, или иначе, было это сдѣлано по уговору между ними, по согласію“. — „Катерина Николаевна, да вѣрно ли это?“ — „Другъ ты мой, да какъ же не вѣрно-то? Объ этомъ во всѣхъ газетахъ тогда же было напечатано. Только надо было понимать. Извѣстно: о такихъ дѣлахъ какъ пишется въ газетахъ? Такъ, чтобы кто можетъ понять, понялъ; а кто не понимаетъ, тѣ пусть не понимаютъ“. — „Неужели это было напечатано въ газетахъ, Катерина Николаевна?“ — „Было; говорю я тебѣ: было. Это самъ царь Александръ Николаевичъ сказалъ; какъ онъ сказалъ, тѣ самыя его слова и были напечатаны въ газетахъ“. — „Какъ же онъ сказалъ?“ — „А вотъ какъ. Дѣло-то это было на площади; ну, народу было много тутъ; Каракозовъ при всемъ народѣ подошелъ къ царю Александру Николаевичу, и сдѣлалъ выстрѣлъ, для виду; а царь Александръ Николаевичъ обернулся къ народу и сказалъ: „это великая тайна“. Ну, такъ эти слова его и напечатаны были тогда во всѣхъ газетахъ“. — „Катерина Николаевна, дѣйствительно ли было напечатано такъ въ газетахъ?“ — „Было. Царь Александръ Николаевичъ обернулся къ народу и сказалъ: „это великая тайна“; — этими словами онъ сказалъ, они самыя и были напечатаны во всѣхъ газетахъ“.

Расскажу теперь, изъ какихъ элементовъ сложилась эта нелѣпость, засѣвшая въ головахъ моихъ бѣдныхъ темныхъ друзей и ихъ единовѣрцевъ.

Людямъ моихъ лѣтъ или старше меня памятно, какая молва ходила въ 1856 и слѣдующихъ годахъ по поводу условій мира, которымъ закончилась Крымская война. Всякій, жившій въ образованномъ обществѣ, встрѣчалъ тогда множество довольно высоко или даже высоко поставленныхъ людей, увѣрявшихъ, будто бы

Кромѣ обнародованныхъ условій мира есть „тайныя“, гораздо болѣе обнародованныхъ тяжкія для Россіи или унизительныя для ея достоинства. И каждый изъ этихъ тайновѣдцевъ сообщалъ по секрету всѣмъ и каждому дипломатическія тайны, въ которыя удалось ему проникнуть. Не хочу перечислять эти пошлыя выдумки, которымъ вѣрило тогда большинство образованнаго общества. По надобности для предмета моей рѣчи напомню лишь двѣ изъ нихъ. Говорили, что Россія обязалась уплатить Франціи громадную военную контрибуцію. Говорили, что Франція предписала Русскому правительству видоизмѣнить нѣкоторыя изъ русскихъ тогдашнихъ учрежденій.

Переходя изъ образованнаго общества въ полу-образованное, молва принимала характеръ еще болѣе глупый; переходя изъ полу-образованнаго общества въ безграмотную массу, получила еще болѣе опредѣленную дурацкую форму.

И во многихъ мѣстностяхъ безграмотное населеніе пріобрѣло объ условіяхъ мира свѣдѣнія слѣдующаго рода:

Русское царство стало подвластно Французскому царству. Русскій царь платитъ подать Французскому царю и долженъ во всемъ слушаться его приказаній. Французскій царь имѣетъ въ Русскомъ царствѣ своихъ чиновниковъ, которые смотрять, чтобы вездѣ въ Русскомъ царствѣ исполнялось то, что велитъ Французскій царь дѣлать въ русскомъ царствѣ русскому царю. Все это секретъ. Французскій царь очень хитрый. Онъ понимаетъ, что если бы русскій народъ узналъ объ этомъ, то вступился бы за своего царя. Русскій царь еще лучше Французскаго знаетъ это. Но только война такъ разстроила русскую силу, что начинать теперь новую войну съ Французскимъ царемъ было бы слишкомъ тяжело для русскаго народа. А Русскій царь очень добрый къ своему народу, жалѣетъ его. Ну, и рѣшился терпѣть всю эту обиду отъ Французскаго царя и держать въ секретѣ до поры до времени. Прійдетъ время, поправится сила у Русскаго народа, ну тогда Русскій царь и откроетъ тайну о своей обидѣ отъ Французскаго царя, объявитъ все. Тогда и выгонитъ чиновниковъ Французскаго царя изъ своего царства и отплатитъ Французскому царю за свою обиду.

Само собою разумѣется, въ каждой отдѣльной мѣстности, въ каждомъ особомъ кругу простонародья данной отдѣльной мѣстности были какія нибудь особыя подробности, приросшія къ этому общему содержанію молвы.

Въ той части Дубовки, гдѣ находились домики Ворониныхъ (до переселенія Ворониныхъ въ Песковатку, бывшаго годами десятью позже того), Чистоплюевыхъ, Головачевой, молва имѣла прибавку такого содержанія:

Когда французскій царь потребовалъ, чтобы русскій царь обязался слушаться его, то поставилъ условіе, чтобы Русскій царь въ знакъ покорности его волѣ отдалъ ему свою шубу. И—нечего дѣлать!—русскій царь отдалъ ему свою шубу. То, что русскій царь снялъ съ себя шубу и отослалъ Французскому царю, напечатано въ газетахъ. Кто не имѣетъ понятія, читаетъ это и не понимаетъ; думаетъ, что все дѣло тутъ и есть въ шубѣ. А кто имѣетъ понятіе, видитъ о чемъ тутъ дѣло. Стало быть, и сомнѣнія тутъ быть не должно у умныхъ людей.

Я не помню какими подарками обмѣнивались между собою, по обычной международной любезности, заключившіе миръ 1856 года государи державъ, воевавшихъ передъ тѣмъ между собою. Но вѣроятно, въ числѣ подарковъ Русскаго ИМПЕРАТОРА Французскому дѣйствительно находился какой нибудь хорошій

мѣхъ на шубу. И вотъ, какой нибудь полу-грамотный мудрецъ, прочитавъ въ какой нибудь газетѣ объ этомъ подаркѣ, понявъ, въ чемъ дѣло, и украсилъ къ назиданію своихъ безграмотныхъ слушателей ужъ извѣстный всѣмъ имъ общій фонъ молвы новымъ оригинальнымъ узоромъ.

По особенностямъ личныхъ моихъ житейскихъ дѣлъ, мнѣ было бы неприлично говорить здѣсь о томъ, согласенъ или несогласенъ лично я съ общимъ мнѣніемъ Россіи, Западной Европы и Сѣверной Америки о личномъ характерѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, царствующаго нынѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Но я долженъ сказать, что это всеобщее мнѣніе имѣетъ въ моихъ несчастныхъ друзьяхъ совершенно необыкновенную горячность. И такъ какъ всѣ ихъ мысли окрашены религиознымъ оттѣнкомъ, то они думаютъ о ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ, что онъ человѣкъ святой.

Люди, очень горячо убѣжденные въ чемъ нибудь, вообще довольно мало расположены думать, что кто нибудь можетъ искренно имѣть мнѣніе противоположное ихъ убѣжденію. А въ особенности таковы люди горячихъ религиозныхъ убѣждений.

Когда мои друзья слышали о выстрѣлѣ, сдѣланномъ Каракозовымъ, они не могли повѣрить, что человѣкъ русской фамиліи имѣлъ ненависть къ царю. Это никакъ не укладывалось въ ихъ понятія. Это не могло быть такъ, какъ рассказываютъ объ этомъ люди, читавшіе газеты. Эти люди, должно быть, не умѣли понять то, что прочли въ газетахъ. Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ, Чугуновыхъ пересказами первыхъ газетныхъ извѣстій о выстрѣлѣ, сдѣланномъ Каракозовымъ.

Они стали вдумываться, вслушиваться и очень скоро поняли въ чемъ тутъ дѣло. Имъ припомнилось о чемъ толковала цѣлый годъ, быть можетъ, цѣлые года два, лѣтъ десять тому назадъ, вся Дубовка. Русскій царь принужденъ былъ покориться французскому царю. Изъ этого ясно, въ чемъ дѣло теперь. Очевидно, что Французскій царь велитъ Русскому царю сдѣлать что нибудь такое, чего русскій царь не хочетъ исполнить; безъ сомнѣнія, что нибудь дурное, что противъ совѣсти и что вредно для Россіи. Какъ было Русскому царю отклонить это требованіе?—Объявить войну еще нельзя. Стало быть, надо было придумать какое нибудь возраженіе, которымъ могъ бы удовлетвориться Французскій царь. Придумано и исполнено то, что придумано. Каракозовъ сдѣлалъ выстрѣлъ въ царя. При множествѣ народа. Французскому царю нельзя сомнѣваться: выстрѣлъ дѣйствительно сдѣланъ. И русскій царь говоритъ французскому: „Видишь, нельзя мнѣ исполнить твое требованіе; за то, что я хотѣлъ исполнить его, былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ меня. Не могу, самъ видишь.“—Что можетъ возразить противъ этого французскій царь? Ничего. Долженъ признать, что потребовалъ невозможного; долженъ отступить отъ своего требованія.

Въ томъ, что все это было такъ, невозможно сомнѣваться. Самъ царь сказалъ, что это такъ. Надобно только умѣть понимать, что такое онъ сказалъ. Онъ сказалъ: „Это великая тайна“. Ясно, о чемъ онъ говорилъ: объ этомъ самомъ. Кто не знаетъ тайны, не пойметъ. А кто знаетъ тайну, видитъ, что царь сказалъ: этотъ выстрѣлъ былъ для виду, чтобы была отговорка отъ требованія Французскаго царя. Такъ сказалъ царь; это напечатано во всѣхъ газетахъ.

Бѣдные темные люди, мои несчастные друзья уразумѣли дѣло изъ словъ самого царя.

Но откуда попало въ ихъ головы, что царь, послѣ выстрѣла, сказалъ: „это великая тайна?“

Припомнимъ, что имя выстрѣлившаго оставалось нѣсколько времени неизвѣстнымъ. Въ это время газеты и говорили: „имя его еще не узнано“; — „кто онъ — остается еще загадкою“; — „на этомъ фактѣ еще лежитъ мракъ тайны“; и тому подобныя обороты рѣчи, съ употребленіемъ слова „тайна“. — Полу-безграмотные чтецы газетъ въ Дубовкѣ спотыкались, читая извѣстія, писанныя слишкомъ мудренымъ для нихъ языкомъ; ихъ безграмотные слушатели еще больше перевирали слышанное, пересказывая другимъ. И, такимъ образомъ вышло, что въ разсказахъ, дошедшихъ до моихъ несчастныхъ друзей, размышленіе какого нибудь журналиста о личности Каракозова, какъ о личности, еще составляющей тайну, было передаваемо, будто бы это слова ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и было относимо не къ вопросу о фамиліи выстрѣлившаго человѣка, а къ самому факту выстрѣла.

Та глупость о тайныхъ, тяжкихъ, унижительныхъ условіяхъ Парижскаго мира, бывшая предметомъ всеобщей молвы въ 1856 году, была ужь давнымъ давно осмѣяна и, послѣ осмѣянія, забыта образованными и полу-образованными классами въ 1860 или 1861 годахъ. Это я наблюдалъ самъ. Въ 1866 году она была, безъ сомнѣнія, мало кому сколько нибудь памятна и въ простонародѣ. Въ этомъ отношеніи она тогда составляла ужь дѣйствительно „тайну“: число людей, которымъ оставалась она извѣстна, было очень невелико. Теперь, по прошествіи еще двѣнадцати лѣтъ, это ужь и тѣмъ больше „тайна“.

Объяснивши происхожденіе нелѣпости, засѣвшей въ темныя головы моихъ несчастныхъ друзей, перехожу къ выводу, который они сдѣлали изъ нея, — къ выводу, результатомъ котораго былъ тотъ инцидентъ.

Каракозовъ дѣйствовалъ по согласію съ царемъ, оказалъ важную услугу царю. Изъ этого натурально слѣдуетъ, что о казни его говорилось въ газетахъ тоже только „для вида“, съ цѣлью обмануть Французскаго царя. На самомъ дѣлѣ, Каракозовъ, разумѣется, награжденъ и благополучно живетъ, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ царя.

А когда такъ, то безъ сомнѣнія дѣло должно было повернуться въ пользу Ворониной, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ, если выступить въ этомъ дѣлѣ свидѣтелемъ Каракозовъ. Онъ объяснить судьямъ „тайну“: ему, какъ человѣку, пользующемуся довѣріемъ царя, судьи не могутъ не повѣрить. И подсудимые будутъ оправданы.

Что жъ, какъ скоро та нелѣпица — не нелѣпица, а истина, этотъ выводъ имѣетъ неоспоримую силу.

Понятно теперь почему, для чего Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые желали, чтобы Каракозовъ былъ вызванъ быть свидѣтелемъ. Лишь бы вызвали его, ихъ оправданіе было несомнѣнно.

Но судъ отказалъ имъ въ этомъ желаніи. Что жъ, это легко понять: судъ, стало быть, находится подъ властью у Французскаго царя Наполеона. Когда такъ, то подсудимымъ, разумѣется, оставалось только покориться своей судьбѣ: отъ Наполеона они не могутъ ожидать пощады; они называли его антихристомъ.

И когда инцидентъ кончился тѣмъ, что желаніе подсудимыхъ было отвергнуто судомъ, подсудимые знали, чего имъ ждаты: тяжкаго наказанія. Ихъ мысли были подавлены этою перспективою; и когда въ-слѣдъ за окончаніемъ инцидента нача-

лось судебное производство дѣла, они, въ тупомъ отчаяніи, оставались мало способны слышать, еще меньше способны понимать, что говорилось, что читалось на судѣ.

Мои друзья помнятъ, что прокуроръ говорилъ рѣчь въ обвиненіе ихъ. Но что говорилъ онъ?—Они помнятъ изъ его рѣчи лишь одно то, что онъ говорилъ: „вотъ какіе это люди: они все охулили; господа присяжные, извольте разсудить, какіе это люди: они все охулили“.

Послѣ того, помнится имъ только то, что предсѣдатель суда спросилъ какого-то свидѣтеля: „можешь ли ты отвѣчать передъ Богомъ за подсудимыхъ?“—и что свидѣтель отвѣчалъ: „могу, ваше превосходительство, и даже съ удовольствіемъ“;—что послѣ того присяжные ушли изъ зала; возвратились въ залъ; и что предсѣдатель суда объявилъ имъ (то есть подсудимымъ) приговоръ.

Они не помнятъ даже того, что было произнесенъ присяжными вердиктъ. Они не слышали этого. До такой степени были они подавлены своими тяжкими мыслями. (Они не знали до моихъ разъясненій, что присяжные рѣшаютъ вопросы о виновности; они полагали, что присяжные не участвуютъ въ рѣшеніи дѣла, и находятся въ залѣ суда лишь въ качествѣ слушателей).

Впрочемъ подавленность ихъ мыслей не имѣла вліянія на исходъ дѣла. Если бъ они во время суда и вполнѣ владѣли своими умственными способностями, они не сумѣли бы защищаться; и если бъ умѣли они защищаться, все равно: никакая защита не помогла бъ имъ: обвиненія противъ нихъ были неопровержимо справедливы,—по прямому, для всѣхъ очевидному смыслу тѣхъ словъ, какія производили они на допросахъ,—неопровержимо справедливы: это были слова, по прямому, буквальному своему смыслу, безспорно преступныя.

Мои друзья не помнятъ никакихъ подробностей изъ обвинительной рѣчи прокурора. И я могу возстановлять ея содержаніе въ мысляхъ лишь по соображеніямъ моимъ о томъ, что помнятъ мои друзья о допросахъ, которымъ были подвергаемы на предварительномъ слѣдствіи, и о другихъ фактахъ періода ихъ жизни отъ ихъ арестованія до суда надъ ними.

Процессъ ихъ длился болѣе пяти лѣтъ. Само собою разумѣется, что въ теченіе столь продолжительнаго времени не могло не произойти нѣсколько случаевъ нарушенія тюремной дисциплины тѣми или другими изъ числа подсудимыхъ. Я убѣжденъ, что прокуроръ не вводилъ въ свою обвинительную рѣчь эти тюремныя дразги. Въ уголовныхъ процессахъ не должно быть рѣчи о подобныхъ дразгахъ; мѣсто для разбора ихъ—контора тюремнаго смотрителя и тому подобные дисциплинарные суды, а не судъ присяжныхъ. Я увѣренъ, прокуроръ не хуже моего понималъ это. И мнѣ пріятно, что я имѣю убѣжденіе: онъ не вводилъ этихъ дразгъ въ свою обвинительную рѣчь. Пріятно потому, что я не хочу выставить обвиненій противъ маленькихъ должностныхъ лицъ тюремной администраціи, возбуждавшихъ эти нарушенія дисциплины со стороны подсудимыхъ своими поступками.—И такъ, оставляю тюремныя дразги безъ разбора. И радъ, что могу сказать: вообще говоря, тюремные сторожа, тюремные смотрители обращались съ Воронинными, Чистоплюевыми и ихъ со-подсудимыми хорошо. Непріятности, безъ которыхъ можно было бы обойтись, если и дѣлалъ иной разъ кто изъ этихъ должностныхъ лицъ моимъ друзьямъ или ихъ со-подсудимымъ, то лишь въ самое первое время своего завѣдыванія ихъ жизнью, пока не присмотрѣлся къ нимъ поближе. А присмотрѣв-

шись къ нимъ, каждый тюремный смотритель, каждый сторожъ обращался съ ними дружелюбно и довѣрчиво. Въ Царицынѣ ли, въ Камышинѣ ли, въ Саратовѣ ли, все равно: во всякой тюрьмѣ, гдѣ приводилось имъ жить, они, черезъ мѣсяцъ, черезъ два по поступленіи въ нее, становились во мнѣніи смотрителя, сторожей, часовыхъ людьми почтеннаго характера, присматривать за которыми—дѣло излишнее, на благородство которыхъ можно вполне полагаться;—и они жили въ тюрьмѣ подобно тому, какъ живутъ люди подъ домашнимъ арестомъ на честное слово.

Перехожу къ тому, что дѣйствительно должно было составлять и, какъ я думаю, составляло содержаніе обвинительной рѣчи прокурора, къ предметамъ, подлежащимъ уголовному суду.

Поводомъ къ арестованію Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ было, очевиднымъ образомъ, то, что по процессу Богатенковыхъ и Киселевыхъ было найдено: Воронины, Чистоплюевы и тѣ другія лица—послѣдователи Богатенковыхъ. Это очевидно изъ того, что главнымъ, —и въ сущности даже единственнымъ серьезнымъ — предметомъ допросовъ Воронинымъ и другимъ было предложеніе имъ вопроса: держатся ли они тѣхъ же мнѣній, какъ Богатенковы. — Всѣ они отвѣчали на это: „Да“.

И теперь Ома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева вполне убѣждены о себѣ и обо всѣхъ трехъ другихъ своихъ со-подсудимыхъ, которые еще живы, что они „одной вѣры съ Богатенковыми“.

Но вотъ вопросъ: много ли они знаютъ о „вѣрѣ Богатенковыхъ“? — До арестованія Богатенковыхъ, они знали о „вѣрѣ Богатенковыхъ“ только то, что знала вся Дубовка; то есть: знали тѣ оригинальности внѣшнихъ житейскихъ обычаевъ Богатенковыхъ, надъ которыми смѣялись, которыя порицали вмѣстѣ со всею Дубовкою. И только всего. То есть, собственно объ убѣжденіяхъ Богатенковыхъ не знали ровно ничего. Изъ всѣхъ подсудимыхъ, лишь одно лицо, Дарья Воронина, вела знакомство съ Богатенковыми въ періодъ со времени перемѣны образа жизни Богатенковыхъ до ихъ ареста; и не разговаривала тогда съ ними о ихъ „вѣрѣ“ потому, что это повело бы къ ссорѣ: Воронина тогда осмѣивала и порицала „вѣру“ Богатенковыхъ, оставалась знакома съ ними лишь по мотивамъ чисто житейскимъ, вела съ ними разговоры лишь о чисто житейскихъ предметахъ. — По арестованіи Богатенковыхъ, Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева навѣщали ихъ въ тюрьмѣ; эти посѣщенія и были единственными источниками знаній этихъ двухъ женщинъ объ убѣжденіяхъ Богатенковыхъ. Много ли тутъ можно было узнать? — Посѣщенія были очень короткія, —длились только по нѣсколько минутъ; и это время было наполнено разговорами о томъ, какіе съѣстные припасы, какія другія вещи надобно принести въ слѣдующее посѣщеніе, разказами Богатенковыхъ о мелочныхъ приключеніяхъ изъ тюремной жизни, разказами посѣтителыницъ Богатенковыхъ о новостяхъ въ Дубовкѣ: у кого родилось дитя, кто заболѣлъ, кто выздоровѣлъ, у кого готовится свадьба и т. п. Результатомъ траты краткаго времени свиданій на обычную у нашихъ простолюдиновъ пустую болтовню о мелкихъ текущихъ новостяхъ было то, что Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева не успѣли сколько нибудь порядочно ознакомиться съ образомъ мыслей Богатенковыхъ. Онѣ впрочемъ и не замѣчали этой недостаточности своихъ свѣдѣній, по своей умственной неразвитости. — Мужъ Ворониной, мужъ Чистоплюевой, другіе

ихъ со-подсудимые знали о мысляхъ Богатенковыхъ только то, что слышали отъ Ворониной и Чистоплюевой, то есть, почти ровно ничего, кромѣ пустыхъ мелочей. И тоже, по своей умственной неразвитости, вполне довольствовались этими ничтожными свѣдѣніями.

Катерина Воронина, Дарья Чистоплюева и ихъ со-подсудимые очень уважали Богатенковыхъ, держались ихъ правилъ относительно обращенія съ людьми при встрѣчахъ; если этого достаточно, чтобы признать уважавшихъ и подражавшихъ принявшими „вѣру“ людей, которымъ они подражали, то безспорно: Дарья Воронина, Катерина Чистоплюева и ихъ со-подсудимые „приняли вѣру“ Богатенковыхъ. И, по своей умственной неразвитости, они считали это совершенно достаточнымъ; потому совершенно искренно воображали себя держащимися вѣры Богатенковыхъ.

И на вопросы слѣдователя, одинаковы ли ихъ убѣжденія съ убѣжденіями Богатенковыхъ, они отвѣчали: „да“.

Этимъ ихъ отвѣтомъ неоспоримо твердо съ формальной стороны устанавливался юридическій фактъ одинаковости ихъ мыслей съ мыслями Богатенковыхъ.—Прокуроръ, присяжные засѣдатели, судьи были правы, признавая этотъ фактъ за безспорный.

Но онъ фактъ лишь формальнаго значенія. Онъ лишь порожденіе невѣжества Дарьи Ворониной, Катерины Чистоплюевой и ихъ со-подсудимыхъ, не замѣчавшихъ, по своей умственной неразвитости, что ихъ свѣдѣнія о мысляхъ Богатенковыхъ ничтожны. Это фактъ фантастическій. Воронина, Чистоплюева и ихъ со-подсудимые ошибались, воображая, будто бы достаточно знаютъ мысли Богатенковыхъ. Они не знали о мысляхъ Богатенковыхъ ничего, кромѣ пустыхъ мелочей.

Но вотъ вопросъ: да и было ли въ мысляхъ у Богатенковыхъ что нибудь, кромѣ ничтожныхъ мелочей о правилахъ обращенія съ людьми при встрѣчахъ?—Очень вѣроятно, что и не было въ мысляхъ у нихъ ничего, кромѣ этихъ невинныхъ глупостей.

Конечно, я говорю тутъ лишь о мысляхъ, могущихъ быть предметомъ судебной оцѣнки.—Богатенковы въ заботахъ о своемъ душевномъ спасеніи вели жизнь, нѣсколько подобную монашеской. Тоже и Воронины, Чистоплюевы, другіе ихъ со-подсудимые. Монашескій образъ жизни можетъ быть предметомъ насмѣшекъ и порицаній со стороны людей, которымъ болѣе нравится обыкновенный образъ жизни. Но по законамъ Россійской имперіи предметомъ судебного разбора монашескій образъ жизни быть не можетъ.

Я надѣюсь, тѣ лица судебного вѣдомства, которыя вели процессъ Богатенковыхъ, знали это. Я надѣюсь, въ процессъ Богатенковыхъ не было рѣчи ни о томъ, что они перестали бывать на пирушкахъ и сами давать пирушки, ни о томъ, что они жили въ землянкѣ.—Я надѣюсь, ни о чемъ такомъ не было ни одного слова въ актахъ ихъ процесса. Я надѣюсь, лица, судившія ихъ, уважали законы Россійской имперіи. Надѣюсь, уважали и лица, производившія слѣдствіе.

И такъ, я надѣюсь, Богатенковы не были судимы и осуждены за свою набожность.

За что жъ они были судимы и осуждены?

Я могу имѣть лишь предположенія о томъ.—Когда Оома и Катерина Чисто-

плюевы были арестованы, полицейскій чиновникъ, сдѣлавшій распоряженіе объ ихъ арестѣ, пришедши взглянуть на нихъ, обратился къ нимъ со словами: „Богъ у васъ есть? Царь у васъ есть?“ — Если причиною ихъ ареста была принадлежность ихъ къ „вѣрѣ“ Богатенковыхъ, то эти слова ясно показываютъ, что Богатенковы оказались по актамъ слѣдствія виновными въ атеизмъ и республиканствѣ. Эти лишь мое предположеніе. Но фактъ, на которомъ оно основано — фактъ, что Чистоплюевымъ были предложены вопросы: „Богъ у васъ есть? Царь у васъ есть?“ — не допускаетъ по правиламъ здраваго смысла никакихъ иныхъ истолкованій, кромѣ того, что Богатенковы ужь оказались въ то время атеистами и республиканцами.

Республиканство Богатенковыхъ, пусть, на первый разъ остается республиканствомъ. Но — какимъ же манеромъ могли быть атеистами люди, такъ усердно заботившіеся о своемъ душевномъ спасеніи? — Сколько извѣстно грамотнымъ людямъ, атеисты не признаютъ загробной жизни.

Ясно: обвиненіе Богатенковыхъ въ атеизмъ — результатъ какой-то нелѣпѣйшей бессмыслицы.

Кто породилъ эту бессмыслицу? — Я полагаю, что она порождена дурацкимъ способомъ, какого держались Богатенковы въ своей манерѣ разсуждать на допросахъ. Я полагаю, что они поступали на допросахъ подобно тому, какъ послѣ нихъ Воронины и Чистоплюевы.

То же самое я полагаю и о республиканствѣ Богатенковыхъ. Я полагаю, что они точь въ точь такіе же республиканцы, какъ сплошь всѣ русскіе мужики и бабы, — что они не имѣли ни малѣйшаго представленія ни о какомъ иномъ правительственномъ устройствѣ, кромѣ самодержавнаго. Но держали себя на допросахъ по дурачки. И оказались республиканцами, какъ оказались атеистами, какъ оказались всѣмъ бы на свѣтѣ, чѣмъ угодно: и астрономами, пожалуй, или санскритологами, если бы спросить ихъ, не астрономы ль они, не санскритологи ль они.

Невѣждамъ были предлагаемы вопросы, непонятные для нихъ. Въ этомъ была причина бѣдствія, постигшаго невѣждъ. Такъ я полагаю относительно Богатенковыхъ.

Я полагаю такъ относительно ихъ потому, что я имѣлъ, благодаря моему знакомству съ Чистоплюевыми, достовѣрную возможность увидѣть: такъ было съ Чистоплюевыми и ихъ со-подсудимыми.

Я говорилъ, что лишь по моимъ собственнымъ соображеніямъ разгадываю, въ чемъ состояли обвиненія противъ Богатенковыхъ. Никакихъ свѣдѣній о содержаніи этихъ обвиненій не имѣютъ Чистоплюевы и Головачева. До такой степени пусты были разговоры Ворониной и Чистоплюевой съ Богатенковыми во время ихъ краткихъ свиданій, что Богатенковы не ознакомили своихъ посѣтительницъ съ содержаніемъ допросовъ, которымъ подвергались. Некогда было Богатенковымъ упоминать объ этомъ: они имѣли всегда болѣе свѣжія новости для сообщенія своимъ гостямъ: предположимъ, что допросъ былъ въ понедѣльникъ, а посѣтительницы пришли въ среду въ полдень; утромъ въ среду произошло въ тюрьмѣ ужь столько любопытныхъ исторій между разными арестантами — десятокъ ссоръ и десятокъ примиреній; въ четверть часа не успѣешь пересказать и половины этихъ интересныхъ происшествій; не то, что о понедѣльникѣ, — и о вторникѣ-то ужь поздно припоминать.

Такимъ образомъ, все, что Катерина Чистоплюева знаетъ о бывшемъ съ Богатенковыми во время ихъ процесса, ограничивается пустѣйшими мелочами ихъ отношеній къ тюремнымъ сторожамъ и къ арестантамъ: вотъ-такой-то сторожъ былъ добрый человѣкъ, не притѣснялъ Богатенковыхъ; вотъ-такой-то арестантъ, скверный человѣкъ, вздумалъ-было ругать Богатенковыхъ, но тюремный сторожъ вступился за нихъ, или другіе арестанты сами остановили того сквернаго арестанта. Общее впечатлѣніе этихъ пустыхъ подробностей состоитъ въ томъ, что тюремные сторожа и большинство арестантовъ считали Богатенковыхъ людьми, дѣлающими глупости, потому смѣшными и жалкими, но помимо этихъ глупостей людьми добрыми и почтенными; по жалости и уваженію къ нимъ старались воздерживаться отъ смѣха надъ ними въ глаза имъ, и не обижали ихъ; а Богатенковы, люди дѣйствительно добрые, честные, старались—иногда не безъ успѣха—удерживать другихъ арестантовъ отъ пьянства, карточной игры, мошенничествъ и дракъ.

Важнѣе мелкихъ анекдотовъ о насмѣшкахъ арестантовъ надъ Богатенковыми и о сострадательности другихъ арестантовъ и сторожей къ нимъ тѣ отрывки изъ рассказовъ полицейскихъ чиновниковъ о Богатенковыхъ, которые попали въ предметы молвы и дошли путемъ молвы до Воронинныхъ, Чистоплюевыхъ и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ ними.

Дубовская молва говорила, будто бы полицейскіе чиновники рассказывали, что Богатенковы держали себя на допросахъ очень смирно, и безмолвно переносили непріятности, какія случалось имъ испытывать при допросахъ.—Впрочемъ, это лишь молва; правильно ли передавала она рассказы полицейскихъ чиновниковъ, ручаться за то нельзя.

Другой предметъ Дубовской молвы о Богатенковыхъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Однажды, на праздникъ Преполовенія, утромъ, Богатенковъ и его жена, содержавшіеся тогда еще въ Дубовкѣ, въ арестантской при полициі, стояли у воротъ полицейскаго двора, обращенныхъ на площадь. На этой площади находится Соборная церковь. Когда кончилась обѣдня, по площади двинулась изъ собора церковная процессія, бывающая по уставу Православной церкви въ день Преполовенія. Большинство народа, бывшаго у обѣдни въ соборѣ, пошло въ этой процессіи; другая часть стала расходиться по домамъ. Нѣкоторые, проходя мимо воротъ полициі, останавливались посмотреть на стоявшихъ у воротъ Богатенковыхъ. Лишь образовалась тутъ группа остановившихся, стали подходить къ ней другіе, какъ это въ привычкѣ у простолюдины. И быстро наросла около Богатенковыхъ большая толпа. Кое-кто—очень немногіе—говорили о нихъ между собою сострадательнымъ тономъ: „Вотъ, были прежде люди богатые, всѣми уважаемые, а теперь стали арестанты“. Но такихъ сострадательныхъ зрителей было вовсе мало. Совершенно преобладало въ толпѣ противоположное настроеніе: шумѣлъ ревъ хохота и ругательствъ; безпрестанно слышались крики: „въ каторгу бы этихъ чертей“;—„нѣтъ, этого мало, съечь бы ихъ“.—„Да отдали бы ихъ на расправу намъ, мы бы расправились съ ними, съ безбожниками“. Богатенковъ слушалъ это до конца, молча. Но жена его не выдержала на послѣдокъ и сказала ругавшимся:—„Ну, что вамъ стоять, глядѣть на насъ, да ругаться? Ругаться не хорошо, а глядѣть на насъ—что въ насъ любопытнаго? Лучше, вы обернитесь-ко къ церкви, „

да помолитесь, да и ступайте за образами, какъ другіе; это будетъ лучше“. — Кое-кто изъ ругавшихся были смущены, и пошли прочь; какъ былъ данъ этотъ примѣръ, послѣдовали ему, по обыкновенію, всѣ. Толпа разбрелась.

Когда Воронина, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые жили въ Саратовскомъ острогѣ, тюремные сторожа и другіе полицейскіе служители рассказывали имъ, что при чтеніи приговора Богатенковымъ на той площади Саратова, гдѣ происходятъ эти юридическія формальности, Богатенковы стояли съ лицами спокойными и, по прочтеніи приговора, Прасковья Богатенкова сказала бывшему на площади народу: — „Первые жиды Христа мучили, а вторые жиды мучатъ невинныхъ“. — Народъ отвѣчалъ на это, разумѣется, взрывомъ хохота и ругательствъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что приговоръ, произнесенный надъ Богатенковыми, былъ юридически правиленъ; я даже полагаю, что судъ, по состраданію къ нимъ, сдѣлалъ его настолько мягкимъ, насколько то было возможно по закону. Я говорю вовсе не противъ судей. Я расположенъ былъ бы защищать законность ихъ приговора, если бъ то было надобно. И я надѣюсь, что судьи, постановившіе приговоръ о Богатенковыхъ, пашли бы согласными съ ихъ собственнымъ мнѣніемъ объ этомъ дѣлѣ мои мысли о немъ. Мои мысли о немъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Во всемъ томъ, въ чемъ были виноваты Богатенковы, они были виновны единственно по своему невѣжеству.

Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые отвѣчали „да“ на вопросъ о томъ, держатся ли они такихъ же мнѣній, какъ Богатенковы. Этотъ ихъ отвѣтъ дѣлалъ необходимою для присяжныхъ засѣдателей и для судей признать ихъ виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя были ужь осуждены Богатенковы. Я ужь говорилъ, что признаю безспорно законнымъ такой исходъ ихъ процесса. И, думая это, я съ тѣмъ вмѣстѣ думаю, что судьи, постановившіе приговоръ, признаваемый мною за безспорно правильный, одобрили бы мои мысли относительно сущности всего этого дѣла, основанныя на фактахъ, или неизвѣстныхъ суду, или хоть и бывшихъ извѣстными ему, но не могшихъ быть предметомъ судебного разбора.

Я говорилъ, что Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые оставляли безъ отвѣта вопросъ слѣдователя о ихъ имени и званіи, или, когда бывали утомлены настойчивостью требованій слѣдователя, чтобъ они отвѣчали на этотъ его вопросъ, давали отвѣтъ: „не знаю“; что ихъ молчаніе и этотъ ихъ отвѣтъ выводили слѣдователя изъ терпѣнія и что онъ, разсердившись, начиналъ бранить подсудимыхъ, надѣясь бранью добиться, чтобы допрашиваемые сказали ему свои имена и званія; что подсудимые были иногда тоже выводимы изъ терпѣнія съпавшеюся на нихъ бранью и вступали въ перебранку съ слѣдователемъ. Иной разъ, допросъ и не подвигался дальше перебранки: поругавшись, сколько доставало охоты, слѣдователь приказывалъ подсудимымъ уйти и они уходили. Иной разъ — и чаще — бывало иначе: подсудимые, давши двѣ, три реплики на ругательства слѣдователя, вспоминали, что нарушили этимъ правило христіанскаго смиренія, повелѣвающаго кротко переносить обиды, и начинали вновь — и ужь съ непоколебимымъ терпѣніемъ — слушать ругательства молча, смирно, покорно. Въ такихъ случаяхъ, слѣдователь черезъ нѣсколько времени возвращался отъ роли ругающагося чловѣка къ исполненію обязанностей должностнаго лица, производящаго слѣдствіе, и возобновлялъ прерванное на время занятіе производствомъ допроса;

ужь не имѣя теперь желанія терять время по-пусту, онъ замѣнялъ ту форму вопроса объ имени и званіи подсудимыхъ, на которую не могли подсудимые отвѣчать удовлетворительнымъ образомъ, другою формою, на которую подсудимые безо всякаго затрудненія давали отвѣтъ, казавшійся слѣдователю удовлетворительнымъ; именно, вмѣсто вопроса „какъ тебя зовутъ“, или „кто ты“, онъ дѣлалъ вопросъ „Тебя зовутъ“—слѣдовало имя—„такъ?“—Спрашиваемый или спрашиваемая давали отвѣтъ въ формѣ: „Когда ты знаешь, стало быть такъ“, или въ формѣ какого нибудь другого выраженія, обозначающаго согласіе или подтвержденіе.

Для ясности приведу схематическіе образцы всѣхъ этихъ оборотовъ первой фазы допроса.

Первый оборотъ:—Слѣдователь говоритъ подсудимому,—напримѣръ, Ѳомѣ Чистоплюеву:—„Какъ тебя зовутъ?“ Чистоплюевъ молчитъ.—Слѣдователь повторяетъ вопросъ много разъ, кричитъ, сердится:—„Да какъ же тебя зовутъ, говори“,—затѣмъ слѣдуютъ разнообразныя эпитеты, которыми богатъ русскій языкъ.—„Говори, какъ тебя зовутъ?“—Чистоплюевъ молчитъ.—„Говори, какъ тебя“—слѣдуютъ эпитеты—„зовутъ?“—Чистоплюевъ отвѣчаетъ:—„Не знаю“.—„Какъ не знаешь“—слѣдуютъ эпитеты. Чистоплюевъ молчитъ. Утомившись ругать его, слѣдователь велитъ ему уйти. И, допросъ конченъ.

Второй оборотъ. Слѣдователь, получивши отвѣтъ „не знаю“, ругаетъ Чистоплюева, не впадая въ утомленіе, очень долго. Чистоплюевъ терпѣть напоследокъ терпѣніе и даетъ реплики. Это длится пока надоѣстъ слѣдователю. Когда надоѣстъ, слѣдователь велитъ Чистоплюеву уйти. И допросъ конченъ.

Третій оборотъ. Давши двѣ, три реплики слѣдователю, Чистоплюевъ успѣваетъ овладѣть собою и замолкаетъ. Теперь его ужь никакія ругательства не выведутъ изъ терпѣнія. Слѣдователь снова пользуется пріятнымъ положеніемъ монологизирующаго ругающагося. Насладившись этимъ удовольствіемъ до пресыщенія, вспоминаетъ, что онъ долженъ не ругаться, а производить допросъ, и говоритъ:—„Ты Ѳома Чистоплюевъ; такъ?“—Ѳома Чистоплюевъ отвѣчаетъ:—„Когда ты такъ говоришь, то значить: такъ“.

Какъ скоро получился этотъ оборотъ, допросъ, не могшій въ тѣхъ двухъ оборотахъ передвинуться черезъ вступительную формальность констатированія личности, вступаетъ на гладкій путь и „пойдетъ какъ по маслу“. Ни малѣйшаго повода къ неудовольствію не будетъ имѣть слѣдователь; и ни малѣйшаго затрудненія узнать что бы то ни было, услышать подтвержденіе чему бы то ни было слѣдователь не встрѣтитъ: Ѳома Чистоплюевъ не огорчитъ его никакимъ противорѣчіемъ, будетъ неизмѣнно подтверждать все, что угодно слѣдователю. Если, напримѣръ, слѣдователь скажетъ:—„Катерина Чистоплюева не жена тебѣ?“—Ѳома Чистоплюевъ скажетъ:—„Стало быть, не жена“.—И если, напримѣръ, вздумается слѣдователю поиграть позанимательнѣе на эту тему, допросъ получить, напримѣръ, слѣдующее прекрасное содержаніе:—„Она не жена тебѣ, а жила съ тобою?“—„Жила“.—„А она дѣвка?“—„Дѣвка“.—„Дѣвка, а жила съ мужчиною; стало быть она блядь?“—Ѳома Чистоплюевъ неукоснительно подтверждаетъ:—„Стало быть, блядь“;—и такъ далѣе; и такъ далѣе.—Это для примѣра. Но это фактическій отрывокъ одного изъ допросовъ.

Были ль внесены въ акты допросовъ предварительнаго слѣдствія эпизоды этого и тому подобнаго содержанія?—Я не знаю. Надѣюсь, были внесены. Правда,

слѣдователь могъ бы оставить и безъ разъясненія любопытные для кого?—для него лично, по всей вѣроятности, вопросы о томъ, блядь или нѣтъ Катерина Чистоплюева, была ль она прогоняема изъ дому или нѣтъ за свое блядовство; могъ бы оставить эти и тому подобные вопросы безъ формальнаго разъясненія слѣдствіемъ. Но такъ какъ онъ находилъ надобнымъ разъяснить ихъ, и разъяснилъ, то онъ былъ ужъ обязанъ занести эти добытыя имъ разъясненія въ акты слѣдственнаго дѣла.

Перенесены ль эти эпизоды изъ документовъ предварительнаго слѣдствія въ обвинительную рѣчь прокурора?—Я не могу угадать. Я не могу судить, показалось или не показалось прокурору, что эти эпизоды необходимы для его рѣчи. Я знаю одно: ни одинъ изъ юристовъ, пользующихся авторитетомъ въ наукѣ, не отказался бы подтвердить мое мнѣніе: безъ перенесенія этихъ эпизодовъ изъ актовъ предварительнаго слѣдствія въ обвинительную рѣчь, рѣчь эта не имѣла бы надлежащей полноты.

Виню ли я слѣдователя?—Нѣтъ. Я говорю, что онъ ругался, что онъ предлагалъ вопросы, которыхъ не долженъ былъ предлагать. Такъ; но я говорю это лишь для того, чтобы видно было, какую степень юридическаго достоинства имѣло предварительное слѣдствіе. Я вхожу въ положеніе слѣдователя. Оно было тяжелое. Потому, я нахожу совершенно натуральными тѣ поступки слѣдователя, о которыхъ говорю. Я полагаю, онъ самъ согласился бы со мною, что веденіе слѣдствія по дѣлу Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ было задачей, превышавшею его юридическія силы. Онъ могъ очень хорошо изслѣдовать дѣла объ убійствахъ съ корыстными цѣлями, о грабежахъ, воровствахъ, мошенничествахъ. Вести дѣла богословскаго и политическаго характера было не подъ силу ему.—Онъ могъ умѣть допрашивать воровъ и другихъ безчестныхъ людей. Но приемы допросовъ, дававшіе дѣльные результаты, когда онъ допрашивалъ негодяевъ и негодяекъ, оказались непригодны для раскрытія истины, когда были примѣнены къ Воронинымъ, Чистоплюевымъ и ихъ со-подсудимымъ. Сущность дѣла осталась неуловима этими приемами. Результаты, добытые предварительнымъ слѣдствіемъ, были данными чисто фиктивнаго характера. Съ формальной стороны, они безспорные юридическіе факты: какъ же бы нѣтъ?—Они подтверждены признаніемъ самихъ подсудимыхъ. Но реальнаго въ нихъ нѣтъ ничего.

Виню ли я хоть тѣхъ лицъ, которыя поручили производство слѣдствія, требовавшаго значительныхъ юридическихъ силъ для своей дѣйствительной успѣшности, слѣдователю, не имѣвшему такихъ силъ?—Возможно ль винить эти лица?—Откуда жъ взять хорошихъ юристовъ для замѣщенія всѣхъ маленькихъ должностей по судебному вѣдомству?

Винить кого бы то ни было изъ лицъ, завѣдывавшихъ судебною частью въ томъ судебномъ округѣ, было бы нелѣпностью. Винить слѣдователя было бы несправедливымъ забвеніемъ о несоразмѣрности его силъ съ доставшейся на его должностную обязанность задачей.

Не виню никого.

Возвращаясь къ изложенію сущности дѣла о Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ.

Слѣдователь, въ негодованіи на то, что подсудимые не хотѣли называть себя, бранилъ ихъ. Иногда они, теря въ свою очередь терпѣніе, отвѣчали на его брань

репликами, тоже бранчивыми. Чѣмъ опредѣляется въ перебранкѣ содержаніе репликъ?—Дѣло всѣмъ извѣстное: содержаніемъ нападеній; реплика не имѣетъ самостоятельнаго содержанія; она перевортываетъ содержаніе нападенія, обращаетъ противъ нападающаго произнесенныя имъ слова. Напримѣръ, если нападающій называлъ подвергающагося его нападенію дуракомъ, реплика будетъ отрицаніемъ ума въ самомъ нападающемъ.

Перебранку начиналъ всегда слѣдователь. Ея содержаніе вполнѣ опредѣлялось его словами. — Если согласимся, что по тяжелой ему затруднительности передвигнуть допросъ черезъ вступительную формальность констатированія личности допрашиваемаго или допрашиваемой, онъ заслуживаетъ извиненія въ томъ, что начиналъ браниться, то—каково жъ то содержаніе нападеній, которое, возникая изъ самой сущности его положенія, изъ самой причины его гнѣва, должно быть признано естественнымъ, потому, — съ принятой нами точки зрѣнія, — извинительнымъ?—Гнѣвъ былъ изъ-за нежеланія подсудимыхъ сказать свои имена; натуальный предметъ перебранки состоялъ лишь въ этомъ. Пока слѣдователь говорилъ подсудимымъ что нибудь относящееся къ этому, онъ оставался просто раздраженнымъ человѣкомъ, не переходившимъ границу того, чему извиненіемъ служить раздраженіе. Но припутывать къ предмету перебранки предметы, не имѣющіе отношенія къ нему, это будетъ ужъ нѣчто болѣе дурное, нежели простой порывъ раздраженія.

Съ какой стати было слѣдователю припутывать Бога и царя къ содержанію его ругательствъ? Дѣло шло о констатированіи личности подсудимыхъ, только. Нежеланіе исполнить эту юридическую формальность не составляетъ никакого нарушенія какихъ нибудь религіозныхъ или политическихъ правилъ. Это—при самомъ худшемъ истолкованіи, какое возможно по законамъ или по логикѣ, просто „непризнаніе компетентности“ даннаго судебного учрежденія (или, въ настоящемъ случаѣ, даннаго агента судебного учрежденія) вести данное дѣло. — Непризнаваніе компетентности даннаго судебного учрежденія вести данное дѣло—случай очень обыкновенный и въ уголовныхъ, и въ гражданскихъ процессахъ. Никакой судъ не видитъ въ этомъ ничего обиднаго себѣ. Никакой даже изъ высшихъ трибуналовъ: ни Русскій Сенатъ, никакой соотвѣтствующій ему трибуналъ какого бы то ни было другаго цивилизованнаго государства. (Я говорю объ этомъ лишь для аргументаціи. Подсудимые ни мало не воображали сомнѣваться въ компетентности слѣдователя производить слѣдствіе. Они не произносили своихъ именъ просто потому, что не хотѣли нарушать правила своей вѣры).

Но пусть это была нестерпимая обида слѣдователю; пусть это была обида и тому судебному учрежденію, которое завѣдывало его дѣятельностью, — тому окружному суду, или той судебной палатѣ, или прокуратурѣ того судебного округа. Нѣтъ сомнѣнія, ни окружной судъ, ни судебная палата, ни прокуратура того округа не согласились бы съ мнѣніемъ слѣдователя, что это обида имъ или хоть ему самому. Но онъ, очевидно, думалъ, что это обида ему или ему и имъ. И согласимся, для удобства аргументаціи, что онъ былъ правъ въ этомъ своемъ мнѣніи, что его раздраженіе такой ужасною обидою было похвально, и что ему по долгу чести необходимо было ругать подсудимыхъ. Все-таки, за что же ему надобно было ругать ихъ?—За неуваженіе къ нему самому, или къ нему и къ прокуратурѣ того округа, къ окружному суду, къ судебной палатѣ;—только.

Даже съ его собственной точки зрѣнія, обида не могла относиться ни къ чему болѣе высокому, нежели судебная палата и прокуратура того округа. Напримѣръ, даже Сенатъ и министръ юстиціи никакимъ образомъ не подходили подъ объемъ обиды, не могли быть предметами ея: не они поручили этому слѣдователю производить это слѣдствіе; и они были тутъ ни при чемъ.

Но — слабость человѣческая, заставляющая подвергшагося ей забывать, имѣютъ ли смыслъ тѣ слова, какія подвертываются на языкъ ему, въ раздраженіи его души. Слѣдователь припугивалъ къ его брани изъ-за мнимой обиды ему все, что подвертывалось ему на его языкъ. Онъ кричалъ на подсудимыхъ, что, отказываясь произнести свои имена, они оскорбляютъ черезъ то Бога и царя; какъ же нѣтъ? Онъ служить Богу и царю; обида ему — это обида Богу и царю.

Слѣдователь поступалъ дурно, профанируя такимъ образомъ слова „Богъ“ и „царь“. Не спорю; онъ поступалъ дурно. Но извиненіемъ ему служить то, что онъ въ этихъ случаяхъ лишь поддавался привычкѣ, очень обыкновенной въ полудивилизованныхъ слояхъ русскаго общества. Фактъ былъ дуренъ. Но когда ставится вопросъ лично о слѣдователѣ, то надобно сказать: личной вины слѣдователя нѣтъ въ этомъ дурномъ фактѣ. Слѣдователь, очевидно, былъ человѣкъ вульгарныхъ привычекъ; въ этомъ и все.

Но такъ какъ наши полу-образованные классы имѣютъ привычку злоупотреблять словами „Богъ“ и „царь“ для приданія эффектности выраженіямъ своей личной досады, то у нашихъ простолюдиновъ лежатъ въ памяти готовые реплики на ругательства, въ которыхъ ругающійся отождествляетъ свое личное раздраженіе съ „службою Богу и царю“. Если, напримѣръ, ругающійся скажетъ: „я служу Богу“, то всякій присутствовавшій при ссорѣ простолюдинъ впередъ знаетъ, „какими словами дать ему сдачу“ ругаемый, когда „не стерпитъ, а захочетъ дать сдачу“; фраза, которая составляетъ „сдачу“, — простонародное присловье, лежащее въ памяти у всякаго мужика; она — отвѣтъ на ругательство; потому и сама она груба. Она имѣетъ такую форму: „Ты говоришь, ты служишь Богу; врешь ты; не Богу ты служишь, а черту“; — это полный видъ; въ сокращенномъ видѣ она такова: „не Богу ты служишь, а черту“; — или, еще короче: „Твой Богъ — чертъ“.

Всякій, кто близко знаетъ нашу простонародную жизнь, десятки разъ слышивалъ перебранки, въ которыхъ отвѣтами на ругательства были эти выраженія: „Не Богу ты служишь, а черту“ и „Твой Богъ — чертъ“.

Очень жаль, что нашъ народъ имѣетъ въ числѣ присловій эти выраженія. Они свидѣтельствуютъ о грубости нравовъ нашего народа. То, что нравы нашего народа грубы, очень жаль.

Такъ. Очень жаль. И тѣ грубые выраженія очень дурны. Но что такое они? — Грубые отвѣты на ругательства; только.

Пусть, напримѣръ, православный священникъ, разсердившись въ какомъ нибудь спорѣ изъ-за денегъ, начнетъ ругать того, кто разсердилъ его; пусть ругаемый будетъ его прихожанинъ, мужикъ Православнаго исповѣданія, усердно ходящій въ церковь, и при встрѣчѣ со священникомъ почтительно цѣлующій его руку. Если священникъ, увлекшись раздраженіемъ, станетъ приплетать къ своимъ ругательствамъ свою „службу Богу“, его усердный прихожанинъ ни мало не затруднится сдѣлать ему реплику: „Твой Богъ — чертъ“.

Что это такое? Богохульство?—Предположить богохульный смысл въ репликѣ мужика не трудно; для этого надобно только забыть, кто и почему произнесъ эти слова. Буквальный смысл ихъ, безспорно, богохульный. Какъ же нѣтъ? По ихъ буквальному смыслу выходить, что то существо, которому служить священникъ Православной церкви—дѣволъ; короче: существо почитаемое Православною церковью за Бога—дѣволъ. Спорить невозможно: буквальный смыслъ словъ мужика таковъ.

Такъ. Но въ такомъ ли смыслѣ понималъ мужикъ свои слова? Могъ ли онъ понимать ихъ въ такомъ смыслѣ?—Онъ самъ человѣкъ Православнаго исповѣданія; его Богъ—тотъ Богъ, котораго чтитъ Православная церковь. Могъ ли онъ называть дѣволомъ того Бога, котораго чтитъ самъ?

Дѣло явное: понимать его слова въ буквальный смыслъ—нелѣпость. Въ какомъ же смыслѣ надобно понимать ихъ?—Это извѣстно всякому, знающему нашъ народный языкъ. Всякому знающему народный языкъ, совершенно ясно, что такое хотѣлъ сказать мужикъ. Онъ хотѣлъ сказать: — „Батюшка, мы съ вами поспорили не изъ-за вѣры, а изъ-за денегъ; по моему, въ этомъ спорѣ вы не правы. Но правъ ли вы, или не правъ въ этомъ дѣлѣ, вы въ этомъ дѣлѣ не священникъ, а частный человѣкъ. И, по моему, вы въ немъ частный человѣкъ, поступающій несправедливо. Несправедливые поступки не угодны Богу. Они пріятны дѣволу. Кто поступаетъ несправедливо, тотъ дѣлаетъ угодное Богу, а дѣволу“.

Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни богохульства. Это мысли вполне религіозныя, совершенно Православныя.

Форма выраженія ихъ была у мужика грубая. Только. Но произнося свои грубые слова, онъ оставался человѣкомъ религіознымъ, вѣрнымъ сыномъ Православной Церкви.

Я не знаю, какого вѣроисповѣданія былъ слѣдователь: Православнаго, Католическаго, Лютеранскаго или какого другого. Мои друзья не знаютъ этого. Не знаютъ даже и его фамиліи, по которой могъ бы я хоть догадываться о его національности и вѣроисповѣданія. Они знаютъ только, что онъ говорилъ по-русски, какъ чистый русскій; потому полагаютъ, что онъ былъ Православный.

Я говорилъ, каковы были отношенія моихъ друзей къ Православной Церкви. Тома и Катерина Чистоплюевы были повѣнчаны въ Православной церкви. Матрена Головачева не только была повѣнчана въ Православной церкви, но и имѣла своимъ мужемъ Православнаго. Она жила съ нимъ согласно; ни малѣйшихъ неудовольствій изъ-за расницы вѣроисповѣданій между ними не было. Чистоплюевы любили ея мужа, какъ слѣдуетъ хорошимъ родственникамъ. Спрашивается: возможно ли предположить, что она и они имѣли ненависть къ Православной Церкви?—Они были люди другаго вѣроисповѣданія, но уважали ее. — „Православная вѣра—очень хорошая вѣра“—таково было—и остается—ихъ мнѣніе. Возможно ли допустить, что они, люди очень религіозные, могли имѣть богохульныя мысли о Богѣ Православной Церкви? Возможно ли допустить, что они могли считать Бога Православной Церкви дѣволомъ?—Онъ—тотъ же самый Богъ, которому поклонились и поклоняются они.

И я говорилъ: они считали слѣдователя человѣкомъ Православнаго исповѣданія.

Впрочемъ, не только о Богѣ, котораго чтитъ Православная Церковь, они

знали, что онъ—тотъ самый Богъ, котораго чтутъ они. Хотя люди безграмотные, потому очень плохо знающіе догматику, они все-таки съ дѣтства знали, что „у всѣхъ христіанъ одинъ и тотъ же Богъ“. Такъ думаютъ и учатъ своихъ дѣтей думать всѣ тѣ наши простолюдины, которые имѣютъ „Русскую душу“, по выраженію моихъ друзей:—„У кого русская душа, тѣ всѣ понимаютъ: у всѣхъ христіанъ одинъ Богъ“, говорятъ мои друзья. Всѣ ихъ со-подсудимые думали объ этомъ точно такъ же.

Стало быть, хотя бы слѣдователь былъ и не Православный, а, напримѣръ, католикъ или лютеранинъ, и если бы кто нибудь между со-подсудимыми моихъ друзей думалъ о немъ, что онъ католикъ или лютеранинъ, все таки никто изъ нихъ не могъ думать о Богѣ, которому поклоняется слѣдователь, иначе, какъ съ благоговѣніемъ: какова бы изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій ни былъ слѣдователь, его Богъ былъ тотъ самый Богъ, которому поклонялись всѣ они.

Теперь ясно, въ какомъ смыслѣ надобно понимать тѣ выраженія, которыми подсудимые отвѣчали на ругательства слѣдователя, отождествлявшія его досаду съ гнѣвомъ Божіимъ; подсудимые были далеки отъ мысли, что эти ихъ выраженія могутъ быть относимы къ истинному Богу; они хотѣли этими выраженіями только повернуть религіозныя ругательства слѣдователя противъ него самого; по ихъ мнѣнію, эти выраженія значили, что слѣдователь угождаетъ не Богу, а діаволу, ругаясь несправедливо. Это грубость. Но она не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы согласно съ христіанскою ли вѣрою вообще, съ Православіемъ ли въ частности. Поступая несправедливо, человѣкъ служитъ діаволу, — всякій ортодоксальный богословъ, — Православнаго ль вѣроисповѣданія, или Католическаго, или Лютеранскаго, назоветъ эту мысль совершенно вѣрною. Подсудимые выражали ее съ мужицкою неуклюжестью языка. Только въ этомъ была ихъ бѣда, что они не умѣли выразить ее книжнымъ языкомъ. Они не воображали, что ихъ мужицкое выраженіе можетъ быть истолковываемо въ богохульномъ смыслѣ.

Всякому, сколько нибудь помнящему ортодоксальную догматику Православной, или Католической, или Лютеранской церкви и знакомому съ русскими простонародными присловіями, ясенъ истинный смыслъ мужицкаго присловія:—„Ты служишь не Богу, а чорту“. — „Чортъ“ — или, по книжному, „діаволъ“ — существо, противоборствующее Богу; это существо, о которомъ много говоритъ всякій ортодоксальный катихизисъ; и всякій ортодоксальный человѣкъ Православнаго ли, Католическаго ли, Лютеранскаго ли исповѣданія вѣруетъ, что это существо дѣйствительно существуетъ, и что каждый дурной поступокъ человѣка совершается по подстрекательству этого существа, въ удовольствіе этого существа, на службу ему. Выраженія подсудимыхъ, въ которыхъ упоминалось объ этомъ противникѣ Божіемъ, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ догмата, извѣстнаго всякому ортодоксальному человѣку, сами по себѣ не нуждались бы ни въ какомъ разъясненіи съ моей стороны. Необходимость говорить о ихъ дѣйствительномъ смыслѣ возникла для меня лишь изъ того обстоятельства, что прокуроръ нашелъ—какъ это очевидно по развязкѣ процесса—эти выраженія, внесенными въ акты предварительнаго слѣдствія въ качествѣ выраженій богохульныхъ, и не имѣлъ въ тѣхъ актахъ изложенія хода перебранокъ, изъ которыхъ возникало употребленіе этихъ выраженій подсудимыми. Знай прокуроръ объ этихъ перебранкахъ, онъ, конечно, не затруднился бы понять, что въ мысляхъ у подсудимыхъ не было ровно ничего

богохульнаго, что они лишь отвѣчали бранью на ругательства слѣдователя. называя слѣдователя человѣкомъ, поступающимъ дурно, какъ нравится діаволу.

Отъ катихизиса перейдемъ къ исторіи Франціи и Россіи; отъ мыслей, извѣстныхъ всѣмъ христіанамъ и признаваемыхъ за религіозныя истины всѣми ортодоксальными людьми всѣхъ главныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, перейдемъ къ нашимъ воспоминаніямъ о тайнѣ договора, которымъ кончена была Крымская война; о тайнѣ, которую знаемъ изъ всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ только мы, — я и тѣ лица, которыя прочли изложеніе этой тайны на одной изъ предыдущихъ страницъ настоящей записки.

Россія принуждена была покориться владычеству Франціи; Русскій царь Александръ Николаевичъ принужденъ былъ стать подвластнымъ Французскому царю Наполеону. Александръ Николаевичъ снялъ съ себя шубу и отдалъ ее Наполеону, въ знакъ того, что подчиняется необходимости повиноваться ему, какъ высшему владыкѣ надъ русскимъ царствомъ. Дѣло несомнѣнно: шуба—это символъ верховной власти. Александръ Николаевичъ, по своей любви къ своему народу, рѣшился молчать передъ русскимъ народомъ объ этомъ тяжкомъ условіи мира съ Наполеономъ. Если бѣ объявить это, русскіе поднялись бы вновь воевать съ Наполеономъ на защиту своего добраго царя. Но французы сильнѣ насъ, побѣдили бы насъ, раззорили бы всю Россію. И, жалѣя свой народъ, царь Александръ Николаевичъ молчитъ о своемъ притѣсненіи отъ Наполеона. Онъ терпѣливо ждетъ времени, когда Богъ откроетъ ему, что дастъ ему побѣду надъ Наполеономъ. Тогда онъ объявитъ своему народу о своемъ угнетеніи отъ Наполеона, начнетъ войну и побѣдитъ Наполеона. Это будетъ, въ томъ нельзя сомнѣваться: Царь Александръ Николаевичъ—святой человѣкъ, угодникъ Божій; потому Богъ непременно дастъ ему силу побѣдить Наполеона. Но это будетъ, когда Богу будетъ угодно. А теперь пока дѣло все еще остается совершенно въ томъ положеніи, какое установлено тайнымъ условіемъ мира, прекратившаго Крымскую войну; Русскій царь Александръ Николаевичъ платитъ дань Наполеону и все въ Россіи дѣлается какъ велитъ Наполеонъ: чтобы не было несправности въ платежѣ дани и не было неповиновенія распоряженіямъ Наполеона, вездѣ въ Россіи есть Наполеоновскіе чиновники. Ихъ никто не знаетъ, что они Наполеоновскіе чиновники: они поставлены отъ Наполеона занимать свои должности по секрету; какъ же бѣ иначе?—Все это дѣло, дѣло тайное. Но они живутъ вездѣ по Россіи. Живутъ подъ разными видами: иные, будто бы люди такъ-себѣ, не служащіе; напимѣръ, или будто купцы, или будто мужики; а иные занимаютъ должности на службѣ у царя Александра Николаевича, и всѣ думаютъ о нихъ, что они служатъ ему; а на самомъ дѣлѣ, они занимаютъ должности на его службѣ только затѣмъ, чтобы не позволять служащимъ ему дѣлать ничего неугоднаго Наполеону.

Когда это такъ, то надобно ли мнѣ распространяться о томъ, кому служилъ слѣдователь?—Ясно само собой: онъ былъ Наполеоновскій чиновникъ. И надобно ли объяснять, о комъ говорили подсудимые, говоря о царѣ, которому служить слѣдователь?—Понятно само собою: они говорили объ угнетателѣ Русскаго царя, о Французскомъ царѣ, взявшемъ у Русскаго царя шубу, символъ власти надъ Русскимъ царствомъ, о Наполеонѣ. Нечего и толковать объ этомъ.

Я говорилъ, что пока я не ознакомился вполне съ понятіями моихъ друзей, я только разспрашивалъ и слушалъ, воздерживаясь отъ всякихъ возраженій. И

очень долго я не дѣлалъ ни малѣйшей попытки поколебать ихъ увѣренность въ томъ, что Русскій царь подвластенъ Французскому царю Наполеону и повсюду въ Россіи находятся Наполеоновскіе чиновники, дѣйствующие по приказаніямъ Наполеона. Разспрашивая и слушая объ этой тайнѣ во всѣхъ ея подробностяхъ, я ограничивался общаніемъ, что мои собственныя свѣдѣнія о Французскомъ царѣ Наполеонѣ, объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, и вообще о французскихъ дѣлахъ я буду излагать послѣ, когда выслушаю все, что любопытно мнѣ узнать отъ нихъ (то есть, отъ моихъ друзей).

Вотъ результатъ моихъ разспросовъ о подробностяхъ тайны. Буду приводить подлинными словами тѣ наши разговоры, которые относятся къ этому предмету.

Мой вопросъ. — „Вы говорите, что въ Россіи живутъ Наполеоновскіе чиновники. Вы увѣрены, что слѣдователь по вашему дѣлу служилъ Наполеону. Но у слѣдователя было начальство. Что жъ, и о комъ нибудь изъ его начальниковъ, — напримѣръ, о томъ его начальникѣ, который поручилъ ему произвести слѣдствіе по вашему дѣлу, — надобно думать, что этотъ начальникъ былъ тоже Наполеоновскій чиновникъ?“ — Мои друзья въ изумленіи говорятъ: — „Да развѣ слѣдователь не самъ сталъ производить слѣдствіе?“ — „Я думаю, нѣтъ. Я думаю, ему велѣлъ заняться этимъ дѣломъ какой нибудь начальникъ“. — „Будто?“ — „Я не знаю, такъ ли; не читавши вашего дѣла, нельзя знать, такъ ли; но я думаю, что такъ“. — „Почему жъ думаешь такъ?“ — „Потому, что обыкновенно такъ бываетъ; слѣдователь — маленькій чиновникъ; и слѣдователей много; кому изъ нихъ какое дѣло вести, это обыкновенно опредѣляется отъ начальства надъ ними“. — Мои друзья задумываются. — „Вотъ какъ оно, а мы думали, онъ самъ былъ голова всему“. — „Нѣтъ, онъ маленькій чиновникъ; то какъ же надобно думать о его начальникѣ, который велѣлъ ему производить это дѣло? Онъ былъ, вы говорите, Наполеоновскій чиновникъ; и этотъ его начальникъ тоже?“ — Мои друзья недоумѣваютъ. Катерина Чистоплюева говоритъ наконецъ: — „Этого, мой другъ, навѣрное разсудить нельзя, ни такъ, ни сякъ. Видишь ли, что: Наполеоновскіе чиновники, хитрые они, или нѣтъ, какъ ты думаешь?“ — „По вашему, Катерина Николаевна, они хитрые?“ — „Да какъ же, мой другъ? Стало быть, всяко могло быть. Могло быть, что начальникъ у него былъ такой же, какъ онъ, Наполеоновскій. А могло быть что онъ своею хитростью устроилъ все: и дѣло это поднялъ, и обработалъ такъ, чтобъ ему поручили это дѣло. Его начальникъ, можетъ быть, и понятія не имѣлъ объ его штукахъ. А могло быть и вотъ что: пришла бумага отъ самого Наполеона“. — Мужъ ея и его тетка говорятъ: — „Вотъ это скорѣе всего: была бумага отъ самого Наполеона“. — „Теперь, я спрошу у васъ еще вотъ о чемъ. Начальникъ надъ Саратовскою губерніею, вы знаете, губернаторъ? Кто былъ губернаторомъ въ Саратовѣ?“ — „Хорошій человѣкъ былъ“, — отвѣчаютъ всѣ трое въ одинъ голосъ. — „Я спрашивалъ пока еще не о томъ, хорошій ли былъ онъ человѣкъ; это я хотѣлъ спросить послѣ. Я спрашивалъ, какъ была его фамилія“. — Мои друзья думали, думали, не могли припомнить: — „Должно быть, что мы и не слышали его фамилію. Ты знаешь, говорится все „губернаторъ“, да „губернаторъ“, да и все: по фамиліи называть, лишнее; „губернаторъ“, — и довольно“. — „Ну, да и не нужна теперь мнѣ его фамилія. Я спросилъ о ней только для того, чтобъ узнать, не былъ ли ужъ и тогда губернаторомъ въ Саратовѣ тотъ, о которомъ случается мнѣ читать отзывы съ хорошей

стороны. А когда вы сами сказали, что онъ былъ хорошій человѣкъ, то этого мнѣ и довольно; фамилію его мнѣ знать ужъ не надобно“. — „А того фамилія какъ, о которомъ ты читалъ съ хорошей стороны?“ — „Галкинъ-Врасскій“. — Мои друзья углубляются въ свои воспоминанія. — „Нѣтъ, видно мы вовсе не слышали фамилію тогдашняго губернатора. Какъ бы слышали, то нельзя бы намъ было не разобратъ, та ли была его фамилія, которую ты сказалъ, Галкинъ-Врасскій, или не та. Нечего; видно теперь: вовсе намъ и не случилось слышать его фамилію“. — „И не нужна она мнѣ, я сказалъ; когда вамъ извѣстно, что онъ былъ хорошій человѣкъ, этого мнѣ довольно. И я спрошу васъ: какъ вы думаете, онъ былъ Наполеоновскій, или нѣтъ?“ — Всѣ трое въ одинъ голосъ: — „Какъ можно, какъ можно, нѣтъ“. — „Почему жъ вы увѣрены, что онъ не былъ Наполеоновскій?“ — „Да онъ былъ хорошій человѣкъ.“ — „Что жъ, вы полагаете, Французу нельзя быть хорошимъ человѣкомъ? По моему, и между Французами бываютъ хорошіе люди.“ — „Во всякомъ народѣ бываютъ хорошіе люди. Потому, чать (должно быть, вѣроятно) есть и между Французами. Только не о томъ дѣло. Не то, что Французовъ не бываетъ хорошихъ людей, а то, что Наполеоновскіе чиновники дурные люди“. — „Почему жъ вы такъ думаете?“ — „Ты самъ развѣ не знаешь?“ — „Нѣтъ, я догадываюсь, почему вы такъ думаете; только хочу видѣть, правильна ли моя догадка“. — „Ну, такъ вотъ тебѣ, какія наши мысли объ этомъ. Наполеонъ для Русскаго царя и для Русскаго царства — злодѣй; каковъ онъ царь для своего царства, для Французскаго, мы того не знаемъ; можетъ быть, у себя дома онъ и добрый человѣкъ, и хорошій царь. Но для насъ онъ врагъ, злодѣй, потому и антихристъ онъ для насъ. И дѣло его у насъ, антихристово. Какъ же не антихристово-то? Какъ же онъ нашего-то царя и Русское царство притѣсняетъ? Такъ и Наполеоновскіе чиновники у насъ не могутъ быть хорошіе люди. Которые чиновники служатъ Наполеону въ его царствѣ, какіе они люди, мы не знаемъ; можетъ и хорошіе. Но служить Наполеону въ нашемъ царствѣ хорошій человѣкъ не можетъ; потому что это антихристово дѣло. Антихристъ для русскаго царя и для насъ всѣхъ Наполеонъ, антихристъ. Чать и по твоему такъ?“ — „Не огорчитесь тѣмъ, что я скажу. Я въ Антихриста не вѣрю“. — Катерина Чистоплюева съ досадою возразила: — „Да не о томъ рѣчь, вѣришь ли ты въ Антихриста, или не вѣришь. Не вѣришь, такъ не вѣришь. Только, злодѣй для нашего царя и для насъ Наполеонъ. Объ этомъ ты говори, такъ ли по твоему. Мы вѣримъ въ Антихриста, то Наполеонъ для насъ и антихристъ. Ты не вѣришь, то все жъ Наполеонъ для тебя злодѣй. Такъ?“ — „Я его считаю очень дурнымъ человѣкомъ, Катерина Николаевна“. — „Ну, и довольно того. Стало быть, ты въ этомъ согласенъ съ нами“. — „Видите ли, Катерина Николаевна, какъ я думаю о Наполеонѣ, я хочу поговорить съ вами послѣ когда нибудь; это выйдетъ длинная исторія. Это будетъ больше о томъ, сколько бѣды потерпѣли отъ него сами Французы. Только, это я расскажу когда нибудь послѣ. Теперь мнѣ любопытно знать, какъ вы думаете о его чиновникахъ въ Россіи. Вотъ, вы говорили, что Саратовскій губернаторъ, который былъ во время вашего дѣла, не былъ Наполеоновскій чиновникъ. Это и по моему такъ. Хорошо. Теперь, что же вы скажете вотъ о чемъ: зналъ Саратовскій губернаторъ о вашемъ дѣлѣ, или нѣтъ?“ — „Зналъ“. — „Почему вамъ извѣстно, что онъ зналъ?“ — „Ну, вотъ, да онъ видѣлъ насъ, когда мы были въ Саратовскомъ острогѣ“. — „Правда, я ужъ слышалъ отъ васъ объ этомъ. Я только

хотѣлъ, чтобы снова сказали мнѣ, какъ это было, потому что такъ надобно для нынѣшняго нашего разговора. Вы говорили, онъ вступался за васъ, — такъ вы говорили? — „Такъ“. — „Хорошо. Зналъ о вашемъ дѣлѣ и даже вступался за васъ. Почему жъ не вышло пользы изъ этого? Губернаторъ не то, что слѣдователь. Губернаторская должность — важная“. — „Другъ ты мой, видно по всему: отъ Наполеона было это дѣло; что жъ тутъ могъ сдѣлать губернаторъ?“ — „Конечно, если разсуждать такъ, то оно выходитъ понятно. Вы говорили слѣдователю, что онъ служить антихристу; Наполеонъ, если до Наполеона дошло это отъ слѣдователя, конечно не могъ простить вамъ этого. Но это было ужъ на допросахъ. А вы говорите, что и самое-то начало дѣла было отъ Наполеона, — прямо ли отъ него самого, или отъ слѣдователя, или отъ какого другого Наполеоновскаго чиновника. Тогда, какая жъ могла быть причина Наполеону или его чиновникамъ желать вреда вамъ? До начала дѣла вы никому не говорили, что Наполеонъ антихристъ“. — „Говорить этого мы не говорили. Но мы знали то, за что слѣдуетъ называть его такъ“. — „Правда, вы ужъ и тогда, до начала вашего дѣла, полагали, что знаете навѣрное: Русскій царь и Русское царство находятся въ угнетеніи отъ Наполеона“. — „Ну, какъ нибудь кто нибудь изъ Наполеоновскихъ и довѣдался, что мы знаемъ это. Вотъ и стало надобно имъ сжить насъ со свѣту“. — „Если судить такъ, то положимъ: могли они захотѣть сжить со свѣту людей, которые знаютъ это. И, если судить такъ, то, положимъ, понятно, что были вы арестованы, попали подъ судъ. Но вамъ бы слѣдовало сказать на судѣ въ чемъ дѣло. Slѣдователь, положимъ, былъ Наполеоновскій. Говорить ему — пользы для васъ не было бы. Но присяжные и судьи не были жъ Наполеоновскіе. Сказали бы вы имъ, — они и поняли бы“. — „Другъ ты мой, развѣ жъ мы не хотѣли, чтобы сказано было на судѣ, въ чемъ наше дѣло, въ чемъ наше оправданіе. Да не вышло по нашему. Ну, когда не вызвалъ судъ заступника намъ, то и увидѣли мы: стало быть, слѣдуетъ намъ на судѣ молчать о Наполеоновскомъ угнетеніи Русскому царю и Русскому царству“. — „Почему же слѣдовало вамъ молчать объ этомъ?“ — „Какъ, почему?“ — сказала Катерина Чистоплюева: — „Разглашать то, о чемъ нашъ царь хочетъ, чтобы это оставалось въ тайнѣ? Кто имѣетъ отъ него довѣріе, могъ знать, пора ли было говорить объ этомъ. Не намъ самимъ было судить объ этомъ. Видно, было еще не пора. И промолчали мы. Лучше жъ было пропадать намъ, чѣмъ разглашать тайну, о которой нашъ царь Александръ Николаевичъ разсудилъ, что еще не пора ей быть открытой“. — „Такъ-то, другъ; такъ“, — подтвердили мужъ и тетка мужа.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ разговоровъ, содержаніе которыхъ изложено въ предъидущей выпискѣ изъ моихъ замѣтокъ, я нашелъ своевременнымъ перестать стѣсняться въ нашихъ бесѣдахъ прежнимъ опасеніемъ оскорбить моихъ друзей опроверженіемъ ихъ ошибочныхъ мыслей. Само собою разумѣется, я желалъ исправить ихъ понятія собственно лишь по тѣмъ предметамъ, ошибочныя мнѣнія о которыхъ были вредны для нихъ. О чемъ люди въ ихъ положеніи могутъ безъ вреда для себя думать, какъ случилось имъ привыкнуть думать, о томъ я ни мало не желалъ спорить съ ними. Таковы, напримѣръ, убѣжденія, относящіеся къ чисто религіознымъ вопросамъ. Ни объ одномъ религіозномъ вопросѣ религіозные люди не думаютъ, разумѣется, такъ, какъ считаю сообразнымъ съ истиною думать я, атеистъ. Но конечно, было бы нелѣпою фантазіею съ моей стороны тре-

вожить умы моихъ бѣдныхъ друзей возбужденіемъ въ нихъ мыслей, значеніе которыхъ не можетъ быть правильно понимаемо безграмотными невѣждами, каковы они. — То же самое, что о религиозныхъ предметахъ, и обо всемъ другомъ, о чемъ лично я имѣю убѣжденія, не одинаковыя съ убѣжденіями просвѣщенныхъ людей какого нибудь иного, не совпадающаго съ моимъ образомъ мыслей. Было бы непостижительно толковать съ безграмотными невѣждами о такихъ вещахъ, относительно которыхъ существуютъ несогласія между людьми просвѣщенными. Но и изъ тѣхъ вещей, о которыхъ совершенно всѣ сколько нибудь образованные люди думаютъ совершенно одинаково, я бралъ предметами объясненій только такія, ошибочныя мысли о которыхъ были гибельны для моихъ друзей; да и для всѣхъ вообще людей въ такомъ положеніи, какъ мои бѣдные друзья, вредны.

Важнѣйшею причиною бѣдствія, въ которое ввергли себя мои темные, несчастные друзья и ихъ со-подсудимые, были ихъ ошибочныя мысли объ условіяхъ Парижскаго мира, о подвластности Русскаго царя и Русскаго царства Наполеону. Когда мнѣ показалось, что ужъ могу я, не оскорбляя моихъ друзей, приняться за исправленіе ихъ понятій объ этихъ вещахъ, я разсудилъ, что на первый разъ надобно сообщить имъ свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ жизни Наполеона III и о его смерти. Получивъ эти свѣдѣнія, мои друзья будутъ болѣе способны разсудить, правильно ли буду я рассказывать имъ о дѣйствительныхъ условіяхъ Парижскаго мира, — соображалъ я. — И такъ, не касаясь вопроса, была ли по Парижскому миру Россія принуждена признать себя государствомъ, подвластнымъ Франціи, я началъ съ того, что спросилъ моихъ друзей, слышали ль они, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ была война у Французовъ съ Нѣмцами; вѣроятно, слышали; но, быть можетъ, мало; то не хотятъ ли услышать по-подробнѣе: это война любопытная; слышали они о ней? И хотятъ послушать побольше?

Мои друзья отвѣчали: хорошо, пусть я рассказываю, когда это любопытно; они послушаютъ, что это такое была за война у французовъ съ нѣмцами; они объ этой войнѣ не слышали.

Я полагалъ, что они слышали о ней слишкомъ мало и безтолково, такъ что не поняли ея развязку. Но — они вовсе и не слыхивали о ней.

Я сталъ рассказывать о войнѣ 1870—1871 годовъ; разумѣется, коротко, чтобы не утомить моихъ слушателей; разумѣется, не касаясь ничего, кромѣ собственно военной стороны дѣла, которая одна сколько нибудь понятна людямъ такого невѣжества, какъ мои бѣдные друзья. Рассказъ мой былъ въ такомъ родѣ:

„Нѣмцы сосѣды съ Французами. Лѣтъ девять тому назадъ Наполеону захотѣлось отнять у нѣмцевъ часть нѣмецкой земли, — ту часть, которая самая сосѣдняя съ Французскимъ царствомъ, и пошелъ онъ для этого войною на нѣмцевъ. Онъ думалъ, что нѣмцы струсятъ, потому что французское войско считалось очень хорошимъ и было очень большое. Но Нѣмцы не трусливы“ — и т. д. и т. д.

Дошелъ мой рассказъ до Седана. Я рассказалъ о Седанѣ въ такихъ словахъ: — „Вотъ, какъ дошли Французы до этой своей крѣпости, нѣмцы тутъ догнали ихъ, окружили, сбили, загнали въ эту крѣпость; а она старая, дрянная; а подлѣ нея горы; Нѣмцы поставили на эти горы пушки, и немножко пострѣляли съ горъ въ крѣпость, чтобы показать Французамъ, что съ этихъ горъ легко перебить всѣхъ, кто тамъ внизу, въ крѣпости; въ два, три часа всѣхъ можно перебить, какъ стадо

барановъ. Французы увидѣли: правда. Ну и пришлось Наполеону со своимъ войскомъ отдаваться въ плѣнъ нѣмцамъ. Ну, и отдался въ плѣнъ“.

До сихъ поръ мои друзья слушали молча; тутъ не выдержали. Всѣ трое въ одинъ голосъ заговорили:

— Стой, да что жъ это, въ самомъ дѣлѣ? Да ты шутишь.

Я сталъ просить ихъ вѣрить мнѣ, что я не шучу, не смѣюсь, говорю серьезно. — Увѣрились они наконецъ, я не шучу. Тогда, начались разспросы такого содержания: — „Ну, видимъ: ты не шутишь; но откуда ты это знаешь? Ты самъ видѣлъ все это?“ — „Нѣтъ, я тогда тамъ не былъ. Я не видѣлъ этого, я только читалъ объ этомъ“. — „Въ газетахъ читалъ?“ — „А что?“ — „Ну, да то, что въ газетахъ много врутъ“. — „Въ газетахъ бываетъ много пустяковъ; но въ такихъ крупныхъ дѣлахъ ошибаться газетамъ нельзя. Впрочемъ, до газетъ намъ нѣтъ дѣла. Я тогдашнихъ газетъ не читалъ. Я знаю это по книгамъ, а не по газетамъ“. — „По какимъ книгамъ? По нѣмецкимъ или по французскимъ?“ — „А что?“ — „Да если по нѣмецкимъ, то Нѣмцы, можетъ, наврали все это для похвальбы“. — „Читалъ я и французскія книги: и въ нихъ то же самое“. — Мои друзья призадумались. Но нашли-таки резонъ, что дѣло однако же сомнительно: — „Слушай ты вотъ что: можетъ, нѣмцы съ французами согласились писать такъ для обмана русскихъ. Можетъ, они вмѣстѣ хотятъ что нибудь сдѣлать надъ русскими, то вотъ и отводятъ русскимъ глаза, что вы, дескать, ничего не опасайтесь отъ насъ, потому что мы между собою подрались и будемъ все драться“. — „Не могли они обманывать въ этомъ Русскихъ; много русскихъ было тогда въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ: сами, своими глазами многіе русскіе видѣли это“. — Долго тянулись у насъ разсужденія о томъ, не обманываюсь ли я, принимая за правду, что Наполеонъ попался въ плѣнъ нѣмцамъ.

Когда мои друзья стали склоняться къ мысли, что рассказанное мною достоверно, что я не введенъ въ обманъ выдумками хитрыхъ враговъ Россіи, желающихъ отводить глаза русскимъ сказками, я попросилъ моихъ друзей, чтобъ они послѣ, на досугѣ побольше подумали о томъ, возможно ли какое нибудь сомнѣніе въ достоверности читаннаго мною и теперь вотъ сообщеннаго мною имъ; и попросивъ ихъ обдумать все какъ можно основательнѣе, докончилъ мой рассказъ нѣсколькими словами, — именно такими:

„Ну, вотъ, поддержали нѣмцы Наполеона въ плѣну у себя, потомъ выпустили; онъ поѣхалъ жить въ Англію, потому что воротиться во Францію ему было ужъ нельзя: французы, потерпѣвши черезъ него такую бѣду, что нѣмцы побили ихъ, были очень озлоблены на него. И его женѣ и сыну, — у него съ женою только и дѣтей, что одинъ сынъ, — тоже никакъ нельзя было оставаться во Франціи, по ожесточенію французовъ противъ нихъ за него; и они тоже уѣхали въ Англію. Ну и жилъ онъ съ ними у англичанъ; бѣдности не терпѣлъ, потому что были у него свои собственные деньги. Но только и всего, что имѣлъ достаточный кусокъ хлѣба. Пожилъ такъ нѣсколько времени и умеръ лѣтъ шесть тому назадъ“.

Принялись мои друзья разсуждать со мною, достоверно ли я знаю, что Наполеонъ умеръ. Долго разсуждали. Стали склоняться къ мысли, что я не ошибаюсь, считая правдою извѣстіе о его смерти.

Довольно для того, чтобы судить какъ шли мои попытки растолковать моимъ бѣднымъ друзьямъ, что они ошибались, воображая, будто бы Россія попала по

Парижскому миру подъ власть Наполеона и до сихъ поръ остается подвластна ему.

Бѣдные люди, бѣдные темные люди,—что было въ ихъ головахъ сколько нибудь похожаго на какія бы то ни было политическія идеи?

Во время нѣмецко-французской войны они жили въ Царицынѣ и Камышинѣ. Подъ арестомъ, правда. Но у нихъ бывали посѣтители. Они были въ дружбѣ со своими сторожами. Кажется, какъ бы не слышать имъ хоть чего нибудь объ этой войнѣ?—Но вотъ, не слышали жъ однако ничего о ней.—Въ какой же степени, когда такъ, были они заинтересованы политическими мыслями?—Столько же, сколько китайскою литературою. Иначе невозможно было бъ имъ оставаться ничего не слышавшими о войнѣ 1870—1871 годовъ.

Возвращаясь къ изложенію результатовъ, полученныхъ слѣдователемъ.

Я говорилъ, что нѣсколько разъ подсудимые отвѣчали на ругательства слѣдователя репликами, дѣйствительный смыслъ которыхъ—укоръ слѣдователю, Наполеоновскому чиновнику, но буквальный смыслъ которыхъ неоспоримо представляется преступнымъ всякому, кто не знаетъ, что слѣдователь былъ слугою Наполеона. Я говорилъ также, что не всѣ допросы кончались ругательными монологами слѣдователя или діалогами перебранки его съ подсудимыми; если у слѣдователя являлась охота передвинуть допросъ черезъ формальность констатированія личности, онъ замѣнялъ вопросъ: „какъ тебя зовутъ?“ вопросомъ: „тебя зовутъ“—затѣмъ слѣдовало имя допрашиваемаго—„такъ ли?“—Противъ этой формы вопроса подсудимые не имѣли религіознаго предубѣжденія, отвѣчали: „Такъ“,—и допросъ послѣ того шелъ совершенно сообразно желанію слѣдователя. О чемъ бы ни спрашивалъ онъ подсудимыхъ, они признавали справедливымъ все то, что предлагалъ онъ имъ признать справедливымъ. Онъ полагалъ, что они безбожники и республиканцы; потому говорилъ имъ:—„У васъ нѣтъ Бога?“—Они отвѣчали:—„Нѣтъ“.—„У васъ нѣтъ царя?“—Они отвѣчали:—„Нѣтъ“.—Онъ спрашивалъ,—какъ я уже упоминалъ—у Ѳомы Чистоплюева, блядь ли Катерина Чистоплюева; и Ѳома Чистоплюевъ отвѣчалъ:—„Блядь“.—„Ты хотѣлъ прогнать ее за блядовство?“—Ѳома Чистоплюевъ отвѣчалъ:—„Хотѣлъ“. Точно такъ же онъ спрашивалъ у Катерины Чистоплюевой:—„Ѳома Чистоплюевъ не мужъ тебѣ?“—Она отвѣчала:—„Не мужъ“.—„Ты не хотѣла жить съ нимъ?“—Она отвѣчала:—„Нехотѣла“.—„Ты хотѣла отвязаться отъ него?“—Она отвѣчала:—„Хотѣла“.—„Ты хотѣла убить его, чтобъ отвязаться отъ него?“—Она отвѣчала:—„Хотѣла“.—Ѳома и Катерина Чистоплюевы были въ это время люди ужъ не молодыхъ лѣтъ. Но, по крайней мѣрѣ, не были такіе старые люди, чтобъ желающему вести съ ними бесѣды игриваго содержанія не было возможности не чувствовать самому, что это его желаніе совершенно глупо. Но Матрена Головачева, женщина, не бывшая вѣроятно и въ молодости красивою, была въ то время ужъ вовсе старуха. Нѣтъ нужды, слѣдователь не оставилъ безъ разъяненія ея эротическія отношенія:—онъ спрашивалъ ее:—„Ты хотѣла бросить мужа?“—Она отвѣчала:—„Хотѣла“.—„Почему хотѣла? Потому что онъ старъ?“—„Да“.—„Жить со старикомъ нѣтъ пріятности?“—„Нѣтъ“.—„Ты хотѣла жить съ молодыми мужчинами?“—„Да“.—„Ты за тѣмъ и въ эту свою вѣру перешла, чтобы жить съ молодыми мужчинами?“—„Да“,—неукоснительно подтвердила старуха.

„Зачѣмъ же вы говорили на себя такую неправду?“—спрашивалъ я моихъ

друзей.— „Да мы видѣли, что противиться слѣдователю было бы только дѣлать напрасное мученіе себѣ. Что жъ, рѣзвъ сладишь съ нимъ? Ну, такъ и пусть будетъ, какъ ему угодно; по крайней мѣрѣ, когда говоришь все такъ, какъ онъ требуетъ, онъ не сердится, и скоро отпустить съ допроса“, — отвѣчали бѣдные мои друзья.

Стали послѣ призывать ихъ на „явку“, какъ они выражаются, къ „разнымъ другимъ гражданскимъ начальникамъ“, которые были „хорошіе люди, ласковые“, это были—сколько могу я понять—какіе нибудь чиновники прокуратуры; быть можетъ, кто нибудь изъ помощниковъ прокурора окружнаго суда или прокурора судебной палаты; призывали подсудимыхъ „на явку“ и къ „военнымъ начальникамъ“, которые были „еще лучше гражданскихъ“, именно, къ офицерамъ корпуса жандармовъ; эти офицеры „всѣ были люди очень хорошіе; такіе добрые, что говорить съ ними было очень пріятно, а не то чтобы страшно: ничуть не страшно; потому что отъ жандармскаго офицера никогда не получишь никакой обиды; всегда онъ старается, напротивъ того, сдѣлать какое только можетъ снисхожденіе и облегченіе“, — отзываются объ офицерахъ жандармскаго корпуса мои друзья.

Но—подсудимые, хоть и видѣли, что офицеры жандармскаго корпуса желаютъ быть полезными для нихъ, не умѣли, по своему темному невѣжеству, воспользоваться своими „явками“ къ нимъ.—„Жандармскіе офицеры желали сдѣлать въ вашу пользу что могутъ; вотъ, вамъ и слѣдовало бы объяснить имъ, что вы говорили на допросахъ у слѣдователя пустую небывальщину на себя“, — замѣчалъ я моимъ бѣднымъ друзьямъ.—„Другъ ты мой, мы думали, что изъ этого будетъ намъ только новая бѣда, хуже прежней. Самъ ты разсуди: у кого остались бы мы подъ властью?—Все у того же слѣдователя. Офицеръ-то поговорить съ нами, да уйдетъ; а слѣдователь-то на другой день опять позоветъ насъ на допросъ, и разочтется съ нами за то, что поперекъ ему говорили съ жандармскимъ-то офицеромъ“. — Я напрасно старался убѣдить ихъ, что это ихъ опасеніе ошибочное. Они были такъ запуганы всемогуществомъ слѣдователя, что не смотря на всѣ мои увѣренія: „у жандармскихъ офицеровъ была бы сила защитить васъ отъ него“, они остались при своемъ образѣ понятій; слѣдователь былъ всемогущъ; всякая попытка искать у кого нибудь помощи противъ него только отягчила бы ихъ положеніе.

И такъ, и тѣ „разные добрые гражданскіе чиновники“, которые, я полагаю, были бы не прочь потрудиться для спасенія подсудимыхъ, и офицеры корпуса жандармовъ, которые, несомнѣнно, были бы дѣйствительно рады спасти ихъ, были оставляемы ихъ нелѣпымъ невѣжественнымъ молчаніемъ въ невозможности узнать, что ихъ преступленія—пустыя флкціи. Результаты, добытые допросами слѣдователя, оставались формальнымъ образомъ результатами достовѣрными: сами подсудимые не оспаривали ихъ достовѣрности.

И однако же, произошелъ какимъ-то способомъ какой-то фактъ, имѣющій въ себѣ какъ будто нѣчто похожее на какое-то рѣшеніе какой-то — административной ли? или судебной?—власти прекратить ли процессъ, дать ли ему, вмѣсто уголовного характера, характеръ исправительный. Что такое былъ этотъ фактъ, я не могу хорошенько разобрать; онъ отразился въ темныхъ головахъ моихъ бѣдныхъ друзей такими смутными впечатлѣніями, что сколько ни раздумывалъ я надъ ихъ разсказами о немъ, я не донскался возможности понять, въ чемъ же дѣйствительно состоялъ этотъ фактъ.

Разсказываютъ они о немъ такъ:

„Безъ малаго черезъ годъ“ послѣ того, какъ были арестованы Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые, осенью 1869 года, — вѣроятно въ октябрѣ или ноябрѣ, — позволили ихъ изъ острога (Царицынскаго, гдѣ они содержались) въ Полицейское управленіе. Тамъ прочли имъ какую-то бумагу, смысла которой не могли они хорошенько понять, но въ которой, какъ имъ казалось, говорилось, что нѣкоторые изъ нихъ, — въ томъ числѣ Матрена Головачева, — должны быть отданы, какъ православные, на увѣщаніе Православному священнику, а другіе, — въ томъ числѣ Дарья Чистоплюева (еще бывшая тогда въ живыхъ), Ома и Катерина Чистоплюевы не подлежатъ этому увѣщанію, потому что Православными не были, стало быть и въ отпаденіи отъ Православія не виноваты. Прочитавъ имъ эту бумагу, чиновники сказали имъ: „ступайте на всѣ четыре стороны“, и тотчасъ же ушли изъ комнаты Присутствія Полицейскаго управленія, оставивъ ихъ въ этой комнатѣ однихъ. Оставшись одни, они стали спрашивать другъ у друга, что такое объявила имъ прочтенная имъ бумага. Потолковавши, разсудили, что бумага, должно быть, объявила имъ, что они освобождаются отъ ареста и слѣдствія, что они теперь стали опять люди свободные и могутъ идти домой; должно быть, такъ: потому что иначе что жъ значили бы сказанныя имъ по прочтеніи бумаги совершенно понятныя имъ слова: „ступайте на всѣ четыре стороны“? — Такъ, должно быть. Но надобно, прежде, чѣмъ сдѣлать попытку идти, какъ уходятъ свободные люди, спросить у чиновниковъ, дѣйствительно ли такъ. И, если дѣйствительно они освобождены, то надобно будетъ имъ получить отъ чиновниковъ позволеніе, прежде чѣмъ отправляться въ Дубовку и Песковатку, сходить въ острогъ, взять тамъ свою теплую одежду и другія свои вещи; время ужъ холодное; до Дубовки и Песковатки разстояніе не маленькое; безъ теплой одежды идти нельзя. И такъ, во всякомъ случаѣ надобно подождать возвращенія чиновниковъ, спросить у нихъ о смыслѣ бумаги, и если бумага дѣйствительно имѣетъ смыслъ освобожденія отъ ареста, то спросить у чиновниковъ позволенія сходить за вещами въ острогъ. Рѣшивъ такъ, подсудимые стали дожидаться возвращенія чиновниковъ въ комнату Присутствія; ждали; устали стоять, и сѣли на полъ: гдѣ стояли, слушая бумагу, тутъ и сѣли на полъ. Сидѣли и ждали возвращенія чиновниковъ. Вдругъ, вбѣжали въ комнату Присутствія полицейскіе служители; схватили сидищихъ, подняли на ноги и потащили вонъ; вытащили на дворъ Полицейскаго Дома и посадили на землю тутъ на дворѣ. — По правилу своей вѣры терпѣть все молча, подсудимые усѣлись молча. И сидѣли въ ожиданіи когда позовутъ ихъ опять въ комнату Присутствія, или подойдетъ къ нимъ какой нибудь чиновникъ. Такъ и просидѣли весь день. Пришла ночь. Провели они и ночь тутъ. И слѣдующій день, и слѣдующую ночь. Пришелъ третій день; они все сидѣли на дворѣ, гдѣ были посажены на землю. Пришла третья ночь; до сихъ поръ большого мороза не было, и погода была хорошая; но въ этотъ третій день къ вечеру сталъ подыматься вѣтеръ; усиливался; и къ началу ночи усилился до вьюги; вьюга стала страшно сильная. Тогда пришелъ къ сидящей группѣ помощникъ исправника и отвелъ ихъ въ полицейскія комнаты. Тутъ ихъ заперли, и тѣмъ кончился эпизодъ — который въ чемъ же именно имѣлъ свою сущность? — не понимаю; вижу только, что это былъ эпизодъ успѣшнаго соревнованія чиновниковъ Царицынской Полиціи съ безграмотными подсудимыми въ безтолковости.

Подсудимые не понимали, въ чемъ было тутъ дѣло; это ясно; не понимая, они, конечно, и въ то время не сумѣли бы разсказать съ толкомъ. Тѣмъ меньше могли припомнить съ толкомъ этотъ удивительный эпизодъ мои темные друзья теперь, черезъ девять съ половиною лѣтъ.

Но какимъ же образомъ возможно было полицейскимъ чиновникамъ уйти изъ комнаты Присутствія оставивъ тамъ постороннихъ людей, — да притомъ людей, бывшихъ подсудимыми? — Патріархальность, достойная Золотого Вѣка, о которомъ такъ хорошо писали поэты древней Эллады. — Дубовка была уголокъ Аркадіи; но и Царицынъ, какъ теперь видно, былъ тоже уголокъ Аркадіи.

Ограничиваюсь въ своемъ разборѣ удивительнаго поведенія полицейскихъ чиновниковъ этою первою чертою ихъ истинно очаровательнаго исполненія ихъ служебныхъ обязанностей: надоѣло имъ сидѣть въ комнатѣ Присутствія, вздумалось идти — домой, что ли, приласкать дѣточекъ, — къ пріятелямъ, что ли, позавтракать, — встали и пошли себѣ, не мало ни стѣсняясь заботою, что въ комнатѣ Присутствія остаются посторонніе люди.

Довольно этой черты. Когда должностные подвиги начинаются такимъ паивнымъ походомъ изъ комнаты Присутствія, то ужъ не могутъ подлежать никакой юридической оцѣнкѣ никакія дальнѣйшія должностныя приключенія такихъ чиновниковъ; это не чиновники; это Дафнисы и Филемоны, о которыхъ писалъ свои прекрасныя Буколики Виргилій.

Я сказалъ: „я не понимаю этого эпизода“. Я не хочу становиться на ту точку зрѣнія, съ которой легко было бы понять его. Эта точка зрѣнія такова, что я не люблю становиться на нее. Я предпочитаю въ подобныхъ случаяхъ думать: „это происходило лишь отъ незнанія должностными людьми ихъ должностныхъ обязанностей“. И прибавлю: „Дѣло безтолково до такой степени, что я не понимаю его“. И пусть будетъ такъ.

Когда подсудимые увидѣли себя находящимися опять въ-заперти, они безъ затрудненія объяснили себѣ, въ чемъ состояло дѣло: ихъ призывали въ Полицейское Управление и читали имъ ту бумагу только „въ видѣ насмѣшки, чтобы надругаться надъ ними“; ихъ посадили въ такое позднее осеннее время во дворѣ и держали ихъ тутъ, не выдавая имъ оставшейся въ острогѣ теплой одежды ихъ три дня и двѣ ночи, для того, чтобъ они, измученные холодомъ, „отреклись отъ своей вѣры“. — Само собою разумѣется, это пустыя мысли, порожденныя лишь ихъ темнымъ невѣжествомъ.

Черезъ нѣсколько времени полицейскіе чиновники стали приходять къ нимъ въ арестантскую Полицейскаго Управленія и, разговаривая съ ними по-пріятельски, признавались, что „поступили съ ними не хорошо“. — „Не хорошо было, что мы сказали вамъ: ступайте на всѣ четыре стороны; такъ не годится говорить; надобно было растолковать вамъ хорошенько, что вы были избавлены отъ суда, и что мы въ самомъ дѣлѣ выпускаемъ васъ на волю. Не хорошо мы сказали вамъ. Ну, теперь этого поправить ужъ нельзя. Поздно“. — Неужели жъ подсудимые правильно понимали слова чиновниковъ? Неужели чиновники говорили дѣйствительно такъ? — Еще черезъ нѣсколько времени подсудимые, ужъ переведенные въ острогъ — слышали отъ сторожей, что въ Полицейскомъ Управленіи говорятъ, будто бы они, когда оставались одни въ комнатѣ Присутствія, разломали тамъ зеркало и что теперь судить ихъ будутъ ужъ собственно за то, что они разломали

зерцало. — Я убѣжденъ, что это былъ слухъ, оставшійся неизвѣстнымъ самимъ чиновникамъ Полицейскаго Управленія, или, если доходившій до нихъ, то отвергаемый ими какъ пустая городская сплетня. Подсудимые въ комнатѣ Присутствія съ-начала неподвижно стояли, потомъ неподвижно сидѣли на полу; они не дотрогивались не только до зеркала, но и до стола, на которомъ стояло зеркало; не только до этого стола, но и ни до чего въ комнатѣ. Я считаю тогдашнихъ чиновниковъ Царицынскаго Полицейскаго Управленія людьми, очень плохо знавшими и, по привычкѣ къ небрежности, еще хуже того исполнявшими свои должностныя обязанности. Но быть чиновникомъ очень плохо знающимъ и еще хуже того осполняющимъ свои служебныя обязанности еще вовсе не значитъ быть человѣкомъ, способнымъ составлять фальшивые протоколы для возведенія на людей небывалыхъ преступленій. Я убѣжденъ, эти плохіе чиновники были, въ сущности, люди вовсе не такіе дурные, чтобы губить кого нибудь составленіемъ фальшивыхъ протоколовъ. Слухъ, будто они говорили о разбитіи зеркала подсудимыми, безъ сомнѣнія, клевета городской молвы на чиновниковъ, конечно имѣвшихъ въ Царицынѣ недруговъ-скалозубовъ, выдумавшихъ, будто они составили или хотѣли составить фальшивый протоколъ о небывальщинѣ. Зерцало, какъ было, такъ и осталось цѣло. Царицынъ хохоталъ злой шуткѣ сплетниковъ, будто составленъ протоколъ о разбитіи зеркала, которое осталось, какъ зналъ Царицынъ, въ совершенно неприкосновенной цѣлости.

Прошло еще нѣсколько времени, и чиновники, навѣщавшіе подсудимыхъ, стали говорить имъ: — „Вы почему не шли на свободу, когда васъ отпускали? Вы не шли потому, что не хотѣли идти, — такъ?“ — Подсудимые, по своему умному правилу, отвѣчали: — „Да“. — „Почему жъ вы не хотѣли идти на свободу? Потому что желали оставаться въ острогѣ?“ — Подсудимые отвѣчали: — „Да“. — „Вы хотѣли быть мучениками?“ — „Да“. — „Вы желаете, чтобы васъ сослали въ Сибирь?“ — „Да“. — „Вы даже не на поселеніе желаете, потому что это не велико мученичество, а въ каторгу?“ — и на это, какъ на все, подсудимые отвѣчали: — „Да“.

„Зачѣмъ вы говорили такой вздоръ?“ — спрашивалъ я моихъ друзей. — „Другъ ты нашъ, да что жъ пользы-то было бы спорить?“ — отвѣчали они. — Я однажды, въ горькой досадѣ на безсмысліе, съ какимъ они губили себя такими дурацкими отвѣтами, сказалъ: — „Ну, а если бы теперь кто спросилъ васъ, потому ли не ушли вы домой, что желали остаться въ острогѣ и идти въ Сибирь, какъ отвѣчали бы вы?“ — „Другъ ты мой, да никто не спроситъ“. — „Да я говорю лишь къ примѣру. Ну, если бы кто спросилъ?“ — „Ну, сказали бы по тогдашнему“. — „Какъ, и теперь сказали бы, что не хотѣли тогда идти на свободу, хотѣли идти въ Сибирь?“ — „И теперь такъ сказали бы“. — „Да зачѣмъ же?“ — „А тогда было говорено такъ, да какъ же отпереться-то? Чтобъ еще начали судить насъ за то, что отрекаемся отъ своихъ словъ? Довольно съ насъ бѣдъ; не накликай же намъ на себя новыхъ. Пусть, что написали они о насъ, все такъ и остается, будто въ самомъ дѣлѣ правда“.

И такъ, въ чемъ бы ни состояло дѣйствительное содержаніе той бумаги, которой не умѣли понять подсудимые, когда она была читана имъ въ Царицынскомъ Полицейскомъ Управленіи и о которой теперь мои друзья полагаютъ, будто бы она освобождала ихъ отъ суда, подсудимые остались подъ стражею, дѣло о нихъ продолжалось; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того они были, какъ я ужъ го-

ворилъ выше, отправлены изъ Царицына въ Камышинъ; послѣ были перемѣщены изъ Камышина въ Саратовъ; изъ Саратова были наконецъ, весною 1874 года, отправлены въ Царицынъ для того, чтобы быть подвергнутыми суду присяжныхъ; и всѣ тѣ изъ нихъ, которые дожили до суда, были приговорены къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

Изъ числа девяти подсудимыхъ, въ продолженіе процесса трое умерло; именно:

Дарья Чистоплюева (мать Оомы Чистоплюева);

Марѳа Чугунова (жена Антона Чугунова, дяди Катерины Чистоплюевой) и

Григорій Воронинъ (мужъ Дарьи Ворониной).

У Антона и Марѳы Чугуновыхъ было трое дѣтей, двѣ дѣвочки и мальчикъ. Отцу и матери было позволено имѣть дѣтей при себѣ. Старшее изъ трехъ дѣтей, дѣвочка Анна, умерла въ Камышинѣ; ей было тогда 13 лѣтъ. Двое младшія дѣти—второе дитя, дочь Дарьи, и младшее дитя, мальчикъ Иванъ, оставшіяся при родителяхъ, были взяты отъ нихъ, когда они жили въ Саратовскомъ острогѣ. Куда были отведены эти дѣвочка и мальчикъ, и что было съ ними дальше, мои друзья не знаютъ.

Доскажу о судьбѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые дожили до конца процесса.

Ихъ было, какъ я говорилъ, шесть человекъ, именно:

Оома и Катерина Чистоплюевы;

Антонъ Чугуновъ;

Матрена Головачева;

Дарья Воронина;

Анна Филатова.

Судъ надъ ними былъ въ началѣ марта 1874 года. По произнесеніи приговора, шестеро осужденные были въ маѣ мѣсяцѣ переведены изъ Царицына въ Саратовъ, для препровожденія въ Сибирь. Изъ Саратова они были отправлены въ Сибирь „за день передъ Петровымъ днем“ 1874 года. Въ Иркутскъ прибыли они зимою 1874—1875 года. Изъ Иркутска были отправлены въ Якутскую область, и прибыли въ окружный городъ Якутской области Вилюйскъ „немножко послѣ Петрова дня“ 1875 года. До этой поры всѣ шестеро они были препровождаемы по пути и во время стоянокъ оставляемы неразлучно вмѣстѣ. Это было отрадою для нихъ, потому что всѣ они—кромѣ Филатовой—были близкіе родные между собою, и Филатова была въ молодости такая близкая знакомая всѣмъ тѣмъ пятерымъ, будто родная. Они думали, что и на поселеніи оставятъ ихъ всѣхъ жить вмѣстѣ. Но въ Вилюйскѣ раздѣлили ихъ для водворенія на жительство на двѣ группы, въ каждой по три человека. Разлука чрезвычайно огорчала ихъ. Но чиновники Вилюскаго Окружнаго Управленія утѣшили ихъ, сказавши, что отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть соединиться вновь: на двѣ группы раздѣляютъ ихъ лишь для того, чтобы не возроптали на обремененіе содержаніемъ шести человекъ якуты того „улуса“ (той волости), куда отправили бъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; Окружное Правленіе распредѣляетъ тяжесть содержанія ихъ между двумя улусами; пусть они просятъ старшинъ этихъ улусовъ присылать содержаніе имъ въ одно какое нибудь мѣсто того или другаго улуса; старшины согласятся и тогда могутъ они всѣ шестеро жить вмѣстѣ.

Дарья Воронина, Анна Филатова, Антонъ Чугуновъ были отправлены, одною

группою, въ одинъ улусъ; Оома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева, другою группою, въ другой улусъ.

Въ обоихъ улусахъ улусные начальники сдѣлали относительно содержанія присланныхъ къ нимъ поселенцевъ такое распоряженіе: хозяева юртъ (избушекъ, домохрзійствъ) должны кормить поселенцевъ своего улуса поочередно, по одному дню каждый хозяинъ. Ни Катерина Чистоплюева съ мужемъ и его теткою, ни другая партія, состоявшая изъ Ворониной, Филатовой и Чугунова, не знали, что могутъ требовать менѣе неудобнаго способа снабженія ихъ продовольствіемъ. И стали каждый день переходить для полученія ѣды и ночлега изъ одной юрты въ другую, по очереди, назначенной улусными начальниками.

Въ Вилюйскомъ округѣ пѣтъ нигдѣ ничего подобнаго хоть бы самой крошечной деревушкѣ: якуты живутъ отдѣльными, совершенно одинокими юртами, одна юрта отъ другой въ двухъ, трехъ, — чаще въ пяти, въ десяти, въ пятнадцати верстахъ. Поселенцамъ, — людямъ пожилымъ, или вовсе дряхлымъ, — пришлось такимъ образомъ каждый день странствовать по нѣскольку, — чаще всего, по многу, — верстѣ; проснуться, закусятъ и отправляются въ путь; а пути въ Вилюйскомъ округѣ — тропинки въ лѣсахъ между болотъ. Можно вообразить себѣ, какъ мучительна была эта странническая жизнь для людей пожилыхъ, или вовсе старыхъ, и отчасти больныхъ. Надобно только припомнить, сколько мѣсяцевъ длится въ Вилюйскомъ округѣ зима и каковы морозы этой зимы.

Якуты безпрестанно разтѣзжаютъ изъ улуса въ улусъ. Чистоплюевы и Головачева, когда научились понимать кое-какія обыкновеннѣйшія слова якутскаго языка, слыхивали по временамъ отъ встрѣчавшихся съ ними проѣзжихъ якутовъ о Чугуновѣ и двухъ его спутницахъ: и Чугуновъ, и обѣ женщины были здоровы. Чистоплюевы и Головачева не теряли надежды раньше или позже получить согласіе улусныхъ начальниковъ на то, чтобы позволено было Чугунову и тѣмъ двумъ женщинамъ странствовать вмѣстѣ съ ними, пока якуты обоихъ улусовъ построятъ или купятъ — какъ общали приказать улусные начальники, — особую юрту, въ которой стали бы жить все шестеро вмѣстѣ.

Это и было бы, вѣроятно, такъ. Но раньше, нежели Чистоплюевы успѣли выпросить у улусныхъ начальниковъ позволеніе присоединить къ себѣ ту, другую, партію, съ этою другою партіею случилась бѣда.

Бывшій Вилюйскій исправникъ г. Протопоповъ (о которомъ говорилъ я въ предисловіи къ этой запискѣ) рассказывалъ мнѣ о бѣдѣ, постигшей ту, другую, партію, слѣдующимъ образомъ:

Однажды въ ту юрту, куда пришли Чугуновъ, Воронина и Филатова, заѣхалъ священникъ той мѣстности; священникъ этотъ былъ пьянъ; пьяный, онъ человѣкъ буйный. Онъ привязался къ Чугунову и женщинамъ, неотступно ругая ихъ за то, что они раскольники. Они молчали на его ругательства; это еще больше подзадоривало пьянаго и наконецъ онъ принялся бить Чугунова и обѣихъ женщинъ. Они принуждены были схватить его за руки. Само собою разумѣется, онъ изъ-за этого пожаловался на нихъ, и, конечно, представилъ дѣло въ такомъ видѣ, будто Чугуновъ, Воронина и Филатова „избили“ его. Чугуновъ и обѣ женщины были арестованы — отправлены въ Якутскъ. Якутскій губернаторъ Черняевъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ благородно; старался сколько могъ смятчить участь Чугунова, Ворониной и Филатовой. (Это слышали о немъ и Чистоплюевы и Головачева, и

всѣ трое много разъ говорили мнѣ, что чувствуютъ живую благодарность къ г. Черняеву за его покровительство Чугунову, Ворониной и Филатовой). Но характеръ обвиненія былъ таковъ, что не во власти губернатора давать дѣламъ подобнаго рода направленіе, какое считаетъ онъ справедливымъ. Чугуновъ, Воронина и Филатова были, согласно жалобѣ священника, обвинены въ оскорбленіи его и отправлены—по словамъ г. Протопопова—въ Иркутскъ, въ арестантскія роты. (Такъ слышали и Чистоплюевы и Головачева).

Нѣсколько времени тому назадъ я просилъ живущаго въ Вилуйскѣ должностнаго человѣка, служащаго въ Иркутской жандармской командѣ, чтобъ онъ переслалъ своему начальнику мою записку, въ которой я говорилъ, что желалъ бы,—если будетъ найдено возможнымъ исполнить это,—чтобы Чугунову, Ворониной и Филатовой были переданы свѣдѣнія о здоровьѣ Чистоплюевыхъ и Головачевой, поклоны отъ нихъ и нѣсколько рублей. Если было найдено возможнымъ исполнить это, все это, безъ сомнѣнія, исполнено.

Тяжкій періодъ ежедневныхъ странствованій Оомы и Катерины Чистоплюевыхъ и Матрены Головачевой изъ юрты въ юрту, по нѣскольку верстъ, иногда и по пятнадцати и больше верстъ отъ юрты до юрты, длился мѣсяцевъ десять. Послѣ, въ половинѣ мая 1876 года, была наконецъ отведена для житія имъ юрта. Тогда они стали пользоваться спокойствіемъ. Такимъ образомъ прожили они около двухъ лѣтъ. Послѣ того, жили у Вилуйскаго исправника, г. Протопопова, какъ я подробно рассказывалъ объ этомъ въ Предисловіи къ настоящей запискѣ. По отъѣздѣ г. Протопопова въ Иркутскъ, жили съ мѣсяцъ у Вилуйскаго медика г. Доброзракова; послѣ переселились жить въ баню исправническаго дома, оттуда въ одну изъ юртъ, находящихся въ Вилуйскѣ;—обо всемъ этомъ я подробно рассказывалъ въ Предисловіи къ настоящей запискѣ. Послѣ того, какъ она была отдана мною для отправленія черезъ Иркутскъ въ Петербургъ, въ судьбѣ Чистоплюевыхъ и Головачевой произошли слѣдующія перемѣны:

Завѣдывавшій однимъ изъ двухъ водочныхъ складовъ, находящихся въ г. Вилуйскѣ, мѣщанинъ Дашевскій, бывшій въ знакомствѣ съ г. Протопоповымъ, имѣлъ желаніе взять, при его отъѣздѣ, Катерину Чистоплюеву къ себѣ для завѣдыванія хозяйствомъ и приготовленія кушанья. Но услышавъ, что того же желаютъ для себя г. и г-жа Доброзраковы, съ которыми онъ былъ друженъ, промолчалъ о своемъ желаніи: онъ человѣкъ холостой, они—обременены дѣтьми; ему легче, нежели имъ, обходиться безъ хорошей прислуги,—разсудилъ онъ, какъ слѣдуетъ доброму человѣку.—Я говорилъ въ Предисловіи къ этой запискѣ, что когда г-жа Доброзракова, выражая мнѣ свои неудовольствія на Катерину Чистоплюеву, довела ее до необходимости отказаться отъ продолженія службы въ домѣ, гдѣ такъ недовольны ею, то при этой сценѣ присутствовалъ, кромѣ меня, еще одинъ гость. Это былъ именно Дашевскій. Когда я уходилъ, онъ вышелъ вмѣстѣ со мною и на мою просьбу, чтобъ онъ рекомендовалъ кому нибудь въ кухарки Чистоплюеву, отвѣчалъ мнѣ, что самъ онъ желалъ—чего я до той поры не зналъ—имѣть ее кухаркою и экономкою, что онъ молчалъ объ этомъ изъ расположенія къ Доброзраковымъ, а теперь пригласить ее въ услуженіе къ нему, если, подождавъ нѣсколько времени, увидить, что Доброзраковы не обратятся къ ней съ приглашеніемъ жить снова у нихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ было отправлено мною Предисловіе къ этой запискѣ, г-жа Доброзракова стала просить

Чистоплюевыхъ и Головачеву возвратиться въ услуженіе къ ней. Катерина Чистоплюева не согласилась; — „лучше мы опять уѣдемъ въ улусъ, если не найдется намъ другаго мѣста въ городѣ“. Когда оказалось, что это совершенно рѣшительный отказъ, Дашевскій разсудилъ, что теперь онъ свободенъ пригласить Катерину Чистоплюеву въ услуженіе къ нему. Она согласилась, разумѣется. И, само собою разумѣется, онъ былъ чрезвычайно радъ, что имѣетъ честную экономку и такую хорошую кухарку. Но черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она перешла къ нему, Вилюйское Полицейское Управленіе объявило Оомѣ Чистоплюеву и Матренѣ Головачевой, что они должны переселиться изъ города обратно „въ улусъ“; а относительно Катерины Чистоплюевой Дашевскому было сказано, что изъ уваженія къ нему позволяется ей оставаться въ городѣ; но конечно, говорившіе это знали впередъ, что она не можетъ отсутствовать въ улусъ больного мужа и старуху его тетку однихъ безъ призора, не разстанется съ ними, отправится съ ними „въ улусъ“. Такъ она и сказала. Дашевскій былъ очень огорченъ. Но Полицейское Управленіе приказало Оомѣ Чистоплюеву и Матренѣ Головачевой отправляться изъ города, и Катерина Чистоплюева уѣхала вмѣстѣ съ ними. — Это было, если я не ошибаюсь, въ концѣ іюня.

Съ той поры я не имѣлъ еще никакихъ свѣдѣній о моихъ бѣдныхъ друзьяхъ. Повятно, я ни у кого изъ здѣшнихъ жителей не разспрашивалъ о нихъ, чтобы моя заинтересованность ихъ судьбою не навлекла на нихъ новыхъ непріятностей со стороны Вилюйскаго Полицейскаго Управленія, чиновникамъ котораго не сообщалъ я ничего о мотивѣ, по которому имѣлъ частыя и продолжительныя свиданія съ моими бѣдными, безграмотными друзьями.

Я изложилъ основанія, по которымъ считаю несомнѣннымъ, что мои друзья и ихъ со-подсудимые, хотъ и стали въ продолженіе своего процесса безспорно, съ формальной стороны, виновными въ богохульствѣ и произнесеніи словъ, оскорбляющихъ **ОСОБУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА**, потому неоспоримо правильно признаны судомъ за преступниковъ, на самомъ дѣлѣ никогда не были способны сознательнымъ образомъ оскорблять Бога или Царя, котораго чтутъ они не только какъ Царя, но и какъ святаго.

И перехожу теперь къ изложенію подробностей того, что называютъ они своею „вѣрою“.

Три женщины, всѣ три безграмотныя, всѣ три — женщины добрыя, семейныя женщины, жившія безбѣдно въ матеріальномъ отношеніи, совершенно счастливыя въ своей семейной жизни, — всѣ три очень заботливыя хозяйки, — были главными лицами въ дѣлѣ выработки той „вѣры“, странныя особенности которой, возбуждивъ смѣхъ и негодованіе всего населенія ихъ родной мѣстности, послужили черезъ то коренною причиною постигшаго ихъ и ихъ семейства бѣдствія.

Изъ этой характеристики житейскаго и умственнаго положенія основательницъ „вѣры“, — вѣры, которой не умѣли они даже дать никакого опредѣленнаго названія, и которую я буду называть „вѣрою неподаванія руки“, — само собою возникало бъ у образованныхъ людей предположеніе: мысли основательницъ той вѣры и ихъ послѣдователей должны были имѣть основнымъ своимъ качествомъ кроткое доброжелательство, а предметомъ своимъ мирную, скромную семейную

жизнь; и потому, когда обратились на религіозныя раздумья, должны были породить „вѣру“ мирную, кроткую и съ нравственной и правительственной точки зрѣнія заслуживающую сочувствія отъ людей, считающихъ мирный порядокъ вещей наиполезнѣйшимъ для государства, а добрыя семейныя отношенія фундаментальнѣйшимъ условіемъ и мирнаго теченія національной жизни, и честной жизни составляющихъ націю лицъ.

Мое интимное знакомство съ одною изъ тѣхъ трехъ женщинъ, ея мужемъ и теткою ея мужа дало мнѣ возможность достовѣрно утверждать, что „вѣра“ ихъ и въ самомъ дѣлѣ такова.

Въ той характеристикѣ есть также черта, дающая всякому образованному человѣку основаніе для предположенія печальнаго: всѣ три женщины — совершенно безграмотны, потому въ ихъ „вѣрѣ“ должно было, вмѣстѣ съ ихъ прекрасными душевными качествами, отразиться и ихъ невѣжество. И это совершенно справедливо. И это погубило ихъ и ихъ семейства.

Всѣ основательницы, послѣдовательницы и послѣдователи „вѣры“, о которой пишу я, родились, выросли, дожили до очень немолодыхъ или и старыхъ лѣтъ въ старообрядцествѣ такъ называемаго „поповскаго толка“. Я говорилъ, что старообрядцы поповскаго толка въ той мѣстности оставались долгое время лишенными удобства имѣть священниковъ. Результатомъ было, что ихъ свѣдѣнія о своемъ вѣроисповѣданіи стали неполны и сбивчивы. И въ особенности такъ у массы старообрядцевъ, которая была безграмотна, какъ безграмотны были всѣ девятеро судившихся по процессу моихъ друзей.

При плохихъ свѣдѣніяхъ о своемъ вѣроисповѣданіи пріобрѣли они, само собою разумѣется, возможность и склонность воображать „отступленіями отъ старой вѣры“ своей такія уклоненія отъ привычнаго имъ, которые нашли бы вещами ни мало не противными ихъ вѣроисповѣданію, если бы знали его лучше.

Всѣ тѣ правила, которыхъ держатся Чистоплюевы и Головачева, правила, не имѣющія въ себѣ ничего противнаго вѣроученію старообрядцевъ (или Православію, или Католицизму, или Протестантству); это просто-на-просто обычаи индифферентныя для старообрядческаго (и Православнаго, и Католическаго, и Протестантскаго) вѣроученія. Но Дубовскіе старообрядцы, по своему плохому знанію своего вѣроисповѣданія, нашли эти правила очень важными отступленіями отъ него, и стали считать Богатенковыхъ, Киселевыхъ, Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ единовѣрцевъ „перешедшими изъ старой вѣры въ другую, совсѣмъ особую вѣру“. Не знаю, какъ разсудили объ этомъ мнѣніи массы Дубовскихъ старообрядцевъ Богатенковы (и ученики Богатенковыхъ — Киселевы): я говорилъ, что образъ мыслей Богатенковыхъ очень мало извѣстенъ моимъ друзьямъ. Но Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые не умѣли разобрать, что масса Дубовскихъ старообрядцевъ рѣшила вопросъ неправильно. Старообрядцы провозгласили ихъ покинувшими старообрядчество; имъ показалось: что жъ, когда старообрядцы признали насъ за переставшихъ быть старообрядцами, то значитъ, мы ужъ и въ самомъ дѣлѣ не старообрядцы. И они воображаютъ о себѣ, что они не старообрядцы.

Это лишь пустая фантазія массы Дубовскихъ старообрядцевъ, наивно принятая за истину Ворониними, Чистоплюевыми и ихъ со-подсудимыми. Они, какъ

были съ-дѣтства, такъ и остаются въ сущности старообрядцами поповскаго толка. Остались ли старообрядцами Богатенковы (я Киселевы), я не знаю; вѣроятно, остались и они; но не могу сказать этого навѣрное, не знаю; не знаю потому, что мои друзья, воображающіе, по своему простодушію, будто бы „держатся одной вѣры съ Богатенковыми“, оказались по моимъ разспросамъ о Богатенковыхъ, не знающими о „вѣрѣ“ Богатенковыхъ ничего, кромѣ правила не подавать руку и тому подобныхъ мелочей, до той прекрасной черты, что Богатенковы одушевлены любовью къ доброй, мирной семейной жизни и считаютъ обязанностью христіанъ доброжелательствовать и помогать всѣмъ „ближнимъ о Христѣ“, православнымъ ли, старообрядцамъ ли, нѣмцамъ ли, другимъ ли какимъ христіанамъ,— все равно.

И такъ, остались ли старообрядцами Богатенковы, и если остались, то понимаютъ ли, что остались, я не знаю. Но Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые—какъ всегда прежде были, такъ и по принятіи „своей нынѣшней вѣры“ остались старообрядцами. Ихъ нынѣшняя вѣра ни мало не мѣшаетъ имъ оставаться старообрядцами, какъ ни мало не мѣшала бы принявшему ее Православному оставаться Православнымъ, Католику—Католикомъ, Протестанту—Протестантомъ.

Но оставаясь на самомъ дѣлѣ старообрядцами, они совершенно убѣждены о себѣ, что они перестали быть старообрядцами.

Полагаю, что довольно объ этомъ. Потому что, само по себѣ это совершенно индифферентно съ Правительственной точки зрѣнія. И говорилъ я объ этомъ лишь для соблюденія ученой полноты изложенія.

Буду теперь говорить о тѣхъ правилахъ житейскаго обращенія съ людьми, за принятіе которыхъ Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые были признаны со стороны массы Дубовскихъ старообрядцевъ покинувшими старообрядчество, чему повѣрили, по своей наивности, и сами они.

Мнѣ ужъ приходилось упоминать объ этихъ формалистическихъ особенностяхъ, которыя считаютъ мои друзья, по своему жалкому невѣжеству, имѣющими важное религіозное значеніе. Перечислю теперь всѣ ихъ подѣрядъ:

При встрѣчахъ—на улицѣ ли, въ комнатѣ ли, не должно подавать другъ другу рукъ; не должно и раскланываться; и такъ какъ вообще не должно раскланываться при встрѣчахъ, то въ частности мужчины не должны при встрѣчахъ на улицѣ снимать шапку. Когда входитъ кто нибудь въ комнату, какъ посѣтитель, то находящіеся въ комнатѣ не должны перемѣнять своего положенія, если не имѣютъ намѣренія посѣлится на встрѣчу входящему; идти на встрѣчу ему, это можно; но только съ этою цѣлью и можно перемѣнять положеніе по поводу того, что входитъ посѣтитель (или посѣтительница); если жъ не идти къ дверямъ на встрѣчу ему, то надобно оставаться въ прежнемъ своемъ положеніи; потому сидящіе въ комнатѣ, если не идутъ на встрѣчу, то должны оставаться сидящими, вставать не должны.

Въ разговорѣ другъ съ другомъ слѣдуетъ, вмѣсто называнія другъ друга по именамъ, употреблять слова, обозначающія наши отношенія родства или знакомства; напримѣръ: братъ, сестра, другъ, милый, знакомый ты мой, и т. п., или слова, характеризующія челоуѣка по его полу, возрасту; напримѣръ: старуха, старикъ и т. п. А произносить самому (или самой) свое собственное имя позволительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда тому (или той), съ кѣмъ мы говоримъ, дѣйствительно на-

добно узнать наше имя и, кромѣ какъ отъ насъ самихъ, не отъ кого узнать его въ данную минуту.

Если кто, желая говорить съ нами, называетъ насъ по имени, то, хоть онъ и нарушаетъ этимъ наше правило, что насъ не должно называть по имени въ разговорѣ съ нами, мы можемъ отвѣчать ему, когда думаемъ, что онъ сдѣлалъ такъ не съ намѣреніемъ оскорбить нашу вѣру, предписывающую не дѣлать такъ. Но когда мы полагаемъ, что онъ сдѣлалъ такъ для оскорбленія нашей вѣры, мы должны отклонить его способъ говорить съ нами, не одобряемый нашею вѣрою. Не должно жъ намъ самимъ участвовать въ поруганіи нашей вѣры, а мы стали бы соучастниками въ поруганіи ея, если бы приняли, будто хорошее нѣчто, такой способъ начинать разговоръ съ нами, который противенъ правиламъ нашей вѣры.

Относительно одежды, манеры убирать голову и вообще туалетныхъ вопросовъ, нѣтъ у русскихъ никакихъ обычаевъ или модъ, которыя слѣдовало бы считать предосудительными; во всемъ этомъ можно и должно сообразоваться съ тѣмъ, какъ поступаютъ всѣ. Разумѣется, женщины должны воздерживаться отъ подражанія въ нарядахъ женщинамъ, ведущимъ безстыдную жизнь. Въ этомъ отношеніи не всякая женская мода совершенно безукоризненна. Но впрочемъ, осуждать моды, которыя намъ кажутся не совсѣмъ приличными для скромныхъ женщинъ, пустое занятіе: покрой платья, скромень ли, или не совсѣмъ скромень, дѣло не важное сравнительно съ душевною скромностью. Свѣтскія женщины принуждены слѣдовать модамъ; то за что жъ ихъ осуждать, если ихъ балыныя платья имѣютъ покрой не совсѣмъ скромный? Онѣ и сами не рады этому; но нельзя имъ не одѣваться по модѣ. Кто любитъ осуждать нескромныя моды, легко впадаетъ въ грѣхъ злорѣчія.—Это, о женскомъ туалетѣ. О мужскомъ туалетѣ, не стоитъ и разсуждать: всѣ мужчины одѣваются скромно; потому, всѣ въ этомъ отношеніи заслуживаютъ одобренія. Можно думать что нибудь свое особенное относительно мужскаго туалета только по вопросу о волосахъ. Носить волоса длиною до плечъ, это хорошо; это не правило вѣры, но это хорошо.

Вотъ и всѣ особенности мнѣнія, послужившія причиною того, что Дубовскіе старообрядцы сочли моихъ друзей и ихъ единовѣрцевъ отступниками отъ старообрядчества, еретиками, впадшими въ ужасныя заблужденія, а остальные Дубовскіе люди, — Православные и молокане, — принялись, какъ бараны, повторять рѣшеніе старообрядцевъ, что это ужасные еретики.

Смѣшно. Но—эта смѣшная наивность Дубовскаго населенія и была причиною тому, что Дубовскіе маленькіе чиновники.—невѣжды, подобные купцамъ и мѣщанамъ, съ которыми пировали, принялись усердствовать надъ еретиками; Дубовская молва, молва невѣждъ погубила несчастныхъ людей, не бывшихъ виновными ни въ чемъ, пока не принялись усердствовать надъ ними невѣжественные маленькіе чиновники. Слѣдствіе надъ Богатенковыми не могло бы возникнуть, если бы Дубовскіе полицейскіе чиновники не смотрѣли на нихъ глазами Дубовскихъ старообрядцевъ. Изъ кукольной комедіи, устроенной простодушными невѣждами, Дубовское невѣжество сдѣлало ужасную исторію, потому что считало тѣхъ невѣждъ страшными еретиками; а подвергнувшись вопросамъ о предметахъ, которыхъ не понимали, невѣжественные подсудимые наговорили на себя чепуху.

Займусь теперь разъясненіемъ перечисленныхъ мною мнѣній, изъ-за которыхъ

Дубовка провозгласила несчастныхъ страшными еретиками, и эту свою невѣжественною молвою впутала ихъ въ погибель.

У меня подъ руками нѣтъ книгъ о расколѣ. Это въ данномъ случаѣ очень жаль. Вотъ ужъ больше тридцати лѣтъ, я бросилъ занятія теологическими науками. И разумѣется, перезабылъ девять десятыхъ того, что зналъ о расколѣ въ моей юности. Но и то, сравнительно немного, что еще удержалось о немъ въ моей памяти, достаточно для разъясненія дѣла.

Вся та формалистика, которая ужаснула Дубовскихъ старообрядцевъ и, съ ихъ голоса, всю остальную Дубовку, и въ томъ числѣ чиновниковъ Дубовской полиціи, ни больше, ни меньше, какъ продуктъ смутнаго воспоминанія о старомъ житейскомъ обычаѣ, котораго когда-то держались всѣ русскіе; который, дольше, чѣмъ у Православныхъ, сохранялся у старообрядцевъ, но вышелъ наконецъ изъ употребленія и у старообрядцевъ, такъ что Дубовскіе старообрядцы не съумѣли разобрать: въ отступленіи отъ старообрядческой ортодоксальности виновны были не люди, которыхъ вообразили они впадшими въ ересь, а сами они, измѣнившіе нашему коренному русскому обычаю, вовлеченные примѣромъ „Никоніанцевъ“ въ безбожный обычай подражать „Люторскимъ нѣмцамъ, живущимъ за моремъ, на Аглицкомъ островѣ“.

Изъ всей той ребячески-пустой формалистики самое коренное правило то, что не должно подавать руку при встрѣчѣ. Оно и самое важное по убѣжденію моихъ бѣдныхъ друзей. Я рассказывалъ въ Предисловіи къ этой запискѣ, что я нѣсколько времени шутилъ надъ ними, стараясь въ-распlochъ пожать руку кому нибудь изъ нихъ. Я неловокъ, это не удавалось мнѣ. Наконецъ, удалось мнѣ поймать въ-распlochъ и пожать руку милой, доброй старушки Головачевой. У нея на лицѣ выступило выраженіе глубокой печали. Я былъ огорченъ, что сдѣлалъ печаль ей. Сталъ извиняться передъ нею. Племянникъ и племянница стали утѣшать ее, говоря, что ея совѣсть осталась чиста: я взялъ ея руку въ свою и пожалъ; а она не сгибала свои пальцы, чтобы пожать мою руку; потому не нарушила своей вѣры. Старушка утѣшилась. И, такъ какъ я сталъ спрашивать, неужели жъ слѣдовало ей такъ опечалиться отъ мысли, что она нарушила это правило, то Катерина Чистоплюева рассказала случай, который былъ съ нею самою. Г-жа Протопопова уѣхала однажды къ мужу, производившему слѣдствіе далеко отъ города. Возвратившись и увидя на крыльцѣ выбѣжавшихъ къ ней дѣтей здоровыми, она протянула руку заботившейся о нихъ нянѣ (Чистоплюевой), благодаря ее и подстуная ближе, поцѣловать ее. Чистоплюева была тронута живымъ выраженіемъ благодарности отъ „своей барыни“ и въ отвѣтномъ порывѣ чувства забылась, приняла протянутую къ ней руку и пожала.— „Какъ я пожала ея руку, и опомнилась отъ своей забывчивости, я покачнулась на ногахъ; думала, не удержусь, упаду; схватила за стѣну“. Г-жа Протопопова перепугалась: „Няня, что съ тобою? Ты вся поблѣднѣла“. Чистоплюева объяснила ей, и побрела, держась за стѣну, прилечь, какъ посовѣтовала ей г-жа Протопопова. Ей понадобилось довольно долго, — съ полъ-часа — лежать, чтобы оправиться отъ слабости, близкой къ обмороку. Такой ужасный это грѣхъ для людей ея вѣры, пожать руку.

Если подавать руку грѣшно, то, разумѣется, грѣшно и кланяться при встрѣчѣ; а если грѣшно раскланываться при встрѣчѣ, то разумѣется, грѣшно и вставать при входѣ посѣтителя; все это звенья одного ряда, образующаго обычную форму

церемоніальности встрѣчъ между знакомыми или между хозяевами и посѣтителами. Главное звено этого ряда,—подаваніе руки,—грѣховно; изъ того понятно, и весь рядъ грѣховенъ; а когда весь онъ грѣховенъ, то и каждое звено его грѣховно.

Умно. Такъ умно, что совѣстно было мнѣ и смотрѣть на моихъ бѣдныхъ друзей, когда они,—люди отъ природы не глупые,—съ серьезнѣйшимъ глубокомысліемъ излагали мнѣ такіа ребячески мелочныя глупости.

Такъ, очень умны эти убѣжденія моихъ бѣдныхъ друзей. Но, они безграмотные люди. А люди грамотные?—Дубовскіе полицейскіе чиновники нашли жъ эти ребяческія глупости резоннымъ основаніемъ рекомендовать жалкихъ невѣждъ, умъ которыхъ погрязалъ въ такихъ пустякахъ, какъ людей опасныхъ Правительству;—такъ рекомендовали ихъ тѣ чиновники чиновникамъ судебного вѣдомства и своему начальству. Безъ этой рекомендаціи, что, кромѣ смѣха и жалости, могли бы чувствовать губернская администрація и судебныя власти, читая протоколъ о юродивой процессіи Богатенковыхъ и Киселевыхъ, этой совершенно благонамѣренной процессіи юродивыхъ?—А эта процессія и послужила поводомъ къ началію серьезнаго процесса о несчастныхъ юродивыхъ. Юродивыхъ стали разспрашивать о теологическихъ и политическихъ предметахъ; юродивые не могли не оказаться виновными во всемъ, о чемъ ихъ спрашивали, виноваты ль они въ этомъ. Старуха Головачева признала себя виновною въ развратѣ. Катерина Чистоплюева признала себя, кромѣ этого, виновною и въ намѣреніи отравить мужа.

Отъ природы они люди умные. Но они безграмотные невѣжды. Когда невѣжды вовлекаются силою своего религіознаго чувства въ размышленія о своемъ душевномъ спасеніи, и не имѣютъ грамотныхъ людей, съ которыми посоветоваться объ этихъ вещахъ,—какъ не имѣли они, лишенные священниковъ,—въ результатъ ихъ размышленій непремѣнно получится большая примѣсь дурацкихъ ребячествъ къ ихъ благочестивымъ заботамъ о своемъ душевномъ спасеніи.

И такъ, не должно ни раскланываться, ни вставать при входѣ посѣтителя, потому что это звенья грѣховаго ряда формальностей обычной церемоніи встрѣчъ. Но вникнувши въ дѣло съ вниманіемъ, какого заслуживаетъ оно по своей важности для душевнаго спасенія, нельзя не замѣтить, что въ грѣховномъ рядѣ этихъ звеньевъ есть еще одно звено,—безъ сомнѣнія, тоже грѣховное. При встрѣчахъ раскланывающіеся и подающіе другъ другу руки люди привѣтствуютъ другъ друга по именамъ: — „Здорово, Иванъ Ивановичъ“ или „Анна Ивановна“,—или какъ тамъ иначе будутъ имена привѣтствующихъ другъ друга. Можно ли, когда такъ, сомнѣваться въ томъ, что называть другъ друга по именамъ дѣло тоже грѣховное?—Ясно, что это грѣхъ. А когда такъ, то подумаемъ: хорошо ли и самого себя называть по имени безъ необходимости?—Всякому русскому понятно, что если называть своего собесѣдника по имени грѣшно, то произносить свое собственное имя безъ необходимости надобно признать дѣломъ еще болѣе грѣшнымъ. Наша русская форма именъ, — *nomen personale nomine patris in forma adjectivi adjuncto*—Иванъ Петровичъ, Анна Петровна,—производитъ на насъ, русскихъ, впечатлѣніе любезности, впечатлѣніе въ родѣ того, какъ еслибъ сказать: „уважаемый мною Иванъ“, „уважаемая мною Анна“. Какъ же Иванъ Ивановичъ можетъ безъ необходимости произносить, что его зовутъ „Иванъ Ивановичъ?—“ Это будетъ похвала самому себѣ; это противно христіанскому смиренію.

А когда оба эти слова „Иванъ“ и „Иванычъ“ — похвала самому себѣ, то ясно: и каждое изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ въ себѣ элементъ похвалы. А когда такъ, то и третье, которое прибавляется къ нимъ, — слово, означающее фамилію, — имѣетъ въ себѣ такое качество быть хвалебнымъ. — „Иванъ“ или „Анна“ — похвала; „Петровичъ“ или „Петровна“ — тоже; стало быть, и „Слесаревъ“ или „Бѣляева“ — тоже.

Умозаключенія, дѣлающія честь глубокомыслию юродства. Я изложилъ ихъ литературнымъ языкомъ. На простонародномъ языкѣ, которымъ однимъ владѣютъ мои друзья для изложенія своей „вѣры“, разсужденія эти выходятъ еще лучше, разумѣются. Трудно мнѣ было удержаться отъ смѣха, слушая эту премудрость.

Вся она, какъ теперь мы видимъ, развилась изъ размышленій о томъ, что подавать руку — грѣхъ. Она очень умна, такъ. Но неоспоримо и то, что она совершенно логически развилась изъ той основной истины: подавать руку — грѣхъ. Логика этого юродства безукоризненно правильна. Въ логичности разсужденій виденъ природный умъ жалкихъ невѣждъ, Богатенковой и ея мужа, Дарьи Ворониной и моихъ бѣдныхъ друзей.

И такъ, все сводится къ вопросу: почему жъ подавать руку — грѣхъ? — Въ Предисловіи къ этой запискѣ я рассказывалъ, какъ отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ мои бѣдные друзья въ первое время нашего знакомства: — „моя рука нужна мнѣ; какъ же я отдамъ ее тебѣ? Самъ я останусь безъ руки. Это будетъ что же? — Уродовать себя. Уродовать себя Богъ не велитъ“. — Для людей, не привычныхъ къ аргументаціи, основанной на неумѣіи анализировать разные оттѣнки значенія одного и того же слова, этотъ аргументъ непостижимъ, какъ аргументъ; это просто бессмыслица, не относящаяся къ дѣлу. Но простолюдины и у насъ, да и повсюду, серьезно путаются въ мысляхъ, смѣшивая условный смыслъ словъ съ прямымъ ихъ смысломъ. Кто привыкъ слышать простонародныя разсужденія, тотъ понимаетъ, что приведенный мною аргументъ можетъ казаться очень правильнымъ для простолюдиновъ. — Подробнымъ образомъ, эта манера простонародныхъ соображеній разобрана специалистами по исторіи индо-европейскихъ языковъ; и на анализѣ подобныхъ путаницъ словъ основана великая научная слава одного изъ знаменитѣйшихъ между этими учеными, Макса Миллера. — Я когда-то занимался этой отраслью ученыхъ изслѣдованій. Потому, для меня не представляло ни малѣйшаго затрудненія понять, что аргументація моихъ друзей имѣетъ для нихъ значеніе совершенно дѣльнаго аргумента. Бѣдняжки не сумѣли различить, что „отдать руку“ или „подать руку“ — выраженіе, могущее имѣть два различные смысла; одинъ смыслъ, въ которомъ „отдать руку“ значитъ самому остаться безъ руки, а другой, въ которомъ „отдать руку“ — дѣло, менѣе ужасное, чѣмъ изуродовать себя.

И я не продолжалъ разговора съ моими друзьями о томъ, почему негодится подавать руку. Стоитъ ли спорить о такой пустой глупости ихъ? — подумалъ я.

Но много недѣль спустя мнѣ случайно припомнилось англійское выраженіе shake-hands, и вмѣстѣ съ нимъ подвернулось на мысль наше соотвѣтствующее ему выраженіе „пожать руку“; — для меня стало ясно: хоть и хороша аргументація моихъ друзей о грѣховности уродовать себя, но дѣйствительный резонъ, почему подавать руку — грѣхъ, остается неизвѣстенъ имъ.

Штука въ томъ, что обычай пожатія рукъ при встрѣчѣ — англійскій обычай;

отъ англичанъ заимствовали его французы и нѣмцы; отъ нѣмцевъ—мы. Сначала приняли его у насъ образованные классы; наше простонародье долго дичилось его; послѣ онъ сталъ нравиться и нашимъ простолюдинамъ; православнымъ понравился раньше, чѣмъ старообрядцамъ; но ужь давно приняли его и старообрядцы. — Дѣло явное: Богатенкова или Богатенковъ слыхивали въ дѣтствѣ, что вотъ вводится у дубовскихъ людей обычай подавать руку; а отцы и дѣды наши этого обычая не знали; потому онъ дурень; (всякое нововведеніе дурно); слѣдуетъ держаться старины, не знавшей этого обычая. — Слышанное въ дѣтствѣ, забылось надолго; когда пробудилось въ памяти, пробудилось не вполне: вспомнился выводъ: „не должно подавать руку“, а резонъ почему не должно, не припомнился; и потому понадобилось Богатенковой съ мужемъ самимъ додумываться, почему жь именно подавать руку не хорошо; вотъ они и додумались до той аргументаціи, совершенно убѣдительной, въ томъ нѣтъ спора, но аргументація *post factum*: истина, родившаяся неизвѣстно изъ чего, сама породила аргументъ, на которомъ процвѣла непоколебимо.

Я расхохотался и рѣшилъ: недобросовѣстно было бы съ моей стороны утаить отъ моихъ друзей дѣйствительный резонъ грѣховности подаванія рукъ. — При слѣдующемъ посѣщеніи я спросилъ у нихъ: слыхивали ль они, что когда-то были какіе нибудь люди, не подававшіе рукъ. Они принялись припоминать: нѣтъ, ничего такого они не слышали. — Тогда я сказалъ: „А я вотъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ стариковъ и старухъ, что въ молодости ихъ этого обычая въ Саратовѣ у мѣщанъ не было; а самъ, по книгамъ, узналъ послѣ: правда, это обычай у Русскихъ новый“. — Ома Чистоплюевъ задумался и, долго рывшись въ своей памяти, сказалъ: „А должно быть такъ. Однажды говорилъ я съ судохозяиномъ, который приглашалъ меня въ лощманы; подошелъ какой-то незнакомый, — стало быть, не Дубовскій, пріѣзжій — купецъ, подаль руку хозяину, подаль и мнѣ. Я сказалъ ему: „я руки не даю“. — Онъ сказалъ: „А, это значить, вы держитесь въ этомъ старины. У насъ есть старики, которые говорятъ что прежде этого обыкновенія не было“. — Оказалось, что этотъ пріѣзжій купецъ былъ лѣсопромышленникъ, „пригнавшій плоты“ въ Дубовку (то есть, сплавившій въ нихъ по Волгѣ строевой лѣсъ). — Я сказалъ моимъ друзьямъ, что когда этотъ купецъ былъ лѣсопромышленникъ, пригнавшій самъ свои плоты съ верху (то есть, съ верховья Волги, или съ ея верхнихъ притоковъ), то естественно, что на его родинѣ старики помнятъ такую старину, какой Дубовскіе старики ужь не застали въ Дубовкѣ: въ тѣхъ мѣстахъ старые обычаи держались дольше, чѣмъ въ низовьѣ Волги.

Я пишу это и думаю: „И я долженъ писать о такихъ вещахъ въ этой запискѣ. То, что по мнѣнію всякаго образованнаго человѣка должно быть только предметомъ этнографіи, археологіи, филологіи, было сдѣлано основаніемъ для начатія двухъ политическихъ процессовъ; таковы то были результаты молвы Дубовскаго невѣжественнаго населенія: юродствовавшіе бѣдняки погибли изъ-за своей „вѣры, что грѣхъ подавать руку“.

Остается сказать объ одномъ изъ перечисленныхъ мною правилъ, о томъ, что мужчинѣ лучше отпускать волоса до плечъ, нежели носить ихъ менѣе длинными; оно одно не объясняется кореннымъ правиломъ, что подавать руку—грѣхъ, а имѣть свое особое основаніе. Оно возникло тоже изъ смутнаго воспоминанія о

прежнемъ обычаѣ, котораго старообрядцы держались дольше, нежели Православные. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, благочестивые пожилые люди, усердствовавшіе помогать дьячкамъ при Богослуженіи, любили придавать себѣ похожій на дьячковъ видъ, давая своимъ волосамъ отростать, какъ у дьячковъ, которые тогда (да и послѣ) носили длинные волосы, какъ священники и дьяконы. Такъ любили Православные набожные люди, такъ и старообрядцы. У Православныхъ стало выходить это изъ обыкновенія лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ; у старообрядцевъ, нѣсколько позднѣе. Богатенковъ и его жена въ дѣтствѣ вѣроятно видывали еще очень много набожныхъ стариковъ, слѣдовавшихъ этому прежнему обычаю. Когда они принялись заботиться о своемъ душевномъ спасеніи, воспоминаніе изъ временъ ихъ дѣтства воскресло въ нихъ, и они разсудили, что мужчинѣ хорошо носить длинные волосы: это очень благочестиво; какъ же нѣтъ? Священники, дьяконы, монахи носятъ длинные волосы; и тѣ набожные старики прежнихъ временъ хорошо дѣлали, подражая въ этомъ людямъ духовнаго сословія. — Это соображеніе не имѣетъ въ себѣ даже ничего смѣшнаго: оно разсудительно.

Но всѣ тѣ другія правила ихъ „вѣры“ глупы до смѣшнаго. Правда, они и ихъ подражатели были невѣжды. Натурально было, что ихъ невѣжество внесло элементъ глупаго ребячества въ ихъ заботы о своемъ душевномъ спасеніи.

Но хоть и смѣшныя, жалкіе невѣжды, полу-грамотный Богатенковъ, его безграмотная жена, безграмотные Воронины, Чистоплюевы и ихъ послѣдователи, всѣ были отъ природы люди неглупые; всѣ были люди честные и добрые. Потому, кромѣ глупостей ихъ невѣчества, есть въ ихъ мысляхъ и элементы иного достоинства, элементы почтенные, дѣйствительно достойные уваженія и любви образованныхъ людей. И эти элементы преобладаютъ въ нихъ надъ ребяческими глупостями ихъ невѣчества.

Они, въ сущности, какъ родились и выросли, такъ и остались старообрядцами, хоть и воображаютъ, будто бы „вышли изъ старой вѣры, перешли въ другую“. Масса Дубовскихъ старообрядцевъ, какъ я ужъ говорилъ, не имѣла и не имѣетъ вражды къ Православнымъ. И въ частности, родители и старшіе родственники Богатенковыхъ, Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ жили дружно съ Православными, приучали своихъ дѣтей и младшихъ родныхъ имѣть хорошее расположеніе къ Православнымъ. Правда, Богатенковы, Воронины, Чистоплюевы приняли отъ своихъ старшихъ привычку имѣть миролюбивыя чувства къ Православію. Но каждый, близко знающій наше простопародье, знаетъ, что и сами Православные вообще не прочь при случаѣ покошунствовать надъ обрядами; это кошунство наивное: простое пустословіе для шутки въ веселый часъ, и не мѣшаетъ нашимъ простодушнымъ шутникамъ и шутницамъ сохранять благоговѣніе къ обрядамъ, о которыхъ они въ веселомъ разговорѣ отпускаютъ безцеремонныя шутки. Но, хоть и наивныя, это все-таки насмѣшки; и насмѣшки надъ самою религіею Православной церкви. А какимъ тономъ говорятъ Православные простолюдины о своихъ священникахъ извѣстно и тѣмъ людямъ образованнаго общества, которые мало знаютъ народъ.

Это, о Православныхъ простолюдинахъ. Раскольники, разумѣется, еще больше болтаютъ о Православіи и въ особенности о Православномъ духовенствѣ въ тонѣ насмѣшки и порицанія.

Мои друзья постоянно говорили со мною о Православной церкви тономъ самаго почтительнаго уваженія; и о Православномъ духовенствѣ всегда тономъ доброжелательства и почтенія. Они даже не употребляютъ о Православіи обыкновенныхъ раскольничьихъ выраженій: „никоніанство“, или „новая вѣра“; имъ кажется, что эти выраженія не довольно почтительны; они постоянно называютъ Православіе „Греко-Россійская вѣра“. Православныхъ называютъ „Греко-Россійскіе“ (то есть Греко-Россіяне). Эти выраженія, которыя употребительны у самаго духовенства Православной церкви.

Ни въ этомъ, ни какомъ другомъ отношеніи, нисколько не стѣснялись они со мною. Я много разъ говорилъ, что они съ первой минуты нашего знакомства имѣли во всемъ безусловное довѣріе ко мнѣ. И что касается въ частности Православія, они знали, что я не принадлежу къ Православнымъ. Я говорилъ въ Предисловіи къ этой запискѣ, что въ началѣ нашего знакомства я старался, для разсѣянія ихъ мысли, будто бѣ я ихъ единовѣрецъ, растолковать имъ, что я не христіанинъ, что я человѣкъ не вѣрующій. Само собою разумѣется, это оказалось напраснымъ трудомъ: въ мысли моихъ друзей не могло войти представленіе, что русскій человѣкъ не принадлежитъ къ христіанамъ. Я остался одинъ для нихъ вѣрующимъ во всѣ, какіе извѣстны имъ, догматы Восточно-Каѳолическаго ученія, какъ сами они вѣруютъ въ нихъ. Но, по крайней мѣрѣ, они поняли, что я не Православный. Потому, когда и увидѣли, что ошибались до начала нашего знакомства, считая меня человѣкомъ ихъ „вѣры“, то понимали, что никакія порицанія Православію не огорчили бы меня. Они говорили о немъ со мною тономъ уваженія и сочувствія только потому, что дѣйствительно проникнуты большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ нему.

И вообще, они уважаютъ всѣ тѣ вѣроисповѣданія, въ которыхъ предполагаютъ хорошіе принципы ученія о нравственности; потому съ уваженіемъ говорятъ и о Католичествѣ, и о Лютеранствѣ.

Изъ русскихъ сектъ, они дурно отзываются о тѣхъ, о которыхъ народная молва рассказываетъ безнравственныя вещи.—Разскажу маленькую исторію, которая случилась у насъ—у меня и у нихъ—по поводу Прыгуновъ.

Мои друзья встрѣтили въ Камышинскомъ или Саратовскомъ острогѣ добраго, смирнаго старичка, который очень много молился, прикладывая руки ладонями къ груди. Онъ произвелъ на нихъ очень хорошее впечатлѣніе своимъ благочестіемъ и своею кротостью. Сторожа и арестанты говорили имъ, что онъ судится за сектантство, и что люди этой секты называются Прыгунами. Мои друзья, разсказывая мнѣ объ этомъ старичкѣ, спросили меня, что такое это за секта Прыгуновъ. Я вспомнилъ, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“, получаемыхъ мною, была статья о Прыгунахъ, и сказалъ, что вотъ принесу сочиненіе о Прыгунахъ и прочту въ слухъ имъ. Принесъ книгу, сталъ читать, пропуская всѣ неодобрительныя размышленія автора, замѣняя въ чтеніи всѣ его насмѣшливыя выраженія выраженіями объективнаго тона. Мои друзья слушали со вниманіемъ, пока дѣло шло о томъ, что Прыгуны люди смиренные и т. п. Дальше въ статьѣ приведены пѣсни, сложенные однимъ изъ Прыгуновъ въ прославленіе Государя Императора. Эти пѣсни очень понравились моимъ друзьямъ. Но черезъ нѣсколько страницъ началось описаніе Прыгунскихъ молитвенныхъ обрядовъ (молитвенной пляски); мои друзья изумились и стали шепотомъ-шепотомъ, чтобы не мѣшать

чтенію — выражать чувства неодобренія. Не выдержали наконецъ, стали перерывать чтеніе громкими замѣчаніями: — „Что это они, точно ребятишки дурачатся!“ — „Прилично ли взрослымъ людямъ, да еще старикамъ, старухамъ! точно пьяные!“ — Еще страницы двѣ, три и авторъ началъ рассказывать, что какой-то прыгунскій вѣроучитель взялъ въ наложницы себѣ двухъ дѣвокъ; — какъ только дошло мое чтеніе до этого, мои друзья сказали: — „Стой. Брось“. Они были возмущены. Грубыхъ словъ не употребляли. Но не было предѣла ихъ негодованію. — Успокоившись, они обратились ко мнѣ съ вопросомъ? — „Скажи, какъ же теперь разсудить о томъ старичкѣ, котораго мы видѣли?“ — „Я, по своему правилу, не навязывать имъ моихъ мнѣній, отвѣчалъ: — „Я скажу, какъ я о немъ думаю; но мнѣ любопытно узнать прежде, какъ думаете теперь о немъ вы“. — Они въ одинъ голосъ отвѣчали: — „Либо не вѣрно сказали намъ о немъ, что онъ Прыгунъ; либо онъ простячекъ, и были у него какія нибудь деньжонки, и обиралъ у него деньжонки мошенникъ, похожій на того, о которомъ ты началъ было читать, а простячекъ и не догадывался, на какія гадости тратитъ его деньги тотъ плутъ“. — Я сказалъ, что и я такъ думаю: или тотъ старичекъ былъ не Прыгунъ, или онъ былъ невинною жертвою какого-нибудь плута. — „Такъ вотъ оно что! Эти Прыгуны дурачки, которыхъ обираютъ плуты!“ — рѣшили мои друзья. — Я предлагалъ продолжать чтеніе. Они сказали, что не хотятъ и слушать такіа гадости.

Невѣжды, они держатся, будто важныхъ правилъ вѣры, ребячески пустыхъ формальностей. Но они и чисты сердцемъ, какъ младенцы. Нравственныя понятія ихъ безукоризненно прекрасны. И уваженіе ихъ къ людямъ всѣхъ тѣхъ вѣроисповѣданій, нравственное ученіе которыхъ достойно уваженія, производитъ трогательное впечатлѣніе. Невѣжды, и притомъ невѣжды, очень сильно преданные своей „вѣрѣ“, они однако же совершенно чужды всякой нетерпимости; это рѣдкость.

Возвращаясь къ ребячествамъ, которые кажутся имъ важными правилами вѣры.

Совѣсть запрещаетъ имъ вставать при входѣ посѣтителя. Изъ-за этого иногда сердились на нихъ нѣкоторые изъ мелкихъ чиновниковъ, входившихъ въ ихъ камеры. Но лишь нѣкоторые, — не всѣ, а лишь нѣкоторые, — изъ мелкихъ, — исключительно, только изъ мелкихъ. Должностныя лица болѣе или менѣе высокаго положенія, да изъ маленькихъ чиновниковъ тѣ, которые принадлежали къ хорошему обществу, понимали, что эти бѣдные люди не встанутъ, если сидѣли, остаются сидящими при ихъ входѣ не по неуваженію къ нимъ, а лишь по своей „вѣрѣ“, по которой воображаютъ, что вставать при входѣ посѣтителя — грѣхъ. Если важное должностное лицо входило въ сопровожденіи мелкаго чиновника и онъ накидывался на сидящихъ съ требованіемъ, чтобъ они встали, важное должностное лицо приказывало имъ молчать и внушало ему, что сидящіе арестанты остались сидящими не по неуваженію къ своему посѣтителю, а только по правилу своей вѣры. И всегда прибавляло, обращаясь къ арестантамъ, какое нибудь ласковое выраженіе своего доброжелательства къ нимъ. Такъ всегда дѣлалъ Саратовскій губернаторъ. Такъ всегда дѣлали всѣ офицеры корпуса жандармовъ.

Жалкіе чудаки чувствовали, что не ловко имъ не вставать при входѣ должностныхъ лицъ, которыя обращаются съ ними такъ ласково, такъ хорошо. Но — и

нарушить правило своей вѣры было имъ нельзя. И они придумали, какъ соблюсти вѣжливость, не нарушая правило своей вѣры. Они постоянно просили тюремнаго сторожа, завѣдывавшаго ключемъ отъ камеръ, чтобъ онъ предупреждалъ ихъ когда по тюрьмѣ будутъ ходить какіе нибудь должностные посѣтителі. Не каждый разъ, но часто сторожъ могъ исполнить эту просьбу. И, какъ только услышать—бывало они, что въ тюрьму ждутъ должностнаго посѣтителя, они вставали и оставались на ногахъ, пока посѣтитель войдетъ къ нимъ; и часъ, и два, и три они проводили въ ожиданіи его, не садясь ни на мигъ, чтобы быть стоящими, когда онъ войдетъ.

Они должны были быть содержимы въ отдѣльныхъ, постоянно запертыхъ камерахъ. Разумѣется, тюремное начальство не всегда имѣло возможность сообразоваться съ этимъ распоряженіемъ о нихъ; временами тюрьма такъ переполнялась, что надобно было помѣщать другихъ арестантокъ въ камеру мужчинъ, другихъ арестантовъ въ камеру женщинъ. Тогда камеры оставались отъ зари до зари не заперты на ключъ. Это были формальные случаи предоставленія имъ свободы въ тюремномъ зданіи. Но вообще, распоряженіе держать ихъ въ камерахъ подъ замкомъ было мало соблюдаемо тюремнымъ начальствомъ вездѣ, гдѣ они были содержимы: и въ Царицынѣ, и въ Камышинѣ, и въ Саратовѣ, тюремные начальники, какъ присмотрѣтся—бывало, къ этимъ арестантамъ и арестанткамъ, убѣждались, что наблюдать за ними—лишняя забота; и не взыскивали со сторожа, оставлявшаго ихъ камеры не запертыми. А сторожа любили ихъ. Потому большую часть времени, которое провели въ тюрьмахъ, они прожили въ тюрьмахъ какъ будто подъ арестомъ на честное слово не уходить изъ тюрьмы. Такимъ образомъ часто гуляли они по двору тюрьмы. Мимо ихъ проходили начальники, должностные посѣтителі. А мужчинамъ изъ нихъ вѣра не позволяеть снимать шапку при встрѣчахъ. Какъ же быть, чтобы не оказываться невѣжливыми во мнѣніи начальства?—Они придумали нѣчто подобное тому способу, какимъ устранили, когда могли, невѣжливость оставаться сидящими. Выходя гулять по двору, они шли безъ шапокъ. И по зимнему морозу ходили безъ шапокъ изъ уваженія къ начальству, которое, быть можетъ, встрѣтитъ во время прогулки.

Я спросилъ ихъ, есть ли нѣтъ какіе нибудь другіе люди христіанской вѣры, которые тоже, какъ они, не снимаютъ шапокъ. Они отвѣчали, что ни о какихъ такихъ людяхъ не слыхивали. Тогда я имъ сказалъ, что такіе люди существуютъ; это квакеры; они живутъ больше всего въ Англіи и въ Америкѣ; но и тамъ ихъ мало. Я сталъ—было рассказывать моимъ друзьямъ о квакерахъ. Они слушали; хвалили то, что у квакеровъ, по моимъ словамъ, жизнь миролюбивая. Но скоро мой рассказъ пересталъ, какъ мнѣ показалось, привлекать къ себѣ ихъ вниманіе. Я остановился и спросилъ:— „Не любопытно вамъ?“— „Извѣстно, что такъ“.— „Почему же?“— „Да не русскіе они, то что намъ за дѣло до нихъ?“— „Правда ваша“, согласился я.

Я и полагалъ, что имъ будетъ нелюбопытно. Но считалъ надобностью удостоверить въ томъ.

Что они не слыхивали о квакерахъ, я былъ совершенно убѣжденъ съ самаго начала знакомства съ ними: по всему было видно изъ перваго же разговора съ ними, что они—старообрядцы Поповской секты, остающіеся вѣрными всей догматикѣ старообрядчества (или Православія, въ данномъ случаѣ все равно), на-

сколько знаютъ ее. И видно было, что никогда не случалось имъ интересоваться какими бы то ни было вѣроученіями, кромѣ Православія и старообрядчества. — Даже о Молоканахъ, которыхъ такъ много въ Дубовкѣ, они очень мало знаютъ. — Дубовка ругала ихъ иной разъ „хлыстами“, сама ничего отчетливо не зная о хлыстахъ. Мои друзья, припоминая ругательное прозвище „хлысты“, которымъ огорчала ихъ Дубовка, спросили у меня: — „Да что жъ это за люди, хлысты?“ — Я отвѣчалъ: — „Разскажу, что говорятъ о нихъ, и что изъ молвы о нихъ, по моему, правда, что пустая ложь на нихъ. Но прежде мнѣ хотѣлось бы слышать, что слышали о нихъ вы, и что думаете о нихъ сами“. — Они отвѣчали: — „Думаемъ мы о нихъ вотъ что: они люди бойкіе на словахъ“. — „Почему жъ вы такъ думаете о нихъ?“ — „Какъ же почему? Такое имя имъ дано: хлысты, значитъ, хлестко говорить“. — Объ этомъ нашемъ предположеніи поговоримъ послѣ. А теперь: что жъ вы о нихъ слышали?“ — „Да ничего, кромѣ того, что имя имъ хлысты; ну этимъ словомъ и ругаютъ другъ дружку въ Дубовкѣ, когда ругаются: хлысть ты, видно, подлецъ! — а тотъ ему: самъ ты хлысть, подлецъ“. — „Только то вы и знаете о нихъ, что имя имъ хлысты?“ — „Только“. — „Значитъ, моя очередь говорить о нихъ. Имя ихъ вы поняли неправильно. Хлысты, это значитъ не то, что они хлестко говорятъ, а значитъ это: простой народъ полагаетъ о нихъ, будто хлысть, когда молится, хлыщеть себя ремнемъ, или чѣмъ такимъ, хоть въ родѣ плетки“. — „Ну!“ — изумились мои друзья: — „Да неужто жъ они такіе дураки?“ — „Я полагаю, это говорятъ про нихъ пустое; а вздумалось народу о нихъ такъ потому, что онъ неправильно перековеркалъ имя, которое они даютъ своей вѣрѣ. Они свою вѣру называютъ Христовщина; а народъ перековеркалъ: хлыстовщина, да и перетолковалъ: хлыстовщина, значитъ: они хлыщутъ себя. А сами они, видите, вовсе не то хотятъ сказать о себѣ своимъ прозваніемъ. Христовщина это отъ какого слова, вы видите?“ — „А! вотъ что! это отъ слова Христосъ! Что же, прекраснѣйшее названіе они себѣ выбрали!“ — „Теперь, слушайте, почему они дали себѣ такое названіе. Видите ли, они думаютъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вселяется самъ Христосъ“. — Мгновенно мои друзья всѣ въ одинъ голосъ сказали: — „Стой! Да это что же? Это выходитъ—они дурачье! какъ можно такъ говорить!“ — „Да, это у нихъ мысль такая, которой ни по Греко-Россійской вѣрѣ, ни по старой вѣрѣ нельзя назвать правильною“, сказалъ я. — „Дурачье они, братъ; и толковать о нихъ не стоитъ“, — рѣшили мои друзья.

Довольно, я полагаю, объ отношеніяхъ ихъ мыслей къ разнымъ вѣроученіямъ. Достаточно, чтобы видѣть: не даромъ я говорю, что они просто на просто старообрядцы поповской секты, по своей наивности напрасно, вообразившіе, будто правду сказали о нихъ Дубовскіе старообрядцы, что они „перешли въ другую вѣру“.

Впрочемъ, приведу еще кое-что объ этомъ. Съ Правительственной точки зрѣнія вопросъ о ихъ вѣроисповѣданіи индифферентенъ; но—погибли они потому, что былъ юридически поставленъ вопросъ о ихъ „атеизмѣ“; ихъ „республиканство“ лишь результатъ того, что они „атеисты“. — Кстати, любопытно бы знать много ли больше ихъ самихъ знали догматику Православной церкви люди, выставившіе ихъ передъ администраціею и судебною властью за еретиковъ?—Я полагаю: любой Русскій архіерей оказался бы еретикомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ атеистомъ по донесеніямъ тогдашнихъ Дубовскихъ полицейскихъ чиновниковъ, еслибъ данъ

былъ имъ случай разспрашивать его о его вѣроисповѣданіи. Знали ли кто изъ нихъ хоть „Начатки Православнаго ученія?“—Навѣрное, ни одинъ изъ нихъ.

Когда Катерина Чистоплюева и Дарья Воронина ѣздили въ Саратовъ навѣщать Богатенковыхъ, они ходили смотрѣть „свою запечатанную церковь“ и „свои запечатанные часовни“,—такъ выражается Чистоплюева: это—существовавшіе нѣкогда, разумѣется, незапертыми, церковь и часовни старообрядцевъ поповской секты: въ нихъ совершалось нѣкогда богослуженіе священниками поповской секты. Онѣ были „запечатаны“ въ годъ моего дѣтства: и, какъ видно, оставались запечатанными въ то время (въ 1866—1868 годахъ). Катерина Чистоплюева и Дарья Воронина рыдали, смотря на эти „свои“ святыни. Онѣ слушали рассказы Саратовскихъ старухъ—какого исповѣданія? Поповскаго, или нѣтъ?—о чудесахъ, которыми Богъ ознаменовалъ эти святыни. Чудеса эти несомнѣнны, по ихъ убѣжденію. Катерина Чистоплюева рассказывала мнѣ эти чудеса заливаясь слезами. Старообрядка она, или нѣтъ?

Но она повѣрила мнѣнію Дубовскихъ старообрядцевъ, будто бѣ она „бросила старообрядчество“;—это иллюзія.

Кто прочелъ предъидущіе листы моей записки, имѣлъ множество случаевъ видѣть, что она, ея мужъ, тетка ея мужа не умѣютъ правильно понимать и самыя простыя слова, какъ скоро рѣчь идетъ о чемъ нибудь иномъ, нежели обыденное житейское, и притомъ лишь такое обыденное житейское, что извѣстно всѣмъ безграмотнымъ людямъ. Напомню одинъ примѣръ: сколько я толковалъ съ ея мужемъ о томъ, не была-ль она больна; мужъ отвѣчалъ: „нѣтъ; и когда онъ спросилъ у нея самой, она подтвердила ему: онъ не ошибся, она никогда не имѣла того разстройства здоровья, о которомъ я спрашивалъ у него. А вышло что?

Рѣчь шла о такомъ, сравнительно, очень ясномъ вопросѣ и сколько времени, какой внимательности къ ея рассказамъ,—рассказамъ вовсе не объ этомъ предметѣ, а о хозяйственныхъ хлопотахъ ея,—понадобилось мнѣ, чтобы на мой вопросъ получился отвѣтъ, сообразный съ фактомъ.

Похожи ль были разговоры слѣдователя съ этими людьми,—тѣ официальные разговоры, допросы,—похожи ль были они на то, что велитъ законъ? и похожи ль были они на что нибудь такое, что могло въ самомъ дѣлѣ привести къ полученію достовѣрныхъ свѣдѣній?

Подсудимые не хотятъ сказать своихъ именъ. И слѣдователь начинаетъ ругать ихъ... Къ чему, кромѣ чепухи, могъ привести его путь, начинавшійся такимъ нарушеніемъ закона съ его стороны?

Само собою разумѣется, не на слѣдователя нападалъ я въ моихъ разговорахъ съ моими друзьями, слыша отъ нихъ рассказы о ихъ допросахъ. Я нападалъ на нихъ.—„Почему жѣ бы вамъ не говорить ему, какъ васъ зовутъ. Сказываете жѣ вы ваши имена здѣсь въ Вилуйскѣ людямъ, которые знакомятся съ вами и освѣдомляются у васъ о вашихъ именахъ. И всегда вы такъ дѣлали. Дѣлали бѣ такъ вы и на допросахъ“.—„То и это, совсѣмъ разныя вещи, другъ ты мой. Человѣкъ не знаетъ, какъ меня зовутъ, и спрашиваетъ. Это вещь правильная. Онъ не знаетъ, ему надобно узнать, чего онъ не знаетъ. Я ему и говорю. А тамъ, что было? У него въ бумагахъ написано мое имя. Онъ видитъ его. Да и безъ того, давнымъ давно знаетъ; какъ меня зовутъ. Для чего жѣ онъ спрашиваетъ? Только для того, чтобы принудить меня нарушить правило моей вѣры, по которому не

слѣдуетъ мнѣ называть свое имя безъ надобности. Какъ же мнѣ было сказать мое имя? Это было бы: мнѣ же надругаться надъ моею вѣрой.—Я сталъ объяснять почему слѣдователь хотѣлъ, чтобы подсудимые говорили свои имена: это форма для начатія допроса: форма эта хороша вотъ почему, нужна вотъ для чего. Мои друзья дивились: никогда не слыхивали они объ этомъ. И, мои объясненія плохо укладывались въ ихъ мысли, чуждые всякому знанію процессуальныхъ формъ.

Я нападалъ на нихъ, и оправдывалъ передъ ними слѣдователя. Но—жаль, что онъ былъ такой плохой юристъ. Не виноватъ онъ, что онъ плохо зналъ законы. Но жаль, что онъ плохо зналъ ихъ.

Но, довольно жъ наконецъ объ этомъ. Я не желалъ бы ничего писать объ этомъ. И если бъ сталъ переписывать мою записку на-бѣло, выпустилъ бы всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ говорю что нибудь не въ похвалу чиновникамъ Дубовскаго полицейскаго управленія или слѣдователю. Можно было бъ мнѣ обойтись безъ этого. Но когда пишешь на-черно, всегда пишешь много такого, безъ чего можно было бъ обойтись. Переписывать на-бѣло, не хочу. Экспансивность изложенія важнѣе всего. Это достоинство черноваго изложенія дороже возможности сгладить его шероховатости при перепискѣ на-бѣло.

Моя работа близка къ концу.

Я объяснилъ происхожденіе и дѣйствительное значеніе той ребяческой формалистики, которую мои темные друзья считаютъ правилами своей вѣры. Произошла она изъ смутныхъ воспоминаній о вышедшихъ изъ обыкновенія старинныхъ русскихъ обычаяхъ, которыхъ дольше, чѣмъ Православные, держались старообрядцы и которые потому имѣли подъ конецъ своего существованія у дѣдовъ нынѣшнихъ старообрядцевъ характеръ старообрядческихъ особенностей.

Мои бѣдные друзья и ихъ единовѣрцы считаютъ эти ребячества свои правилами своей вѣры потому, что они очень темные невѣжды. Но они съ тѣмъ вмѣстѣ люди добрые, люди честной жизни; и отъ природы, люди неглупые. Потому, въ въ ихъ религіозномъ чувствѣ находится элементъ, достойный любви и уваженія всякаго хорошаго человѣка, каковы бы ни были мнѣнія этого человѣка, и какъ бы ни была высока степень его образованности.

И сами темные мои друзья,—безъ сомнѣнія, и ихъ единовѣрцы—при всемъ своемъ невѣжествѣ, понимаютъ, что добрыя чувства, честность, справедливость,—вообще, тѣ хорошія качества сердца и поступковъ, которыя цѣнятся всѣми хорошими людьми, нѣчто безъ всякаго сравненія болѣе важное, чѣмъ тѣ внѣшнія правила, которыя считаютъ они особенностями своей вѣры. Они соблюдаютъ эти правила, потому что такъ велитъ имъ ихъ совѣсть: еслибъ они нарушали бъ тѣ, свои правила, это было бы грѣхъ для нихъ, потому что поступать противъ совѣсти—грѣхъ. Но собственно говоря, только потому и грѣхъ имъ нарушать тѣ правила, что ихъ совѣсть не велитъ имъ того. А кому совѣсть не запрещаетъ раскланяться, подавать руку и т. д., тѣ не дѣлаютъ ничего дурнаго, раскланываясь, подавая руку и т. д.

Такимъ образомъ, въ сущности дѣла, они сами думаютъ, хоть и не умѣютъ высказать этого, что особенности ихъ вѣры лишь второстепенный элементъ ея, а единственное существенное въ ней—чистая нравственность и добрыя чувства, забота о собственной честности и любовь къ ближнему.

И такъ какъ они люди, не умѣющіе анализировать собственныхъ своихъ мыслей, то у нихъ постоянно выходитъ на практикѣ такое забвеніе объ особенностяхъ своей вѣры при сужденіи о людяхъ, не принадлежащихъ къ ней, что вообще ихъ привязанность къ своимъ ребячествамъ вовсе не проявляется въ ихъ мнѣніяхъ о людяхъ, не соблюдающихъ этой формалистики. Они сектанты лишь по отношенію къ самимъ себѣ; по отношенію къ другимъ ничего сектантскаго въ ихъ мысляхъ нѣтъ.

Я говорилъ имъ:— „Вотъ, вы видите, у меня есть привычка подавать руку и раскланиваться. Я этой привычкою не дорожу. Вы знаете, я люблю васъ. Вамъ пріятно было бѣ, еслибъ я бросилъ ее? То извольте, только стойте вамъ сказать: да,—и я пожалуй, брошу ее для васъ“.—Они засмѣялись:—Да зачѣмъ тебѣ бросать ее? Тебѣ совѣсть не запрещаетъ подавать руку, и все такое; такъ по нашему для тебя въ этомъ нѣтъ грѣха“.

Я говорилъ имъ:— „Вотъ я въ разговорѣ съ вами называю васъ по именамъ; хотите, то я буду стараться отучить себя отъ этого“.—Они отвѣчали:— „Слушай; да по твоему это не дурно; то что жъ намъ непріятнаго тутъ? Нѣтъ, ты не гляди на то, что мы не зовемъ другъ друга по именамъ, когда говоримъ между собою, и тебя не зовемъ когда говоримъ съ тобою; ты, какъ по твоему хорошо, такъ и зови насъ по именамъ и отчествамъ“.

Если анализировать это съ должною логическою строгостью, то получится, что?—Есть люди, которые предпочитаютъ Бетховена Моцарту; другіе предпочитаютъ Моцарта Бетховену; но предпочитающіе Бетховена, если разсудительны, знаютъ, что это лишь ихъ личная склонность; преодолѣть ее въ себѣ они не могутъ; но понимаютъ, что въ сущности и Моцартъ и Бетховенъ равно хороши. Тоже понимаютъ и разсудительные моцартисты. — „О вкусахъ не стоитъ спорить“. Но, разумѣется, мои темные друзья такихъ анализовъ дѣлать не умѣютъ.

Не умѣютъ. Но по инстинкту добрыхъ своихъ природныхъ склонностей на практикѣ слѣдуютъ тому, чего не умѣютъ опредѣлительно уловить въ своихъ туманныхъ мысляхъ и высказать. А еслибъ умѣли то сказали бы:

„Наша вѣра не въ томъ, надъ чѣмъ въ насъ можно смѣяться; это смѣшное для другихъ въ нашей вѣрѣ лишь шелуха нашей вѣры. Наша вѣра лишь въ томъ, что уважаетъ и любитъ всякій честный и доброжелательный къ людямъ человѣкъ“.

Что это такъ, видно по ихъ жизни, честной и доброй, и по ихъ похваламъ всякому доброму человѣку, о какомъ случается имъ говорить въ простой, открытой бесѣдѣ.

Закончу изложеніемъ ихъ мнѣній о томъ, что называется общественными и политическими вопросами. Люди, судившіеся и осужденные какъ политическіе преступники, они не имѣютъ ровно ничего подобнаго какому бы то ни было политическому образу мыслей; имѣть какой бы то ни было политическій образъ мыслей дѣло для нихъ, темныхъ невѣждъ, такое же невозможное, какъ имѣть какой бы то ни было, правильный ли, или неправильный, дурной ли или хорошій съ чьей бы то ни было точки зрѣнія образъ мыслей относительно достоинствъ или недостатковъ астрономическихъ трудовъ Ньютона. И я полагаю, что фантазія о какихъ бы то ни было политическихъ мысляхъ у русскихъ престолюдиновъ,—фан-

тазія, свидѣтельствующая о совершенномъ незнакомствѣ имѣющихъ ее съ русскимъ простонародьемъ.

Но кое-какіе факты русской жизни извѣстны и русскимъ простолюдинамъ; факты жизни ихъ маленькаго уголка русской земли, — ихъ села или города, отчасти и уѣзда, въ которомъ ихъ село или городъ; факты жизни не всего населенія этого маленькаго уголка, а какого нибудь изъ подраздѣленій простолюдиновъ этого уголка. И какъ нибудь думаютъ они объ этихъ фактахъ. Есть у нихъ тоже кое-какія свѣдѣнія объ устройствѣ Русскаго царства.

Есть это и у моихъ друзей.

Сѣбстныя припасы въ Дубовкѣ дешевы. По судоходству, по разнымъ промысламъ спросъ на работу тамъ великъ. Потому заработная плата высока. Таки́мъ образомъ при высокой заработной платѣ, при изобиліи спроса на работу, при дешевизнѣ сѣбстныхъ припасовъ даже простой чернорабочій, не знающій никакого ремесла, пользуется, вообще говоря, благосостояніемъ. Ремесленникъ, промышленникъ, живетъ, разумѣется, еще лучше. О купцахъ и говорить нечего.

То же, что въ Дубовкѣ, и въ Песковаткѣ.

Это общій фонъ кругозора моихъ друзей.

На этомъ фонѣ ближайшими, важнѣйшими для ихъ умственнаго зрѣнія фактами были, натурально, факты экономической жизни ихъ самихъ, ихъ родныхъ, ихъ сосѣдовъ; Филатова и Головачева жили очень безбѣдно. Всѣ другіе были болѣе зажиточны. Чугуновы, Чистоплюевы жили въ большомъ изобиліи. Воронины еще въ гораздо большемъ. Что о нихъ самихъ, то же самое о ихъ родныхъ и сосѣдахъ.

Понятно, каковы ихъ мнѣнія объ экономическомъ состояніи Россіи: русскій народъ благоденствуетъ.

Бѣдные люди въ Россіи есть. Но причины, по которымъ бѣдные бѣдны, на- ходятся лишь въ исключительныхъ случайностяхъ ихъ личной жизни, — или въ случайныхъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ никто не виноватъ, или въ ихъ порокахъ. Часто бѣдствуютъ сироты, престарѣлыя вдовы, если не имѣютъ близкихъ род- ственниковъ. Иное семейство бываетъ бѣдно отъ продолжительной болѣзни своего кормильца, отца или старшаго брата. Иное бываетъ разорено пожаромъ. Очень жалъ такихъ людей; но кто жъ виноватъ въ ихъ бѣдствіяхъ? Никто. — Но больше бѣдные бываютъ бѣдны отъ пороковъ: отъ пьянства, карточной игры, разврата, и больше всего отъ лѣности. Тутъ какъ судить? — Семейство пьяницы чѣмъ ви- новато, что онъ пьяница? — Ничѣмъ. Невинно терпитъ оно горькую долю. Но пьяница, разумѣется, виноватъ передъ семействомъ. Какъ съ нимъ быть? — Да что жъ ты съ нимъ сдѣлаешь? Хочетъ пить и пьянствуетъ; какъ его удержишь? Начальство виновато, что не удерживаетъ его? Глупыя слова. Отецъ сына не удер- житъ, когда сынъ хочетъ пьянствовать; сына, который всегда подъ глазами у отца, то какъ же успѣть усмотрѣть за пьяницею начальству?

Но хоть много бѣдныхъ, бѣдствующихъ невинно, хоть еще больше порочныхъ людей, впавшихъ въ бѣдность по своей винѣ, все-таки всѣ они лишь малая доля русскаго народа. Жаль ихъ. Но они лишь исключеніе. Вообще русскій народъ жи- веть въ очень хорошемъ достаткѣ.

Основательны ли эти мысли моихъ друзей? — Я не полагалъ, что имѣю на- добность заботиться объ исправленіи этихъ мыслей моихъ друзей, если онѣ въ

чемъ нибудь, по моему мнѣнію,—и, сколько я могу судить, по мнѣнію Правительства,—ошибочны.

Отъ экономической стороны русской жизни перейду къ административной и судебной.

И тутъ тотъ же колоритъ?—Натурально.

Я нахожу, что тогдашнее полицейское управленіе въ Дубовкѣ было изъ-рукъ вонъ плохо, а хозяйничанье Дубовской Думы было и еще того хуже. Я нахожу, что въ Дубовкѣ была патріархальная деревенская бззпорядица и безтолковщина. Это нахожу я. Но дубовское населеніе находило, разумѣется, очень удобнымъ для себя этотъ безтолковый свой административный и Думскій, свой родной патріархальный порядокъ, въ которомъ все сплосъ было безпорядокъ. Что жь, надобно признать: для неотесанной деревенщины эта безтолочь имѣла очень большое удобство. Чиновники были тѣ же мужики въ полицейскихъ мундирахъ. Они якшались со всякимъ, у кого были пирушки. Все велось „по-просту“, какъ между кумовьями, пріятелями, собутыльниками. Кто изъ жителей самъ не былъ, по недостаточности средствъ для широкой жизни, въ кумовствѣ съ чиновниками, у тѣхъ были между зажиточными купцами родные, знакомые, покровительствовавшіе своимъ менѣе богатымъ роднымъ и кліентамъ у своихъ пріятелей чиновниковъ. Такимъ образомъ „притѣсненія“ никому не было; всѣмъ было „вольготно“ во „всякихъ дѣлахъ“. Напримѣръ, даже податей можно было не платить: поругаются, поругаются „хозялые“ Думы и полицейскіе служители съ неплательщикомъ, тѣмъ дѣло и кончится: кумовья уладятъ какъ нибудь къ удовольствію неплательщика; вѣроятно, это дѣлалось черезъ покрытіе его платежа изъ какихъ нибудь общественныхъ доходовъ, остававшихся не записываемыми въ приходъ, поступающихъ въ карманы людей, распоряжавшихся дѣлами патріархального Посада Дубовки. Но такъ ли, или иначе, все шло „по-просту“, ко всеобщему удовольствію деревенщины.

Я не одобряю такой безтолочи. Правительство смотреть на нее точно такъ же какъ я, и постоянно старается замѣнить ее порядкомъ, болѣе сообразнымъ съ интересами Правительственными и общественными. Но въ Дубовкѣ тогда (въ 1860—1868 годахъ, и изетари, раньше того) было такъ, и было, по мнѣнію Дубовки, хорошо.

Впрочемъ, надобно сказать: безтолочь, правившаяся Дубовкѣ, была чужда крупныхъ злоупотребленій; жестокостей въ ней и тѣмъ еще меньше было. Хозяйничали, какъ имъ нравилось, люди все таки въ сущности добродушные, гулики, казнокрады, взяточники, правда; но въ простотѣ душевной, добрыки, готовые къ добродушному оказанію помощи всякому, кому могли сдѣлать добро.

И жили себѣ дубовскіе неотесанные люди „вольготно“. Хорошо было Дубовкѣ. Всѣ тамъ были довольны.

Изъ того ясно, каковы мнѣнія моихъ друзей объ административной сторонѣ жизни Россіи.

Начальство у русскихъ доброе. Никого не притѣсняетъ. Будь ты смиренный человѣкъ, живи, какъ живутъ благоразумные люди, то никогда никто изъ начальства не обидитъ тебя. А если ты въ чемъ провинился, начальство окажетъ тебѣ снисхожденіе. Очень хорошо все это у насъ, у русскихъ. Такъ и Богъ велѣлъ: со снисходительностью поступать, значить „поступать по-Божески“.

Народу жить у насъ въ Россіи совсѣмъ легко. Въ особенности стало ему со-

всѣмъ легко съ той поры, какъ „уволили крѣпостныхъ“ и „завели новый судъ.“ — Крѣпостные, вообще говоря, жили хорошо. Какъ же бы нѣтъ? Помѣщику самому была выгода, чтобъ его крестьяне жили исправно. Ну, иной помѣщикъ былъ и плохой; извѣстно, въ семьѣ не безъ уroda. Но только такихъ было, должно быть мало. Вообще, помѣщики были добрые люди и крестьянамъ ихъ было хорошо. Но только извѣстно: все жъ таки казеннымъ крестьянамъ было гораздо лучше. А когда уволили крѣпостныхъ, то стало и имъ вовсе очень хорошо, какъ всѣмъ другимъ: казеннымъ и удѣльнымъ.

Чугуновы, Чистоплюевы были удѣльные крестьяне. Воронины, Богатенковы, Киселевы если, можетъ быть, и „выписались изъ удѣльныхъ, переписавшись въ купцы или мѣщане“, то во всякомъ случаѣ были изъ удѣльныхъ крестьянъ. — Удѣльнымъ крестьянамъ въ Саратовской губерніи дѣйствительно было хорошо. Земли у нихъ было много, земля хорошая; всѣхъ угодьевъ было въ-волю. Удѣльное управленіе во весь періодъ моихъ личныхъ знаній о Саратовской губерніи, было легкое для крестьянъ, дѣйствительно хорошее для нихъ. Мои друзья и ихъ единовѣрцы судили обо всѣхъ „вольныхъ мужикахъ“ по своему родному удѣльному уголку. Натурально, что имъ представлялось: всѣмъ „вольнымъ мужикамъ“ во всей Россіи всегда было „очень хорошо, совсѣмъ легко, вовсе хорошо“.

Мнѣніе о томъ, что крѣпостное право—вещь не особенно дурная, господствовало по всей Россіи въ сословіяхъ простого народа, бывшихъ „вольными“, въ тѣ времена, когда формировались понятія людей, которымъ теперь лѣтъ пятьдесятъ или больше. Въ тѣ времена, — до Крымской войны — и образованные классы въ провинціи очень мало говорили о вредѣ крѣпостного права. Мѣщанамъ, „вольнымъ“ крестьянамъ это мнѣніе и вовсе было чуждо. Мои друзья и ихъ единовѣрцы мало видывали крѣпостныхъ крестьянъ; о ихъ бытѣ вовсе ничего не слышали отъ нихъ. Потому полагали, подобно всему Дубовскому населенію, что имъ жить было очень не дурно. Остаются при этомъ мнѣніи и теперь. Но, какъ я говорилъ, понимаютъ, что „вольнымъ“ было лучше. И знаютъ о дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права только самую общую черту его: „крѣпостные уволены“: потому совершенно убѣждены, что „прежніе крѣпостные живутъ теперь совсѣмъ хорошо, все равно какъ удѣльные“.

И такъ, прежде этимъ людямъ было очень недурно; теперь вовсе хорошо. Перемѣна прекрасная.

Подобны этому понятію моихъ друзей о преобразованіи судебной части. Судъ и прежде былъ хорошъ. Но нынѣшній судъ лучше прежняго. Прежде было недурно, а по новому порядку стало вовсе превосходно.

Ихъ процессъ—исключительный случай. Тутъ дѣйствовалъ Наполеонъ. Но до всяческихъ другихъ дѣлъ въ судахъ что за дѣло Наполеону? Всѣ вообще дѣла рѣшаетъ нынѣшній судъ правильно.

Начальники вообще хорошіе люди. Но чѣмъ выше начальство, тѣмъ оно добрѣе. — Нашъ народъ и вообще расположенъ думать, что чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ добрѣе онъ. У моихъ друзей это мнѣніе получило особенную силу потому, что справедливость его постоянно подтверждалась для нихъ фактами ихъ жизни во время процесса. Имъ приходилось видѣть въ это время много „начальниковъ, и гражданскихъ, и военныхъ, всякихъ“. Чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ онъ лучше; это постоянно было для нихъ такъ. — „Важный начальникъ никогда

дурного слова тебѣ не скажетъ: и терпѣливый онъ, и учтивый, и ласковый, и всякое облегченіе человѣку онъ всегда радъ сдѣлать“, — этотъ выводъ моихъ друзей изъ ихъ личнаго опыта совершенно натураленъ: вообще говоря, на высокихъ должностяхъ гораздо чаще, нежели на мелкихъ уѣздныхъ встрѣчаются люди хорошаго свѣтскаго воспитанія; ихъ обращеніе съ арестантами, разумѣется, терпѣливое, вѣжливое, снисходительное.

Особенно хвалить, какъ я ужъ говорилъ, мои друзья тогдашняго Саратовскаго губернатора и офицеровъ корпуса жандармовъ.

И, перейдемъ наконецъ къ понятіямъ моихъ друзей о государственномъ устройствѣ и къ подробностямъ ихъ убѣжденія въ томъ, что нынѣ царствующій Государь — святой угодникъ Божій.

Ни о какой иной формѣ государственнаго устройства, кромѣ нашей русской, Чистоплюевы и Головачева не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, не въ состояніи вообразить себѣ ни о какомъ народѣ иначе, какъ объ имѣющемъ самодержавнаго царя. Они слыхивали, что у Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ есть свои особые цари; всѣ эти цари — самодержавные. Имени нѣмецкаго царя они не слыхивали до моего разсказа о войнѣ Нѣмцевъ съ Французами. Не слыхивали и о его родствѣ съ Русскимъ царемъ. Услышавъ отъ меня его имя и узнавъ, что онъ дядя Русскому царю, они пустились въ слѣдующія соображенія: — „Дядя онъ Александру Николаевичу; стало быть, благочестивый человѣкъ?“ — Я сказалъ, что да; онъ не Греко-Россійской вѣры, а лютеранской, но очень благочестивый человѣкъ. — Я ужъ упоминалъ, что нѣмецкая или — они слышали и это названіе — лютеранская вѣра, по ихъ мнѣнію очень хорошая; разумѣется, менѣе хороша, чѣмъ Греко-Россійская (православная) и въ особенности старая вѣра, но все таки вѣра прекрасная. И, разумѣется, на мое сообщеніе имъ, что нѣмецкій императоръ лютеранинъ, они отвѣчали: — „Извѣстно, Нѣмецъ, то долженъ быть нѣмецкой вѣры. Но очень благочестивый онъ, правда?“ — Я снова сказалъ: да. — „Ну, такъ вотъ потому-то онъ и побѣдилъ Наполеона; за его благочестіе далъ ему Богъ это“. — Но вотъ вопросъ: кто жъ теперь царь у Французовъ, когда оказалось, чего никакъ нельзя было полагать, и чему очень мудрено было повѣрить, что Наполеонъ пересталъ царствовать надъ Французами, и даже умеръ. — „Ну, когда такъ, то скажи же, кто теперь царь у Французовъ?“ — Я не говорилъ моимъ друзьямъ неправды ни о чемъ, но и не вдавался жъ въ чтеніе лекцій имъ о вещахъ, которыя для нихъ непостижимы. Я уклонился отъ отвѣта о нынѣшнемъ „царѣ“ французовъ, давши своему отвѣту на ихъ вопросъ такую форму: — „Послѣ Наполеона сталъ управлять французами старичекъ, очень старый, Тьеръ, а послѣ этого старичка, который теперь ужъ и умеръ, управляетъ ими Макъ-Магонъ“. Я еще не зналъ тогда объ отставкѣ Макъ-Магона; я читалъ тогда только еще ту книжку присылаемаго мнѣ „Вѣстника Европы“, гдѣ говорилось, что Макъ-Магонъ назначилъ *ministère des affaires*, и оно готовится двинуть въ Парижъ корпусъ Дюкро. Я полагалъ, возьмутъ верхъ Бонапартисты и произведутъ — какъ знать, удачную или нѣтъ? — попытку провозгласить Наполеона IV. Мои друзья, разумѣется, не замѣтили несоотвѣтствіе моихъ словъ съ ихъ вопросомъ. И сказали: — „А! такъ вотъ какъ зовутъ нынѣшняго французскаго царя: Макъ-Магонъ“, — и совершенно удовлетворились этимъ. — Объ Англіи они слышали, что тамъ царъ теперь женщина; знали и ея имя, потому что кто-то говорилъ при

нихъ о бракосочетаніи дочери Русскаго царя съ сыномъ англійской царицы, Викторіи.—Но, благочестивая ль она? Должно быть, когда царь Александръ Николаевичъ выдалъ за ея сына свою дочь?—Я сказалъ, что да.—Живши въ Россіи, мои друзья не слыхивали объ Американцахъ. Здѣсь услышали по поводу толковъ о пришедшемъ въ устье Лены пароходъ. (Якутскъ и въ слѣдъ за нимъ Вилюйскъ были очень заинтересованы этимъ пароходомъ: предполагалось, что это купеческій пароходъ, привезъ всяческіе товары и будетъ продавать ихъ дешево. И долго предполагалось, что это пароходъ Американскій, пришедшій въ устье Лены изъ Калифорніи).—И такъ, вотъ есть, на свѣтѣ Американцы. Какъ зовутъ ихъ царя?—На этотъ вопросъ моихъ друзей я началъ отвѣтъ въ такой формѣ:— „Американцы и Англичане, это лишь названія разныя, потому что живутъ они черезъ море другъ отъ друга, а народъ это совсѣмъ одинакій“,—и я хотѣлъ толковать о колонизаціи новой Англіи и Виргиніи, пока надобѣсть моимъ друзьямъ слушать; но эта диверсія не понадобилась. Какъ только сказалъ я, что Англичане и Американцы совсѣмъ одинакій народъ, мои друзья рѣшили:— „А, ну такъ значитъ и надъ ними царица Викторія“. Я промолчалъ, тѣмъ дѣло и кончилось.—Объ Итальянцахъ не случилось тогда вспоминать моимъ друзьямъ, потому и осталось неизвѣстно имъ, я полагаю, имя Виктора Эммануила или Гумберта. Объ испанцахъ они и не слыхивали, я полагаю.

Узнавъ о томъ, что нѣмецкій царь и англійская царица, царствующая тоже и надъ Американцами, очень благочестивы, мои друзья стали снова способны слушать о результатахъ войны нѣмцевъ съ французами. Убѣдились, что Россія теперь—чего они никакъ не воображали, неподвластна Франціи. Послѣ успѣлъ я кое-какъ разтолковать имъ, что и никогда не была подвластна.

Тогда,—только тогда стало имъ понятно, что нелѣпы были тѣ выраженія, которыми давали они реплики слѣдователю; что не былъ онъ слуга Наполеона, и что не Наполеонъ погубилъ ихъ, сами себя погубили они.

Въ послѣднихъ строкахъ вѣтхительныхъ замѣтокъ къ этой запискѣ я сказалъ, какое мнѣніе стали они имѣть о себѣ, понявши, какую чепуху говорили они во время своихъ перебранокъ съ слѣдователемъ.

Они считаютъ теперь себя заслуживавшими — да и заслуживающими; возможно ли прощеніе? Нѣтъ!—заслуживающими смертной казни. Они оскорбляли царя Александра Николаевича, святаго угодника Божія.

И буду говорить, какъ думаютъ они о царѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Былъ когда-то въ Россіи дурной царь, Иванъ Грозный. Нечестивецъ онъ былъ, и убилъ много невинныхъ людей. Это было наказаніе Божіе Россіи. Но съ той поры Богъ всегда былъ милостивъ къ Россіи и всѣ цари, бывшіе послѣ Ивана Грознаго, были очень хорошіе. (О Лжедмитріѣ они не слыхивали, разумѣется; а то и онъ былъ бы, конечно, дурной царь). И такъ всѣ цари послѣ Ивана Грознаго были хороши; тотъ кружокъ, въ которомъ жили мои друзья до своего процесса, былъ чуждъ нетерпимости къ Православію, потому не враждебенъ мыслямъ образованныхъ классовъ о реформахъ Петра. Такимъ образомъ, вышло что и онъ не исключается изъ непремѣннаго ряда хорошихъ царей послѣ одного дурного.

Были хороши всѣ Русскіе цари, кромѣ Ивана Грознаго, отъ самаго крещенія Россіи. Но святыхъ между ними, послѣ Владиміра Равноапостольнаго, было только

двое: Алексѣй Михайловичъ, и вотъ, второй, нынѣшній царь Александръ Николаевичъ.

Почему Алексѣй Михайловичъ святой дѣло само собою понятное: онъ низложилъ Никона. Но ужъ поздно было поправить дѣло: всѣ архіереи тогдашніе держали сторону Никона; ну и осталось, какъ сдѣлалъ Никонъ. Никонъ и тѣ архіереи поступили дурно. Но лишь они поступили дурно. Послѣ люди ужъ такъ и родились и росли въ новой вѣрѣ; то что жъ дурнаго въ ихъ преданности ихъ природной вѣрѣ, которая, притомъ, и очень хороша. — Потому изъ архіереевъ, слѣдовавшихъ послѣ перваго поколѣнія, было ужъ много очень хорошихъ людей. И нынѣшніе Греко-Россійскіе (Православные) архіереи почти всѣ очень хорошіе. Въ Саратовѣ, напримѣръ, Іаковъ былъ дурной (онъ усердствовалъ преслѣдовать старообрядцевъ), а послѣ него всѣ архіереи въ Саратовѣ были очень хорошіе.

И такъ, то, что Алексѣй Михайловичъ святой, объясняется смутными преданіями о ссорѣ съ Никонѣмъ, преданіями, которыя, какъ видно, дошли до моихъ друзей и ихъ единовѣрцевъ отъ ихъ отцовъ и матерей въ очень сбивчивомъ видѣ, а сильнымъ религіознымъ чувствомъ Ворониной и, въ особенности, Катерины Чистоплюевой возведены въ призваніе отстаивавшаго прежнюю вѣру царя святымъ.

Почему нынѣшній царь Александръ Николаевичъ святой, понятно всякому образованному человѣку. Главные два мотива такому чувству моихъ друзей относительно его: освобожденіе крестьянъ и дарованіе спокойной жизни старообрядцамъ. Это не требуетъ разъясненій. Но признавъ его святымъ, Воронина, Катерина Чистоплюева и, подъ ихъ вліяніемъ, ихъ единовѣрцы должны были, разумѣется, примѣнить къ нему все то, что составляетъ, по ихъ мнѣнію, душевспасительный образъ жизни. Это не мало не монашество: всѣ они были счастливые, любящіе семейные люди, и оставались прекрасными семейными людьми, и остаются; монашество вовсе не годится для ихъ понятій о душевспасительной жизни. Святая жизнь—это хорошая семейная жизнь. Но жизнь не шумная, скромная. Безо всякой примѣси аскетическихъ крайностей, жизни въ изобиліи, но скромномъ; въ наслажденіи всѣми честными радостями семейной любви, и всѣми, доступными семейству по его денежнымъ средствамъ, удобствами; но удобствами, а не мотовствомъ денегъ на пустяки.

Царь Александръ Николаевичъ ведетъ именно такую жизнь. Онъ царь; ему, какъ царю, необходимо окружать себя и свое семейство царскимъ блескомъ. Но этотъ блескъ ихъ жизни—блескъ лишь для торжественныхъ церемоній, при которыхъ царь исполняетъ свои царскія обязанности. А въ домашней своей жизни царь Александръ Николаевичъ имѣетъ хорошую, очень не бѣдную, но совершенно скромную обстановку: такъ ему нравится; тѣмъ онъ и спасаетъ свою душу.

Что жъ?—Разумѣется, это передѣлка фактовъ по размѣру понятій простолюдинокъ. Но—и дѣйствительно, нынѣ царствующій Государь Императоръ и Его Супруга—люди, не любящіе въ своей домашней жизни лишней роскоши—кажется такъ?—Я не знаю этого близко. Но, кажется, такъ!

Позволю себѣ одно замѣчаніе. Сколько я могу судить, Ея Величество чрезвычайно скромная женщина, и, быть можетъ, Она слишкомъ мало извѣстна молвѣ. Если бы слышали о Ней больше, то и Ея причислили бы къ лику свя-

тыхъ Катерина Чистоплюева, Воронина, ихъ послѣдователи и послѣдовательницы. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но они мало слышали о Ней.

И такъ, царь Александръ Николаевичъ — святой.

Богъ даетъ своимъ святымъ силу совершать чудеса.

Дастъ онъ ее и Ему.

Россія благоденствуетъ. Но многіе русскіе люди или ведутъ дурную жизнь, или, по крайней мѣрѣ, часто поступаютъ нехорошо. Много въ Россіи пьяницъ, картежниковъ, безпутныхъ женщинъ, мошенниковъ; много порочныхъ людей. И хорошіе люди иногда ссорятся между собою; — хорошо ли это? — Иныя мужья бьютъ женъ, иныя жены невѣрны мужьямъ. Иныя дѣти непочтительны къ родителямъ.

Обо всѣмъ этомъ молится царь Александръ Николаевичъ Богу, чтобъ исправилось это.

Но исправить сердца людей можетъ только Богъ, давая своимъ угодникамъ силу низводить благодать въ сердца людей.

И когда угодно будетъ Богу, ниспешлетъ онъ по молитвѣ царя Александра Николаевича благодать свою въ сердца всѣхъ русскихъ людей, и всѣ мы будемъ тогда людьми, живущими честно и миролюбиво; не будетъ тогда въ Россіи ни пороковъ у людей, ни ссоръ между людьми.

Такова вѣра Катерины Чистоплюевой, ея мужа и ея тетки; о нихъ я говорю это съ полною достовѣрностью. По мнѣнію ихъ, совершенно такова жъ и вѣра трехъ другихъ людей, съ которыми жили они вмѣстѣ больше пяти лѣтъ въ Царицынѣ, Камышинѣ и Саратовѣ, и вмѣстѣ съ которыми совершили свой путь до Вилюйска.

К о н е ц ъ.

Н. Чернышевскій.

27-го Октября
1879 г.